Василий
АКСЁНОВ

ЛЕНД-ЛИЗОВСКИЕ

Lend – leasing

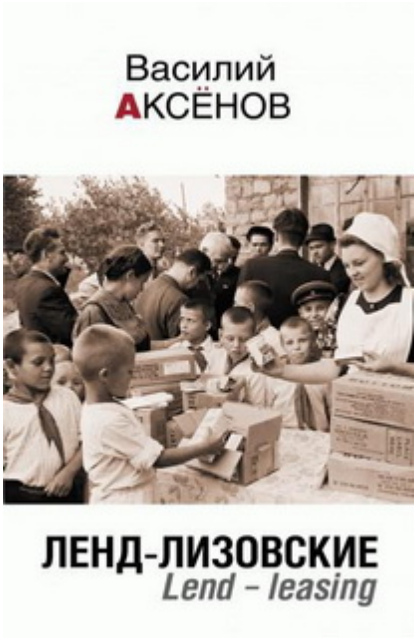
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Неоконченный автобиографический роман о детстве и юности — это портрет совсем еще юного Аксенова, увиденного им самим с высоты прожитых лет. Это памятник эпохе богатырей, чья молодость пришлась на ужасные годы Великой отечественной и чью судьбу определила война на годы вперед. Роман выходит с короткими предисловиями коллег и друзей писателя, каждый из которых вспомнил об авторе что-то очень личное и доброе, словно по кирпичикам воссоздавая образ Аксенова — философа, стиляги, борца и просто очень обаятельного человека.

- Ленд-лизовские
  - ○
- Предисловие к роману Василия Аксенова
  - ○
- Последний старт Василия Аксенова
  - ○
- Поверх ненависти
  - ○
- Часть первая
  - ○
- Часть вторая
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Ленд-лизовские



Предисловие к роману Василия Аксенова

Перед вами последний роман Василия Аксенова, двести страниц которого нашел в компьютере его сын Алексей. Аксенов рассчитывал закончить книгу к лету 2008 года. К 15 января этого года, когда он за рулем потерял сознание и до самой смерти не приходил в себя в результате так называемого ишемического инсульта, книга была готова примерно на две трети.

Есть что-то странное — и пугающее, и прекрасное — в таком долгом аксеновском уходе: полтора года он пребывал между жизнью и смертью, словно давая возможность привыкнуть, что его не будет. Новые книги продолжают выходить — сначала сборник малой прозы «Логово льва», куда вошло раннее и полузабытое. Потом «Таинственная страсть», поныне удерживающаяся в бестселлерах, — самые субъективные мемуары из всех шестидесятнических, но пристрастные в ахмадулинском смысле — «Да будем мы к своим друзьям пристрастны». Никогда о людях шестидесятых годов — с их метаниями, конформизмом и даже «таинственной страстью» к предательству, — не писали с такой любовью и горечью. Думаю, втайне Аксенов и рассчитывал на посмертную публикацию — не потому, что боялся рассориться с живыми, ссориться там не за что, а потому, что хотел их утешить этой книгой. Но сама мысль о «последнем романе», о прощании с литературой — совершенно не аксеновская: он, как все настоящие литераторы, чувствовал себя живым, только когда сочинял. И потому взялся за повесть о казанском детстве — единственном периоде его жизни, о котором не написано у него ни строки, если не считать гениальных «Завтраков 43-го года».

Почему «Ленд-лизовские. Lend-leasing»? У меня субъективное отношение к этому, но покажите мне человека, который объективен к явлению столь яркому и поляризующему, как Василий Павлович. Его либо обожали, либо на дух не принимали. Я знаю двух крупных критиков, один из которых пылко и убедительно доказывает, что Аксенов — прирожденный рассказчик и ни в коем случае не должен был браться за романы, а все, что было после «Ожога» включительно, рядом не лежало с «Победой» и «Бочкотарой», — тогда как другой с той же страстью убеждает, что Аксенов прежде всего романист, и рассказы его — плоские эскизы, а начался он как прозаик только с «Ожога», с идей полифонического романа, достигшего высшего развития в «Кесаревом свечении». А сам я полагаю, что главный жанр

Аксенова — повесть, и что лучшие его сочинения — «Рандеву», «Цапля» (повесть в драматической форме), «Стальная птица», «Поиски жанра» и детская трилогия. Так что чего-чего, а объективности этому автору не видать еще долго, и это хорошая судьба.

И вот мне кажется, что главной интенцией аксеновского сочинительства, подспудным авторским мотивом всегда был поиск счастья, фиксация самых острых его моментов. Это не просто счастье, а упоение, экстаз, выход за собственные пределы. В разные периоды он испытывал это счастье от разных вещей: от встречи с матерью после десятилетней мучительной разлуки, от встречи с дождливой, свежей, таинственной Европой, близость которой стала так ощутима в Ленинграде 1955 года, от джаза, от влюбленностей, от собственных внезапно открывшихся и все расширявшихся стилистических возможностей… Иногда это счастье ему дарил Крым, а иногда — вождение «жигуля». Иногда волейбол, а иногда алкоголь. Сначала Россия, потом Америка, а потом Франция. И читатель, раскрывая любой том Аксенова на любом месте, может рассчитывать на ожог счастья — я вообще против того, чтобы трактовать название «Ожога» только как намек на родовую травму, не позволяющую прикоснуться к главным надеждам и страхам. Для Аксенова с его поразительной реактивностью, гиперергией (термин медицинский, но ведь и он был врач) весь мир был — ожог, как для слизистой — глоток спирта. Другие пьянели, а он впадал в священное безумие, иногда счастливое, иногда мрачное. Другие наслаждались чужим текстом, а его этот текст заводил, ионизировал, вводил в транс — и потому его похвалы всегда так преувеличены; для Аксенова сказать «старик, ты гений» было совершенно естественно, и он знал это за собой, посвятив этому выражению прелестный пассаж в очерке «Иван». И страдал он так же отчаянно — вряд ли есть в русской литературе XX века книга, исполненная такой ненависти и боли, как «Ожог» (сам ВП однажды сказал: «Не люблю, истерическая книга», — но цену знал). Подчеркиваю: более страшных книг — полно, тут и Шаламов, и Солженицын, в конце концов, но такой детской силы чувства нет больше нигде. Слезы страдания, жалости, бессилия, непримиримости, животного ужаса перед нечеловеческим. И поскольку разогревать себя и свою литературу до нужного градуса счастья — или страдания — ему с годами становилось трудней, главной логикой его писательского развития был поиск все более сильного и экзотического материала, обращение к тем историям или воспоминаниям, которые бы гарантировали самые сильные чувства. Отсюда «Таинственная страсть» с ее коктебельскими восторгами —

может, и преувеличенными, но он так запомнил. Отсюда неожиданные «Редкие земли» с их фантастикой, отсылкой к «Сундучку» и «Памятнику», диким контрастом между той детской идиллией и «Фортецией», с потрясающей сценой заключения и освобождения всех его любимых персонажей и с их гала-парадом по ночной Москве. Отсюда даже «Вольтерьянцы и вольтерьянки», которые лично мне никогда не нравились, — но понять, почему его туда метнуло, можно: восемнадцатый век, все впервые, все свежо! Любимая тема: радостный ожог от соприкосновения с Европой! Ведь с той куртуазной Россией случилось то же, что с ним самим в двадцать два года, — шок освобождения. И этот шок ломает речь, кочевряжит язык, порождает стилистического монстра, вычурно вестернизированного, трудно воспринимаемого, избыточного, — но местами восторг! И «Ленд-лизовские. Lend-leasing» с его мрачным карнавалом советских типажей, военных и репрессивных трагедий, соседских дрязг и кляуз, с воспоминаниями о голоде, страхе, вражде, — переполнен таким счастьем, какое у позднего Аксенова редко найдешь. Детство — не только «ковш душевной глуби», по Пастернаку, но кладезь самых сильных, зашкаливающих эмоций, время нечеловеческого напряжения, — и вот «Ленд-лизовские. Lend-leasing» про это. В поисках самого острого счастья — Победы — Аксенов спустился в свой детский ад, и в этих шахтах кое-что так блестит, как никогда и нигде потом, ни в какой загранице.

Аксеновское детство было взрослым — не потому, что у него рано отняли родителей и дом, а потому, что он в силу ума, таланта и все той же остроты восприятия все воспринимал гипертрофированно, и не было у него той спасительной детской дистанции между жизнью и игрой, какая бывает у счастливых или глупых детей. У него все было всерьез, каждая драка, каждое слово, и он не прикасался к казанскому опыту военных лет не потому, что боялся растревожить рану, а потому, что берег этот материал на крайний случай. «Ленд-лиз» — гуманитарная помощь, и смысл названия не только в том, что Запад временно полюбил Россию и помогал ей, закладывая основы будущей шестидесятнической благодарности Америке, — а и в том, что Аксенов обращается к собственному детству за гуманитарной помощью, за источником силы и надежды, и оно эту помощь оказывает.

То, что Аксенов продолжает к нам приходить, — это, конечно, большое счастье. Он много всего наготовил. Пусть услышит там, где он сейчас, — наше спасибо. Потому что само его присутствие было доказательством чуда, свидетельством невероятных возможностей; потому что рядом с ним было не страшно, как

около отца, который все умеет и у которого все получается. Вот и еще один роман вышел, ура, Аксенов с нами. Хотя мы и так не сомневались.

Дмитрий Быков

Последний старт Василия Аксенова

Настойчивые призывы выступить в жанре мемуаров Василий Аксенов отвергал решительно и жестко, потому что считал это абсолютной сдачей позиций. Именно так реагировал он, например, в предисловии к сравнительно недавней книге «Зеница ока» (2005) на подобные призывы доброхотов:

«С нарастанием числа лет я всё больше получаю приглашений от издателей перейти на жанр воспоминаний. Многие говорят, что это модно, многие гарантируют успех на рынке. Немногие — те, что не спешат, — говорят, что это вроде бы мой долг. Кому долг и велик ли он? Долг прожитой жизни, ностальгии. У меня на этот счет есть своя точка зрения. Для меня литература — это и есть ностальгия, ничего больше и ничего меньше. Любая страница художественного текста — это попытка удержать или вернуть пролетающее и ускользающее мгновение. С этой точки зрения смешно ждать от автора двадцати пяти романов еще какой-то дополнительной ностальгии. Лучше уж я увеличу число романов, пока могу. Вот почему я постоянно увиливаю от любезных приглашений».

Так он поступил и на этот раз: вместо воспоминаний о своем военном детстве в Казани решил написать новый роман, который должен был состоять из трех частей. Он написал первую часть, начал вторую. Конечно, довел бы ее до конца и написал третью, но не успел…

А воспоминания о детстве Василий Аксенов хранил в памяти всю жизнь. Порой они прорывались наружу, в его прозу или в устные рассказы. Например, в рассказе «Зеница ока» (первая редакция относится к середине шестидесятых годов прошлого века, опубликован в 2004 году) он описал семью родной тетки, в которой рос, пока его отец и мать в качестве «врагов народа» отбывали сроки в сталинских лагерях. В «Зенице ока» есть краткие упоминания и голодного 1942 года, и ленд-лиза, и «игрищ» казанских подростков, сверстников рассказчика:

«Прошел еще год войны. Вдруг показалось, что выжили. Вечно сосущее чувство голода стало отступать по мере проникновения в мизерные пайки кое-каких лендлизовских продуктов, в частности яичного порошка и сала лярд. Павлушиному сыну шел уже одиннадцатый год. Он увлекался Джеком Лондоном, а также выпусками боевика «Тайна профессора Бураго». О судьбе своих родителей, отца Павла и матери Евгении, он ничего не знал <…> Детство шло в активных игрищах со сверстниками. Дома соединялись

проходными дворами, и пацаны носились по таинственным углам грязного мира, а также по чердакам и крышам…»

На тех же воспоминаниях голодных военных лет в Казани строился ранний аксеновский рассказ «Завтраки 43-го года» (1962):

«Мы учились с Ним в одном классе во время войны в далеком перенаселенном, заросшем желтым грязным льдом волжском городе. Он был третье-годник, я догнал его в четвертом классе в 43-м году. Я был тогда хил, ходил в телогрейке, огромных сапогах и темно-синих штанах, которые мне выделили по ордеру из американских подарков. Штаны были жесткие, из чертовой кожи…».

А в повести «Свияжск» (1981), помимо все тех же примет быта военных годин, фигурируют «начальник» пионерского лагеря «однорукий инвалид войны Прахаренко» (в романе — Стручков) и физрук Лидия (в романе — Эля Крутоярова). Так, ее герой Олег Шатуновский вспоминает:

«Признаться, я почти ничего не помню (о Свияжске. — В.Е.): ни расположения домов, ни рисунка решеток, ни числа людей, ни их лиц, за исключением, пожалуй, лишь начальника Прахаренко с его здоровенным шнобелем, да плакатной физкультурной физиономии нашей поднадзорной Лидии. Пожалуй, можно еще вспомнить высокую траву вперемешку с пучками камыша меж песчаных отмелей волжской стороны острова и загорелые ноги “физручки”, поднятые выше травы. В конце концов мы выследили ее и нашего начальника, спрятавшись за дюнкой, и стали свидетелями удивительного акта, просто-напросто озарившего все это наше пионерское лето».

Своеобразный колорит Казани угадывался и в рассказе «Две шинели и нос» из книги рассказов «Негатив положительного героя», там, правда, герой-рассказчик предстает перед нами уже в пору своей юности.

А из устных рассказов Аксенова запомнилось, что он дважды тонул в детстве. Первый раз в восемь лет — на реке Казанке, куда оправился купаться вместе с ватагой ребят из соседних дворов. Его чудом спас какой-то солдат: вытащил на берег, делал искусственное дыхание, откачал. В другой раз — через несколько лет, когда был в пионерском лагере. Тогда перевернулся баркас на слиянии Свияги с Волгой. Спасли оказавшиеся неподалеку рыбаки. Оба этих случая более развернуто запечатлены в романе.

Не раз вспоминал Аксенов с благодарностью американскую помощь Советскому Союзу по ленд-лизу во время войны. Сам факт безвозмездной американской помощи и ее масштабы долгие годы замалчивались советской пропагандой. Аксенов же был

убежден, что эта помощь многих спасла от голодной смерти, в первую очередь детей…

Все эти разрозненные воспоминания (и в разговорах, и в прозе) стали основой нового романа, во всяком случае, его первой части, которая даже при сравнении с лучшими вещами Аксенова отличается особой густотой и плотностью письма.

Что послужило побудительным толчком для его написания: причудливая случайность, внутренний долг очевидца военных лет рассказать правду о пережитом, возраст? А может быть, предстоящее посещение родной Казани в связи с фестивалем 2007 года, устроенным в его честь?

«Аксенов-фест 2007» прошел торжественно и пышно: с триумфальным вечером в драматическом театре, с посещением президента республики. В тот приезд прославленный писатель побывал и в доме, где прошло сиротское детство (тогда еще полуразрушенном, а теперь восстановленном и превращенном в Дом Аксенова), и в школе, где когда-то учился, и на кладбище, где могилы отца и других близких. Заметим, что тогда, в октябре 2007-го, он уже вовсю работал над своим последним сочинением…

А примерно месяц спустя в Москве упомянул как-то, что написана первая часть романа о «детях ленд-лиза». Сказал, что это такой самый настоящий, кондовый реализм, от которого он устал, и теперь нужно какое-то более свободное письмо, нужен какой-то прорыв.

Но, как убедится внимательный читатель, реализм-то этот все-таки чисто аксеновский. Ведь, несмотря на то, что основа повествования сугубо достоверна, вплоть до названий кинотеатров и улиц, здесь одновременно с этим столько художественных преувеличений, блестящего гротеска и фантазии, что вряд ли написанное таким образом может быть отнесено к тому добротному реализму, образцом которого являлась русская классика. Не позволяет этого сделать и язык повествования — сугубо уличный, с характерным аксеновским акцентом, подчеркнуто нелитературный.

А стремление освободиться от этого, пусть и особым образом понятого реализма, воспарить над элементарной достоверностью и обыденностью происходящего весьма характерно для творчества Аксенова. Он делал это не однажды (в зрелых вещах чуть ли не всегда), что является, быть может, главной отличительной чертой его стиля.

Очень показателен в этом смысле рассказ «А А А А» из уже упомянутой книги «Негатив положительного героя». Весь он насыщен вполне достоверными деталями и местами даже

смахивает на дневниковую запись, не лишенную, впрочем, весьма артистичных иронических эскапад, и вдруг в последней части находим такое вот авторское предуведомление: «Пришла уже пора подкручивать этому рассказу пружину». И начинается! Появляется надувной матрас, как плавучее средство для выхода из советской береговой зоны в нейтральные воды Балтики; прорезают темень прожектора пограничников; выныривают из темноты неведомые аквалангисты, которые увлекают с собой, словно «морские черти», мирную эстонскую библиотекаршу, дрейфующую вместе с героем-рассказчиком на означенном выше надувном матрасике.

Ту же резкую смену стиля наблюдаем и в последнем романе. К концу первой части нарастают прорывы в какую-то параллельную реальность, трудно постигаемую читателем, который приноровился уже к достоверной повествовательности предыдущих страниц. Нарастающий ритм напоминает учащенное сердцебиение. Резко меняется и лексика, опорными словами фраз становятся по-хлебниковски неожиданные неологизмы:

«И вот сим мифом заплясали в коки-маки! Они пошли уже всем дядинским кругоераком заплясали перед большим-антинским запрозаком; ну, чтобы вы хотели — танцуйте как бы вы хотели…»

Вторая часть романа, вернее, начало второй части (автор успел написать лишь три десятка страниц) вовлекает читателя в какие-то фантастические приключения. Герой романа Акси-Вакси на катере «Знаменательный» Краснознаменной Волжско-Каспийской речной флотилии вместе со своими друзьями мчится «в зону огромной бухты Остров-99», где собралась мощная флотилия кораблей ленд-лиза. Дальше начинаются военные сражения с «мощной державой Юга», которая пытается прервать снабжение по ленд-лизу. Эпизоды сражения перемежаются любовными сценами. Все это вызывает ощущение фантасмагории, разворачивающейся на наших глазах.

По-видимому, эти страницы романа представляют собой попытку реконструкции мальчишеского сознания, развитого мальчишеского воображения, не исключающего готовности к самопожертвованию и подвигу. Подтверждение тому вновь находим в повести «Свияжск», где ее герой вспоминает:

«База Волжской военной флотилии находилась где-то неподалеку от нашего пионерлагеря, и это, конечно, страшно нас интриговало. Много было разговоров о мониторах, удивительных, мелко сидящих судах с башенной тяжелой артиллерией, настоящих речных дредноутах…»

Как должно было продолжиться повествование? Какие

испытания ожидали в дальнейшем героя романа Акси-Вакси? Какие новые стилистические изменения претерпел бы роман? Продолжался бы свободный полет авторского воображения или повествование возвратилось бы на твердую почву достоверности?

На все эти вопросы не смог бы ответить даже Василий Аксенов, потому что творческий процесс являлся для него прежде всего импровизацией, недаром он с юности так любил джаз. А роман был прерван в ходе работы…

И все же отрадно, что написанная им часть романа воспроизведена в этом издании с абсолютной точностью — без какого-либо дописывания, редакторской правки и т. п. Любое вторжение в авторский текст было бы неуместным, прежде всего, по соображениям этическим.

Тем горше осознавать тот невероятный произвол, который учинили над текстом недавно умершего писателя издатели «Таинственной страсти» (Издательство «Семь дней», Москва, 2009), последнего завершенного аксеновского романа. После смерти Аксенова он был подвергнут вопреки его авторской воле семейной цензуре издателей, на что уже обратил внимание публики его ближайший друг Анатолий Гладилин в публикации на страницах журнала «Казань» (№ 3, 2010). Текст Аксенова «отредактировали», вымарав 4 (четыре!) полноценных главы и сделав пространные купюры в двух сохранившихся. Словно вернулись старые «добрые» времена, когда тексты Аксенова кромсала государственная цензура. Только тогда это было узаконено коммунистической властью, а сегодня, как видимо, полагают издатели, узаконено их деньгами.

К чести издательства «Эксмо», опубликованный ныне самый последний неоконченный текст Василия Аксенова читатели прочтут именно в том виде, какой он имел, когда писатель в последний раз выключал свой компьютер.

Виктор Есипов

Поверх ненависти

Для меня Василий Аксенов всегда был своим, то есть джазменом. Не в узко музыкальном смысле, а в общечеловеческом. Он обладал даром импровизации, потрясающим чувством драйва, был абсолютно независимым и свободным от догм и властей, не мог делать как все, то есть быть частью толпы. И терпеть не мог приспособленцев. По своему стилистическому многообразию наследие Аксенова можно сравнить с тем, что сделал в джазе Майлз Дэйвис, творивший во многих стилях от кул-джаза и модальной музыки до фри-джаза и фанки-фьюжн.

Я думаю, что среди известных советских писателей послевоенного поколения вряд ли кто-нибудь перенес в детстве психологические травмы, подобные тем, что описаны в последней книге Василия Аксенова. То, что все дети, родившиеся в 30-е годы, в одночасье повзрослели и даже постарели 22 июня 1941 года, уже было многократно отражено как в литературе, так и в кинофильмах советского периода. Но насколько остро это ощущается в данной книге, мне кажется, не удалось передать никому. А главное, что Василий Аксенов после всего, что сделала советская система с ним и его близкими, нашел в себе душевные силы и поднялся надо всем этим.

У него хватило мудрости и широты души простить эту власть, отнестись к ней как к тяжело больному уродливому организму, одряхлевшему, лживому и все еще опасному. В своих последних интервью он прямо говорил о том, что всегда мечтал вернуться в Россию. Он начал осуществлять эту идею постепенно, сперва обосновавшись в квартире в высотке на Котельниках, которую вернул Майе тогдашний мэр Москвы Гавриил Попов. Позже он приобрел дом в Биаррице, чтобы обитать в Европе, ближе к Москве, где и провел свои последние годы жизни, постепенно врастая в абсолютно новую для него культуру, с новым языком, иными эстетическими ценностями. Для писателя-эмигранта это был настоящий подвиг — переосмыслить жизнь в постсоветской России и возродиться для нового российского читателя, создав целый ряд произведений, составивших основы нового творческого периода.

Я помню, как в один из первых приездов в Москву, где-то в конце 80-х, на волне горбачевской перестройки, Аксенов позвонил мне и попросил отвезти его в Серебряный Бор. У него тогда еще не было в России собственного автомобиля. А у меня уже были «Жигули». И вот, в летний воскресный день мы поехали

по Хорошевке, но на территорию этого дачного острова дорога оказалась перекрытой ГАИ. Мы оставили машину неподалеку от шлагбаума и пешком перешли то, что можно условно назвать мостом. И очутились в Серебряном Бору. В советские времена это было дачное место, причем наряду с простыми домиками местных жителей там постепенно возникли целые участки с домами, где разрешали селиться только известным людям — ученым, писателям, генералам, партийным функционерам. Таким образом Серебряный Бор стал типично советским «блатным» поселком.

Я еще не совсем понимал, почему Вася попросил привести его именно сюда. Как только мы вступили на первую улочку между дачными заборами, он объяснил мне, что, живя в Вашингтоне, работал над романом «Московская сага», где все действие разворачивается в одном огромном доме в Серебряном Бору, где выросло несколько поколений одной известной советской семьи, пережившей все периоды нашей истории, репрессии, взлеты и падения. Работая над романом в Америке, Василий мысленно представлял, как должен выглядеть этот дом. Мы довольно долго бродили по поселку, но Аксенов никак не мог найти хоть что-то, похожее на то, что уже сложилось в его сознании. И все-таки мы съездили не зря. Неожиданно Василий застыл и, показав мне на двухэтажный деревянный особняк, стоящий за забором на большом участке, воскликнул: «Вот этот дом! Таким я себе его и представлял!» Он сразу успокоился, после чего мы уехали.

Иногда, во время первых визитов в Москву, Вася просил меня сводить его в типичное злачное место, где проводит время современная молодежь. Ему необходимо было понять, что происходит с новым поколением тех, кому предстоит жить в свободной России. В самом начале 90-х в Москве ночные дискотеки были редкостью, но зато какие, и что там творилось. Одним из самых популярных мест тогда была дискотека «Ред зон», находившаяся в районе спорткомплекса ЦСКА рядом с «Аэровокзалом» на Ленинградском шоссе. Сам я ни за что бы туда не сунулся, поскольку там собиралась «урла», плебейская шпана из Подмосковья. Там можно было оглохнуть от грохота примитивной модной совковой «попсы». Но ради Васи я осмелился. В громадном помещении, бывшем когда-то одним из цехов какого-то предприятия, были установлены высоченные узкие клетки, сделанные из прозрачного плексиглаза. В каждой из них, подсвеченные софитами, кривлялись и извивались всю ночь без перерыва совершенно голые молоденькие девушки. Василий, увидев все это, слегка обалдел и сказал, что даже в Америке такое невозможно.

Вообще, первые визиты в Москву принесли ему, как мне показалось, массу неожиданностей, если не разочарования, несмотря на горячий прием со стороны старых друзей и театрально-литературной общественности. Особенно его поразила бурная торговая активность, обилие вещевых рынков, армия «челноков», возрождение жулья, наперсточников, карманников, кидал разного типа и, конечно, сопрвождавшего все это рэкета, «крышевания», заказных убийств и бандитских разборок, происходивших тогда прямо на улицах города. Мне кажется, что именно ему принадлежит появившийся новый термин, охарактеризовавший российскую экономику — «караванный капитализм». И тем не менее Аксенов сумел преодолеть это первое негативное впечатление и начал более углубленно познавать российскую культурную действительность, к тому времени ушедшую в глубокое подполье, гораздо более глубокое, чем при большевиках. Это подполье, в отличие от идеологического, где еще возможны были разные сложные игры с властями, стало абсолютно глухим и безнадежным для тех, кто не собирался продаваться людям с мешками денег. Все настоящее переместилось в сферу, которую точнее было бы назвать «субкультурой». И Аксенов довольно быстро освоился в этом пространстве.

Должен признаться, что аксеновская способность к всепрощению помогла мне избавиться от тотальной ненависти ко всему советскому, относящемуся к годам моей юности, то есть к хрущевско-брежневским временам. (Простить или забыть такие вещи, как нацизм, холокост или сталинизм невозможно. Это далеко выходит за рамки обычной человеческой морали и относится скорее к проявлению Высших сил Зла. Такое не поддается человеческому разуму.) Для меня, как джазмена, не имевшего никаких перспектив в сталинско-хрущевско-брежневские времена, не оставалось тогда никаких иных чувств, кроме ненависти и презрения к «совку». Позднее, когда монстр рухнул и мы вдруг оказались на свободе, постепенно стало приходить прозрение, что существовать дальше, ненавидя все советское, это значит — продолжать жить в этом самом «совке». Я ощутил это особенно остро, когда у меня появилась возможность ездить за рубеж и возобновились контакты с теми, кто давно эмигрировал. Как выяснилось, многие бывшие советские люди так и живут в своем виртуальном советском прошлом, заказывая себе из России в Израиль, в Германию или США своих любимых советских эстрадных «звезд», именно тех, что для нормальной диссидентски ориентированной интеллигенции были символом этого самого «совка», с привкусом пошлости. Аксенов, как

истинный знаток джаза и джазмен в душе, к этой категории эмигрантов никогда не относился. Он ощущал себя настоящим американцем, но сохранил любовь к России. Это самосознание оставалось и после его передислокации в Москву.

В книге «Ленд-лизовские. Lend-leasing» не только встает во всем своем ужасе голод военных лет, но и та громадная роль помощи союзников, о которой незаслуженно умалчивали и тогда, да и сейчас. Трудно представить, как обернулись бы события во Второй мировой войне, если бы не «Ленд-лиз» и не открытие Второго фронта. Василий Аксенов по-своему попытался восстановить справедливость.

Алексей Козлов

Часть первая

За несколько дворов от нашего захезанного сада в подвальном помещении с матухой-дворничихой жил авторитетный подросток Шранин. За год до войны он умудрился в каком-то клубе пробавляться помощником киномеханика; отсюда и возник среди детей его исключительный авторитет.

В конце тридцатых вышел удивительный фильм «Заключенные». Он повествовал о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Многие тысячи зэков проходили процесс героической перековки. Огромный лозунг над входом в зону вещал мудрость XX века: «Труд приносит свободу!» Энтузиасты с лопатами и кирками бодро маршировали к шлюзам.

Далеко не все, однако, обладали самосознанием. В одном из бараков зоны блатные зэки категорически бойкотировали созидательный труд. Вохра гнала их к тачкам, а они, обхлопывая себя по коленкам и задам, отчебучивали чечетку.

Грязной тачкой
Рук не пачкай!
Ха-ха!
Это дело перекурим
Как-нибудь!

Во главе барака стоял персонаж по кличке Костя-капитан. В исполнении резко характерного актера Астангова этот персонаж захватил популярность городских дворов. Пацаны носили кепарики набекрень, черные полупальто с поднятым воротом, цикали желтой дегтярной слюной или жмыхом из-за фальшивой «фиксы», хрипели под гитаренцию:

Этап на Север, срока огромные,
Кого ни спросишь, у всех Указ!
Взгляни, взгляни в лицо мое суровое,
Взгляни, быть может, в последний раз…

Картину очень быстро запретили как идеологически неверную и вредную. Перековка жестокого «пахана» в «стахановца» была поднята на смех, экран потух, остались только припрятанные в аппаратной кадрики любимого героя.

В архипелаге булгарском вокруг Проломной и Кабана к таким пятнадцатилетним «капитанам», вроде Шмока Шранина и Бобы Свэчко, не рекомендовали приближаться.

Свэчко мог спросить Шранина: «Это что за пацан вокруг нас крутится, Шмок?» — «Да это Акси-Вакси, из пятьдесят пятого малолетка». — «Вакуированный, что ль?» — «Да нет, сам подрос».

Они пошли на перехват, допустим, Акси-Вакси. У Шранина

чубчик вился под срезанным козырьком. У Свэчко громоздилась будущая тыловая фортеция нижней челюсти. У Акси-Вакси возник импульс сквозануть через Карла Маркса на 26 Бакинских комиссаров. «Капитаны» тогда могли разделиться на две группы, то есть по одному. Сейчас Акси-Вакси подвергнут допросу: ты чего, мол, тут крутишься? Восьмилетний малолетка в не по сезону легких штанах, однако в утепленной кацавейке — от слов «кац» и «вейся» — не станет же открыто высказывать свое восхищение шпаной и о своем сравнении этих «капитанов» с устричными пиратами залива Сан-Франциско не скажет ни слова. Он скорее скажет, что получил задание по сбору металлолома, но никогда не признается, что кишки сводит от голода в этой слегка промороженной местности говна.

Боба и Шмок могут представить допрос с пристрастием. Признавайся, оголец, на кого работаешь? Шпионское гнездо инженера Кочина, что ли? Ну что, дадим ему ультиматум по жопе, Боб? Я лучше возьму его за кость, Шмок.

Тут может послышаться стук довоенных каблуков. Бежит, спешит собственная пленника Акси-Вакси тридцатилетняя тетя Котя с сияющими голодом глазами, в распахнутой жакетке, под которой — притягательная грудь. Она может не глядя вырвать второклассника у дегенеративной публики упадочного кинофильма.

«Дай мне руку и идем. В нашем районе открыты питательные пункты. Мне выданы талоны!» — горделиво воскликнула тетя Котя. Акси-Вакси помчался по флангу.

Они стремились двинуться центростремительно и отчасти центробежно по отношению к заваленным внутрь окнам коммуналки. Там на подоконнике вытянутыми иконками могут зиять три голодающих лика: семилетняя сестричка Галетка, трехлетний неуклюжец Шушуршик, двухлетний четырехцветный Бубурс. Последний, правда, недурственно промышлял мышнёй.

Эта публика, включающая и восьми-с-половиной-летнего Акси-Вакси, в связи с возможным полным отсутствием завтрака могла помещаться на расщепленном подоконнике, с которого виден был трамвайный тракт, по которому циркулировал на базар и обратно беглый народ наших захваченных врагом западных провинций.

Сидя на окне, детский люд мог себе вообразить победоносное возвращение нашей главной кормилицы тетушки Ксении. Да, ей удалось освободиться, вообразим, от обуви, предположим, от почти новых галош с мягкой красной подкладкой, или от предметов домашней утвари, ну, скажем, от мясорубки, за которую могут отстегнуть солидную сумму. Допустим, что ей

удалось 10 процентов комиссионных за продажу обратить в оптимистическую поклажу — в различные, вообразим, тючки, ну, скажем, с сахаром или с липкими подушечками, мешочки, хо-хо, с картофелем или с луком, в шматок сальца или в четвертинку подсолнечного масла… Хо-хо-хо, эдакий пир, как оживает наш очаг и как мы сидим вокруг стола и с любовью смотрим друг на друга перед тем, как начать тихую трапезу.

Увы, далеко не всегда так бывает, а чаще тетушка Ксюша приходит с пустыми руками, а дочь ее тетя Котя прибегает из бюрократических чертогов волжской республики, потеряв весь день в попытках прикрепить наши продовольственные карточки хоть к какому-нибудь, пусть хоть самому затрапезному, магазинчику. Вот так могло быть и в тот день бесснежной зимы. Тетя Котя может нервничать, рыскать в ридикюле в поисках пит-талонов. Могут пронестись мимо нее сзади, как шпанистая конница Чапаева, вея и хлопая коротким черным тряпьем, короли смежных дворов, могут далеко обогнать и поджидать, приплясывая под воображаемые балалайки:

Тетя Котя,
Что вы трете
Между ног,
Когда идете?

Молодая дама может коротко взрыдать в заскорузлый кружевной платочек. Альтернатива: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч…»

Акси-Вакси не герой и штаны у него с дырой, однако и он способен головенцией въехать в брюханц тому или иному хулигану, «косте-капитану». Тетя Котя, однако, увлекает его в пол-парадное.

«Негодяи! — кричит она в полностью отсыревший участок платка. — Дождетесь, дядя Феля вернется под стягами победы!»

Говорят, что с начала войны трамвайный городище Булгары по количеству населения вырос в десять раз и превзошел два с половиной миллиона. Толпы эвакуированных толклись на барахоловках, пытаясь что-нибудь продать из предметов обихода — ну, скажем, абажур или патефон, — чтобы купить хоть малую толику съестного. Голод между тем только увеличивался.

Городские власти почти в истерическом состоянии стали открывать питательные пункты, куда пропускали по талонам. Тетя Котя, то есть дочь тети Ксюши и мать моих малолетних племянников, только что поступила на работу в Радиокомитет, и ей до начала следующего месяца предложили питаться по пунктам. Вместо того чтобы растянуть эти свои талончики на две недели, она собрала все семейство и двинулась в «Пассаж», под

стеклянной крышей которого как раз и располагался основной питательный пункт.

По мраморной лестнице со стертыми до острых углов ступенями лепились очереди голодных. Что еще запомнилось? Как ни странно, обилие света. Остатки кафеля на полу и на стенах отсвечивали солнечные лучи, проникающие сквозь разбитый грязный купол. Беспорядочно порхали воробьи, и зловеще кружили вороны. К концу войны этот купол, кажется, обвалился.

В меню было одно блюдо — «горячий суп с капустой». Отнюдь не щи и уж тем более не борщ. Подсобники с красными повязками вываливали в котлы с кипятком грубо нарубленные кочаны. Там они более или менее размягчались. «Суп» обладал удивительной зеленоватой прозрачностью, потому что в нем не было никаких питательных добавок: ни картошки, ни крупы, ни свеклы, не говоря уже о мясе или масле. Похоже, что и соли туда не добавляли, хотя подсобники растаскивали мокрые, с обрывками упаковки булыги минерала. Иными словами, питательный состав был близок к совершенству: горячая вода с кусками капусты.

Мы, семья Котельниковичей, все дети, плюс школьница Шапиро, тетя Котя, тетя Ксеня и баба Дуня, покончили со своей едой, не вдаваясь в подробности вкуса. Миски и ложки у нас тут же отобрали и показали нам всем на выход. Запомнилось ощущение горячей тяжести в желудке.

«Хоть и противно, а все-ш-таки полезно», — сказала тетя Ксеня.

Вокруг среди выходящих повторяли популярную фразу тылового кошмара: «Жить можно».

«По крайней мере сегодня», — дерзковато хохотнула школьница Шапиро. Она даже крутанула какой-то фокстротик и чуть-чуть пукнула капустным пузырьком.

Пытаясь вспомнить сейчас страшную голодную зиму 1941–42-го, мне кажется, что мы, тогдашние дети, подсознательно испытывали ощущение полной заброшенности. Советский Союз на грани краха. Никто не печется больше о наших жизнях, о наших школах, об отоплении, о завтраках, о прививках, о медпунктах, о выдаче валенок и галош, об утренних гимнастиках, преподавателей которых одного за другим отправляли на фронт для полного уничтожения или частичного искалечивания. Приближается общий тотальный ужас — фронт! Идет волна зажигательных бомб. Кто спасет наши дряхлые дома от полыхающих стен? Какую пользу принесут бочки с водой и ящики с песком? Любые фотографии или кадры «Новостей дня» говорят

какому-нибудь смекалистому мальцу, что против нас на больших скоростях движется европейская техника, что сонмище мотоциклистов — это новое поколение безжалостных захватчиков.

Акси-Вакси иной раз вспоминал бодрость довоенного Агитпропа. Вот, в частности, по музыкальному департаменту Гражданской войны — ведь сколько было мечтательных музык! Вот возьмите, например, «Там вдали, за рекой зажигались огни, / В небе ясном заря занималась, / Сотня юных бойцов из буденновских войск / На рассвете в поля поскакала…» Или там: «Дан приказ: ему на запад, / Ей — в другую сторону, / Уходили комсомольцы / На гражданскую войну…»

Ах, Акси-Вакси, как мечтательно все это такое тебе представлялось, и все звало вперед, и близилась бесконечная и манящая победа…

А ведь сейчас, в такой страшной заброшенности, и Агитпроп-то фактически развалился, оставив одну лишь оскаленность, чудовищный грохот чугуна, до перехвата горла какую-то исковерканную безнадегу.

«Вставай, страна огромная, / Вставай на страшный бой, / С фашистской силой темною, / С кровавою ордой!

Тупой фашистской нечисти / Загоним пулю в лоб! / Ублюдкам человечества / Сколотим крепкий гроб!

Дадим отпор душителям / Всех пламенных идей, / Мучителям, грабителям, / Пытателям людей…»

Да, эта песня владела каким-то магнитным гипнозом, однако массы, влекомые ею, волоклись в какую-то неизбежную штольню. Акси-Вакси, ковыляя по наледи, пытаясь разогреться после нетопленой школы перед промерзшей квартирой, неизбежно вспоминал, как что-то рухнуло четыре года назад в его личном детском мире. Катастрофы шли одна за другой, а одна просто-напросто положила на горло ворсистую лапу. Трудно было понять, откуда идет давление: снаружи от мокрого ворса или изнутри от ворсистой глисты. Где-то в просторе инфекционного отделения рыдала мать какой-то девятилетней девочки. Мальчик, оставшийся в полном одиночестве, задыхался и хватал за руки сестриц. Потом провалился в беспамятство и очнулся перед высоким заснеженным окном. В этой заснеженности вдруг вспорхнула с ветки стайка красногрудых, как их, как их — снегирей. Вздохнул свободно и вспомнил, что спасен.

То, что было тогда с ним одним, сейчас, казалось, подбирается к общему горлу Советского Союза. Женщины, сможете ли нас спасти? Оставьте хоть малость надежды.

Вот так же пройдите по проходу инфекционной клиники, как

шли мои тетки и дядя Феля с кулечком завернутых в папиросную бумагу апельсинов: NO PASARAN!

К 1943-му положение чуть-чуть изменилось в лучшую сторону. Во-первых, наладилось малость мошенничество. Измученное население научилось как-то соображать, кому, какие и за что надо оказывать услуги. По продовольственным карточкам стало возможным иногда получать невиданные доселе продукты: белое мягкое (для намазывания на хлеб) сало — лярд, яичный порошок для омлетов или просто для посыпки поверх сала, мясные консервы, ветчинные консервы с ключом на мягкой металлической ленточке (шофер генерала Мясопьянова показывал нам, как правильно наматывать ленточку на ключик), сгущенное молоко, сухое молоко в пакетах с непонятными английскими надписями, пакетики чаю на одну заварку… и т. д.

Поставки продовольствия в рамках lend-lease («в-долг-с-рассрочкой») не только уберегли миллионы детей от истощения и рахита, они также подняли общее настроение. Еда прибывала к нашим желудкам, в общем-то, в мизерных количествах, однако народ вроде бы стал понимать, что он не одинок, что о его детях пекутся в далеких странах, как тогда говорили, «свободолюбивого человечества».

Акси-Вакси приближался к старшему детскому возрасту и однажды проснулся ночью с острым чувством ностальгии по только что ушедшему в прошлое «году голода». Ночные просыпанья случались и раньше, после выемки мальца из детского коллектора, собранного после ареста родителей. Сердце бухало по всему телу, темный ужас то погонял его, то непростительно тормозил: как бы не рассыпать все это по дороге; куда бежать? Ностальгический подъем отличался от темного драпа. Вдруг Акси-Вакси почувствовал подъем человеческого достоинства. Нет-нет, мы не просто подыхали! Мы выдержали!

В пятых классах знаменитой девятнадцатой школы, что расположена была по соседству с клиниками мединститута, народ донельзя волновался судьбой северных конвоев союзников, что упорно продвигались к нашим берегам с грузом обогащенного витаминами яичного порошка. Все дальше и дальше к Мурманску и Архангельску через необъятные просторы, где за каждой волной дежурили нацистские перископы, а воздушные перехватчики готовы были выпрыгнуть из-за каждой тучи.

Холмский сказал Акси-Вакси, что конвои теряют по пути пятьдесят процентов своего состава, в том смысле, что половина кораблей идет ко дну. Уцелевшая половина сразу идет в ремонтные доки, а уцелевшие моряки Англии, Америки, Канады, Австралии, Индии и Польши в советских морских госпиталях

теряют руки, ноги, фрагменты лиц и приобретают только стручковидные свисающие трансплантанты.

Пронзительное чувство общности охватывало пятые классы.

Повальная голодуха отодвинута. Запад снабжает нас хоть и минимальным, но все-таки реальным количеством белков, жиров и углеводов, а также витаминных кислот.

В начале 1960-х, будучи уже молодым писателем, я написал рассказ «Завтраки 43-го года». Мне вспомнился тогда ежедневный школьный завтрак, представляющий из себя ломтик ржаного хлеба, смазанный лярдом и присыпанный сверху яичным порошком. В классе образовалась блатная группа, обложившая пятиклассников данью. Две трети завтраков исчезали в замазанных мешках блатных. Герой вспоминает, как они вдруг решили бороться за свои кусочки, то есть впрямую присоединиться к действиям ленд-лиза. Слава морякам северных конвоев и пилотам воздушных эскортов! Так советская наглухо заколоченная держава понемногу, хоть и со скрипом, приоткрывала свои ворота.

Одновременно с глобальными поставками еды и снаряжения большое оживление и оптимистический настрой приносили вещевые посылки рядовых граждан англосаксонских стран. Тетя Котя каким-то образом оказалась в руководящей комиссии по распределению вещей. Вдруг приносит нашей беженке школьнице Майке Шапиро какое-то восхитительное темно-синее теплое пальто с карманной этикеткой «Cashmere. India». В другой раз ошарашивают лично Акси-Вакси невиданные по красоте и по качеству ботинки. Вспоминая потом постоянно хлюпающие ноги в мокрых чоботах, я постоянно думал: откуда мои нищие тетки добывали для растущего Акси-Вакси хоть что-то пусть безобразное, но все-таки обувное?

И вдруг: я держу в руке дар небес или морей, в общем, того и другого — ботинки из Британского доминиона Канада! Любовно я поднимал эти тяжеленькие и в то же время мягонькие и наблюдал, как они плывут надо мной то парой, то поодиночке. Так я любовался ими, как какими-нибудь великолепными щенками с многообещающим будущим; казалось, они запляшут сейчас, переполненные радостью жизни. Я переворачивал их подошвами вверх и глаз не мог оторвать от неслыханных подошв, на внешней стороне которых, на обеих, во всю ширину красовались рельефные отпечатки герба Британской империи.

Эти гербы убедили меня, что я, полуоборванец в свалявшихся валенках и потрескавшихся галошах, не имею ни малейшего права щеголять в таких ботинках. Разве я могу топать на этих гордых гербах по нашим грязным и кочковатым улицам? Не

пройдет и месяца, как гербы сотрутся. Да и вообще, мое появление в новеньких полноразмерных канадских ботинках вызовет в классе настоящий «шухер». Приблатненные пацаны будут ждать меня за углом и там замастырят «темную». И придется мне пять кварталов бежать босиком домой по зассанному льду. Это в лучшем случае, а в худшем — пощекочут финкарями. Придвинутся рожи с вонючими «фиксатыми» пастями — уж столько десятилетий прошло, а все от них тошнит. Нет, эта превосходная заокеанская обувка с металлическими крючками, вокруг которых натягиваются нервущиеся шнурки, — не по мне. Пусть подождут до лучших времен, до открытия второго фронта, скажем, или до разгрома гитлеровской Германии. Иной раз он видел во сне, как гербовые башмаки растут год за годом вместе с самим Акси-Вакси.

Интересно, что в младоватые годы меня снова и как-то по-новому посетили эти гербы. Где-то я прочел — у Мочульского, что ли? — кое-что новое о нашем российском вечноватом герое Акакии Акакиевиче. Ведь он, благодаря НВГ, передвигался всегда на цыпочках, чтобы сэкономить подошвы. Нет-нет, убеждал я сам себя: вовсе не о подошвах он пекся, а о гербах на подошвах; гербы Британской империи — знаки lend-leas'a!

Завершилась эта история тем, что он отдал их тетке, а та отнесла их на толкучку. На вырученные деньги она купила пакет яичного порошка, банку сала, две банки тушенки, три баночки сладчайшей сгущенки и три кирпича ржаного хлеба. Семья воспряла, а тут еще зашел проездом морячок из Владивостока, где служил в береговой артиллерии наш дядя Феля. Он привез от него соленого лосося в пол-людского роста, из тех, что идут к нересту, ломая лед. Вообразите пир этого семейства, особенно тети Ксюши, которая протащила нас через черную пустошь 1942 года.

В начале 1943 года тетя Котя неизвестно каким образом получила должность в республиканском Радиокомитете, и не малую, между прочим, — завотделом информации, что обеспечивало продовольственным литером «Б» в надежном магазине руководящего состава. У Акси-Вакси тогда — очевидно, благодаря неожиданному повышению литера — промелькнула шальная мысль: а что, если теперь уже скоро вернутся из «долгосрочной командировки» его некогда столь великолепные родители?

Однажды он нашел фотографию этих великолепных родителей в паспарту из отменного картона, сделанную в известном ателье на Чернышевской, которое старожилы до сих пор называли «Бывший Майофис». Великолепные родители сияли

молодой зрелостью и любовью. Он был в каракулевом полушубке и в большом каракулевом же кепи, под которым посвечивали очочки марки ВЦИК. У нее на плечах вальяжно расположилась чернобурка с филигранно выработанной мордочкой. Он положил этот картон между томами Малой советской энциклопедии и таким образом как бы включил их в картотеку своих сновидений.

Вот именно так они появляются в сопровождении обеих нянек, Евфимии и Глаферии, а также бабы Дуни и шофера Мыльникова, идут по паркетам в его спаленку. Мальчик делает вид, что спит, а сам воспаряет в шоколадных ароматах: ах, какие у меня великолепные родители!

Только в 1943-м в его сознание проникает странность исчезновения этих двух великолепных. С какой стати великолепные родители оставили шестикомнатную квартиру и служебный автомобиль и отправились в какую-то малореальную долгосрочную, а может быть, и бессрочную челюскинско-папанинскую полярную командировку?

Едва лишь испарились ботиночные страсти, как тетя Котя явилась с еще одним заокеанским подарком. На этот раз это были штаны! Штаны из Штатов! Соединенные Штаны Америки! Темно-голубые жесткие штаны, простроченные суровыми белыми нитками по всем линиям кроя, то есть вдоль бедер, на заду, на карманах и на помочах с кокеткой. Кое-где в эти швы были вделаны медные неснимаемые кнопки непонятного назначения. Еще более непонятным был кусок кожи, наглухо притороченный к заднему карману. На нем были большие латинские буквы и цифра 1858. Было очевидно, что это не просто одежда для задницы, что при некоторых дерзновенных обстоятельствах они могут, скажем, затрепетать на вантах — благо что близки были к парусине.

Слово «джинсы» пока еще не существовало в вольерах русского языка. Если считать от 1944-го до 1956-го, оно еще 12 лет не появится. Пока что Акси-Вакси неловко путешествовать по жизни в таких штанах. Ребята посмеивались: «Где ты оторвал такую спецовку из «чертовой кожи»?» Постепенно А-В так привык к ним, что не представлял себе мальчика в других. Они обладали особыми свойствами: с течением времени они приобретали формы хозяйских ног, а если вы повиснете на чугунной пике городского парка, не паникуйте — выдержат!

В парке, в летнем кинотеатре, показывали новые заграничные фильмы, например, английский «Джордж из Динки-джаза». Преодолев первое капитальное ограждение, мы карабкались на деревья, окружающие кинотеатр, и, устроившись там среди листвы, затаив дыхание, просматривали до конца эту военную

комедию, в которой банджист Джордж с помощью невероятных по идиотизму трюков разоблачает еще более идиотский заговор германских шпионов, нацеленный как раз на те самые северные караваны, что тащили для нас яичный порошок.

О боги Северных морей, помогите нашему лабуху с его банджо пропеть до конца все его песенки! Всякий раз, сколько бы Акси-Вакси ни смотрел эту лихую ленту, в которой людей подстреливают с той же простотой, с какой прыгают в механический чан с вращающимся тестом, где наш герой разоблачает коварную куртизанку, чтобы влюбиться в девушку из антинацистской агентуры, и она помогает ему пробраться в немецкую подлодку, и все это идет под бренчание банджо и серебряные обвалы огромного джаза; сколько бы раз эта лента ни прокатывалась через заштопанный экран, в глубоком тылу СССР немного повышалось общее настроение.

Был некий таинственный момент в этих просмотрах. Почему-то наши беспардонные пролазы очень часто совпадали с посещениями курсантов летного училища. Парни, младшая группа которых была на четыре года старше наших пятых, нас до чрезвычайности интриговали. Их синие пилотки очень гармонировали с синими погонами. Увидев приближающуюся с грохотом сапогов роту курсантов, наша пацанва застывала с разинутыми ртами.

«Летная идет!»

«На помывку топают!»

Резко отбивая шаг, крепко держа под левой рукой банные принадлежности, из которых торчали мочалки и выскальзывали иной раз кусочки мыл, курсанты мощно держали ритм строевой песни. Интересно, что в их любимой песне звучали одна за другой две самые разные темы: ну, скажем, одна была про какого-то человечка по имени Йосел. Ее, кажется, им подарила одна беженка-москвичка, а точнее, моя сводная сестра Майка Шапиро.

Ах, бедный Йосел!

Милый бедный Йосел!

Он мал лишь ростом,

Но богат умом!

Когда он сердится,

Он смотрит косо

И вся Централка думает о нем!

А вот другая, вернее вторая, тема посвящена девичьей персоне, известной как «Подруга дорогая», о которой в унисон рявкает весь строй:

Не забывай, «Подруга дорогая»,

Про наши песни, взгляды и мечты!

Эх, расстаемся мы теперь,
Но, милая, поверь —
Дороги наши встретятся в пути!

Поговаривали у нас на дворе, что приплыла эта «вторая» от нашей соседки, Бэбки Майофис.

Наши старшие братья, курсанты летной школы, в интимной среде напевали на свой манер один из напевов псевдопридурковатого Джорджа:

Мэри дурой была,
Мэри Джорджу дала,
А в резинке дырка была:
Мэри ро-ди-ла!

Пятые классы не очень-то понимали, в чем там дело. Резинку на булавке тащили через верхнюю траншею трусов. Дырку искали не в резинке, а в траншейке, где была дырка. Через эту дырку по узкой траншейке, очевидно, и пробирался микроскопический ребенок.

Рядом с парком культуры с его киношками и танцульками находился лесопарк с оврагами, тайнами и авантюрами. Весной, в половодье, на дне оврагов разыгрывались сцены по мотивам джеклондоновского романа «Мятеж на Эльсиноре». Плавали на плотах из оторванных в Подлужной калитках. Летом там происходили битвы между мушкетерами короля и гвардейцами кардинала на шпагах, но с участием только что построенных катапульт. Но самые захватывающие романы разыгрывались, как пацаны потом поняли, между местными плохо упитанными девушками и покалеченными в реальных побоищах мальчиками.

Парк назывался «Тэпэи», в этом слышалось что-то японское, что-то сродни корифейскому роду Тагути. На самом деле название расшифровывалось попросту как Татарский педагогический институт. До революции, как говорили иные старожилы, в здешних зданиях располагался кадетский корпус. Кому-то вспоминается, что основное здание отличалось удивительной белизной своих колонн. Белизна была с течением советской власти утрачена и заменена разными оттенками бельевого цвета. Там под обшарпанными колоннами огромного военного госпиталя в погожую пору собирались в своих платьишках девчушки-щебетуньи. К ним на предмет познакомиться выходили военные юнцы, кто на костылях, кто с медицинскими клюками. Обмотанные головы, щелки для глаз. Подвязанные пустые рукава. Болтающаяся между костылями культя ноги.

Поправляющиеся и более или менее уцелевшие офицеры выходили в кителях и даже в кое-каких военных наградах.

Остальное костыльное общество ухажеров щеголяло в палатных халатах и кальсонах. Командование госпиталя поощряло знакомства их пациентов с местным девичеством. В окружении девушек даже среди покалеченных возникало что-то все-таки похожее на романтику. Брали одеяла, кое-какие припасы, заветный бутыльмент разведенной спиртяги, отправлялись по аллеям лесопарка на какую-нибудь опушку, разбивали пикники, заводили довоенные песни.

Пацаны, а среди них, конечно, Акси-Вакси, смотрели из кустов на молодежь. Многим нравилась тогда песня «Эх, Андрюша!». Вспоминался довоенный год, когда немало продуктов вдруг появилось в магазинах, а также размножились патефоны с пластинками. Дядя Феля и тетя Котя накручивали машину, а иногда, забывшись в танцах, доверяли накрутку восьмилетнему Акси-Вакси. Мальчик восхищался, когда треугольный выдвигающийся ящичек музыкальной машины был до краев заполнен звукоснимающими иголочками.

С бодрым скрипом звучал комсомольский фокстрот:

…Эх, Андрюша, нам ли жить в печали?
Играй, гармонь, играй на все лады!
Посмотри, как звезды засверкали,
Как зашумели зеленые сады!
Пой, Андрюша, так, чтоб среди ночи
Ворвался ветер, кудри теребя,
Так запой, чтобы девушкины очи
Всю весну смотрели на тебя!

Акси-Вакси вырос в своих глазах: ему поручалось крутить! Танцы на трех квадратных метрах! Дядя Феля в шелковой «бобочке», с большим значком на груди «Готов к труду и обороне» I степени, в парусиновых туфлях, протертых зубным порошком «Дарьял», широкоплечий, с крупным турецким носом, с черными прямыми волосами, распадающимися на два крыла, русский из этнически татарского района, он даже не подозревал, что дядя Феля по-итальянски означает «дядя Кот», а значит, их союз с тетей Котей означает кошачью семью.

Ах, как он любил свою Котю, такую нежную, такую светло-большеглазую, такую русую рязанско-русскую! И вот загнали за восемь часовых зон поворачивать колесо на антияпонском береговом орудии.

На третий год войны однажды Акси-Вакси примчался из Тэпэи, где, кроме всего прочего, еще происходили обмены и торговля филателистическими марками. Только что он с Холмским договорился обменять три тувинских треугольных чуда на один занюханный «Гондурас». Он уж хотел добраться по

этажерке до своего хранилища, когда услышал плеск воды. В полном одиночестве в своей выгородке тетя Котя принимала ванну. Она стояла в тазу, нагая, с налитой грудью, при небольших поворотах открывался то слегка ноздреватый зад, то таинственная арка, куда углублялась пропитанная мыльной водой губка. Вдруг тетя Котя прекратила на минуту полоскание и выпрямилась, чуть-чуть поддерживая груди. Строго прикрикнула: «Перестань подглядывать, Ваксик! Ведь ты же член нашей славной пионерии!»

Тетя Котя была дочерью тети Ксении. Ее отец, телеграфист Збайков, погиб в первых же боях Первой мировой войны. Тетя Ксеня, окучивая картофь и варганя для продажи к эшелонам топленое молоко, обеспечила первоначальное образование дитяти. Тетя Ксения вторично замуж так и не вышла, однако Котя подсуропилась найти воспитателя мужского рода, и это был не кто другой, как товарищ Комсомол. Комсомолочка Котя, проходя по трем смежным дворам, вызывала волнение среди юнцов типа «костя-капитан».

Однажды Акси-Вакси застал за полуразвалившейся террасой, где когда-то семейство предпринимателя Аргамакова угощалось кумысом с вишневым вареньем, всех трех «капитанов», что стояли носами в стенку, стонали и рычали неразборчивой страстью. Первым возопил, а потом и вышел из сумрачного угла восьмиклассник Дамирка Гайнуллин. Обтирал свой повисший орган заскорузлым носовым платком.

«Чё ты там делал, Дамир?» Тот ухмыльнулся: «Как чё? Шворили на троих со Шраниным и Савочко твою тетку Котьку. От хорош бабец, ничего не скажешь!»

Никакого бабца там не было. Разъяренный воспитанник Котельниковичей с налету дрочилам дал ногой по жопам. Удары совпали с мучительными откровениями. Первый, Гайнуллин, подставил и свою задницу под ваксятинский башмак. Мальчишка выскочил из жадных лап и отлетел на солидное расстояние. Неуклюже раскоряченные «капитаны» ковыляли за ним.

«Скоро и сам будешь дрочить, Вакса! Не попадайся тогда!»

А он был горд за то, что защитил прекрасную даму татарстанского комсомола.

Спустя некоторое время А-В нашел в тяжелых фотоальбомах дяди Фели ленты маленьких позитивов, сделанных на натуре. Туда же были вложены различные грамоты за общественные достижения: дядя Феля добился на этих поприщах нескольких большущих значков, почти равновесных народным орденам советского правительства. Здесь был и тяжелый Почетный знак Осоавиахима с рельефными изображениями противогаза с

гофрированной трубой и авиационным пропеллером, а также знак ГТО на кованой цепочке, а также изумительный «Ворошиловский стрелок» за меткость попадания во враждебные сердца.

Грамот за достижения было намного больше, чем знаков: очевидно, потому, что металлы и лаки по себестоимости стоят выше, чем бумага. Среди этих грамот одна привлекла особое внимание Акси-Вакси. Это была Почетная грамота Татарстана, выданная Феликсу Котельниковичу за достижения в области фотографии.

На длинной череде крошечных позитивов изображен был уединенный пляжик на курортном казанском островке Маркиз, что на несколько верст ниже по течению великого водного потока Итиль. В праздничные дни и остров, и поток обычно наводняют трудящиеся. Едут с патефонами, чтобы полностью насладиться. Поют «Ну-ка, чайка, отвечай-ка!».

В обычные дни там пустовато. Крошечных пляжиков, похожих на снимки дяди Фели, там уйма. Тетя Котя позирует то купчихой в сарафане, то профурсеткой, будучи в лифчиках и трусиках. К ней приближается чистый «буржуй», родной дядя дяди Фели Искандер Федорович. Снимает соломенную шляпу. Сцена знакомства. Дядя Феля снимает, конечно, с треноги, как он часто делает, накрывшись с головой пиджаком.

Потом пошли некоторые кадры, снятые на самовзводе. Дядя Феля, поставив аппарат на механический спуск, поспешал к тете Коте и тесно прижимал ее к себе спереди. Дядя Искандер, не теряя ни секунды, прижимал племянницу сзади. При производстве такого сэндвича юная тетя Котя была, казалось, счастлива. И Акси-Вакси не понимал почему.

Таинственный мир молодых взрослых кружил голову несовершеннолетней пацанве, особенно на холмах и в оврагах парка ТПИ. Компании покалеченных юнцов и их подруг, «выпив за армию нашу могучую, выпив за доблестный флот», разбредались парочками по тенистым тропкам. Пацаны вслед этим парочкам шныряли по кустам, и с ними Акси-Вакси, хоть ему и было это зазорно. Вдруг выносились на какую-нибудь поляну, а там — жадные поцелуи. Вдруг под навесом какой-нибудь сирени обнаруживается апофеоз любви: стройные девичьи ноги в латаных чулках, а между ними две сильные ягодицы ходят ходуном. Девушка с ее дивным ликом стонет от страсти: «Ой, Лёнечка, ой, миленький, давай, давай!» А парень старается в лопухах, подсовывая ладони то под девичий затылок, то под ее лопаточки, то под нежную попку: тебе хорошо? тебе сладко? тебе, как мне, да?

Три пацана, Акси-Вакси, Крюк и Утюг лежат в куриной слепоте, вытаращив глаза и залепив рты. Подходят по папоротникам две почти взрослые фигуры — Шранин и Савочко.

«Это что за бл…ство тут кипит в вооруженных силах? Эй, лейтенант, кончай глумиться над несовершеннолетней! Шмок, давай на них поссым для санитарии!»

Влюбленный стоит в незаправленных штанах, держит костыль над головой: «Ни с места, гады, убью!» Девчонка рыдает: слезы, сопли и слюни проникают через пальцы. Недоросли продолжают мочиться, стараясь своими дугами достичь гнезда любви. Хохот.

«Крюк, Утюг, Акси-Вакси, легкая кавалерия, в атаку!»

Все перечисленные, кроме А-В, с посвистом, как бесенята, кружат по опушке. А-В вырывает здоровенный корень репейника и вращает его над головой, пытаясь утихомирить безобразную сцену. Высокий красивый раненый в накинутом лейтенантском кителе уводит свою девушку с поля боя. Обсвистав и обпохабив любовников, Шранин и Савочко хватают Акси-Вакси.

«Ну, гаденыш, предатель родины, теперь ты в наших руках! Эй, братаны, у кого веревка есть? Ну, теперь-то уж я этого отпиз…!»

В последний момент свободы А-В бросается вниз по откосу, катится сквозь заросли лопухов, папоротников, куриной слепоты, бузины, шиповника, репейника и, наконец, на самом конце откоса влетает, врубается в забор с колючей проволокой поверху. Он валится в волжские джунгли и долго лежит не в силах двинуться с места; такое ощущение, что отбил все внутренности, во всяком случае, о селезенке надо забыть.

Вдруг засыпает. Мимо, ободряя, проходит уж. Обкрутившись вокруг ветки, долго смотрит на спящего пацана: ничего у него не отъешь, несмотря на матерые сочащиеся ссадины. Наконец он встал, донельзя бодрый, пошел курсом на юг. Из-за забора слышались плебейские казарменные рыки и похрапывание жеребцов и битюгов.

Вдруг увидел незаконченный лаз с воткнутой в жирную глину саперной лопатой. Решил завершить начинание. Пока завершал, почти догадался, куда копает — в казармы кавалерийского полка имени товарища Буденного! Вот тут-то и надо б было приклеиться в роли сына полка. Вот тут-то вместе с казаками, с этими гусарами, уланами и драгунами, на задастой строевой кобылке и войти в поверженный Берлин!

Пробравшись в первую же конюшню и почуяв кобылячий дух, перемешанный с дерьмом и кормушками, наполненными до краев кавалерийским жмыхом, Акси-Вакси отбросил фантазии и пришел в восторг от горохово-кукурузно-подсолнечных брикетов,

с которыми можно и кино смотреть, ну, скажем, «Сестра его дворецкого», и книжки читать, ну, скажем, «Мартина Идена», или, скажем — и это прежде всего, — угощать своих племянников и ребят со двора.

Набил запазуху и шаровары питательными плитками, стал в два раза толще, но все-таки протащился за ограждение, после чего закопал лаз, затоптал его листьями и травой и постарался запомнить навсегда дупло с ужом. Только не надо попадаться на глаза Шранке-паскуде и Савочке-шавочке, а то обратают и передадут военно-полевой прокуратуре за ущемление конского желудка.

Сводная сестра Майка Шапиро и ее ближайшие подруги, две сестренки Майофис, Бэбка и Файка, познакомились с группой выздоравливающих юных офицеров, которым уже возвращена была военно-полевая форма. В этой форме они каждый летний вечер проводили на танцплощадке парка культуры, который был по соседству с парком ТПИ. Там играл эстрадный оркестр, что не мешало функционировать джазам в городских дансингах «Унион» и «Электро», где в поисках женщины появлялись и иностранцы, а именно англо-американские пилоты, чьи машины ремонтировались на булгарских заводах после «челночных рейсов», а также польские офицеры из формирующейся армии Андерса и даже французы из полка «Нормандия».

Выздоравливающий контингент советской военной молодежи был в парке культуры своего рода аристократией. Вокруг них собирались табунки самых чистых девчонок с младших курсов многочисленных вузов. За проволочной загородкой на эти классные контакты взирала кальсонно-костыльная толпа. На танцевальное пространство этих страдальцев не пускали, и они нередко начинали прямой натиск на входные калитки. Патрули горкомендатуры пытались их вытеснить, и часто эти сцены превращались в гадкие свалки.

Немало и школьников сновало вокруг площадки. Неожиданно для самого себя Акси-Вакси стал пользоваться авторитетом как братан самой что ни на есть классной особы.

«…Вакс, зырь, твоя-то сеструха, Майка-то, опять со старлеем Бурмистровым!»

Герой Советского Союза Бурмистров Лев при виде девушки Шапиро сжимался больше, чем перед воздушным боем. Что касается девушки, то она при виде легендарного истребителя, юнца с золотой медалью и боковым чубом оттенка золота, испытывала непритворное головокружение. Сжимала локотки Бэбки и Файки: «Ой, девчонки, я не могу! Посмотрите, как он хорош, этот Левка!»

Пилот все еще прихрамывал, что давало ему надежду до осени продержаться в Булгарах, возле москвички, то есть не рисковать жизнью. Золотоволосая девчонка стала для него последним символом жизни в его страшные двадцать два года. Как это начиналось в начале лета? Объявляют громогласно: «Белый танец для товарищей офицеров!» «…В запыленной пачке старых писем…» Он стоит с папиросой в стороне. Каждый белый танец — это шанс. Файка подталкивает Майку: «Иди! Сам он дрейфит». Майка: «Не могу: ноги не держат». Бэбка: «Ты мне надоела, рыже-золотая, жди здесь!»

Дочь знаменитого городского фотографа без церемоний раздвигает плечистую компанию выздоравливающих, чтобы пригласить юношу-героя: «Это правда, что ты целую эскадрилью фрицев раскидал? А с девочками ты умеешь?»

Бурмистров от растерянности теряет ритм танго. Бэбка решительно подводит его все ближе и ближе к рыжеволосой красоточке, которая делает вид, что созерцает сверкающую Венеру: «Ты знаешь Майку? Она по тебе мечтает, старлей».

Вот так это у них и начинается. Мечтательница кладет руку на погон героя. В танцах ее грудь порой прислоняется к золотой звездочке. Больше они уже не могут расстаться до конца вечера. Джаз играет один за другим популярные танцы: «На карнавале под сенью ночи», «Как много слез, и совсем не понапрасну», «Есть остров, как луна серебристый» и так далее. Они уходят вдвоем и никого вокруг не видят. Иногда возникает какое-то движение, ведущее к поцелую, однако обрывается на середине пути, и мальчик с девочкой едва не теряют друг дружку. Нужно идти рука за руку, не теряться.

«Лева, ты вообще-то откуда?» — «Я вообще-то со Второго Белорусского». — «Да нет, я не об этом. Где ты родился и воспитывался?» — «В этом смысле я с Малой Бронной». — «Неужто москвич?» — «Кто же еще? А ты?» — «Ну как ты думаешь, кто же? Конечно, тоже! Очень удивляюсь, Лева, как мы на Патриарших не встречались».

Они воссияли друг на друга, как будто обрели вдруг залоги на непременное, узаконенное московским детством счастье.

В воротах парка стояла толпа мальчишек школьного возраста, предлагали папиросы: «Друзья, купите папиросы, подходи, пехота и матросы!» Одна папиросина стоила один рубль. Одна пачка «Беломора», стало быть, стоила четверть учительской зарплаты. Майка из этой толпы выловила сводного братца Акси-Вакси, который и был тут же представлен бесстрашному Левке Бурмистрову. А-В в свою очередь представил Льву своих друзей, «джентльменов удачи»: Сережку Холмского, Дамирку Сафина,

Ильдарку Утюганова, Бобку Майофиса, Эрика Дубая, двух братьев Яков, Мишку и Борьку.

Ребята налетали на крыльцо, там, где наглаженный старлей почти каждый вечер занимал позицию в ожидании Майки. Раньше других подклеивался к офицеру Утюг в прохорях-сапожках: «Давай закурим, товарищ, по одной! Давай закурим, товарищ мой!» Подсаживались всезнайки, Холм и Акси-Вакси: «Послушай, Лев, расскажи нам про тот бой, за который ты золотую звездочку получил. Неужели действительно семь штук «мессеров» сбил? Побожись!» Лева морщился, смотрел на носок сапога: «Да наврали они все». «Кто наврал, товарищ старший лейтенант?» — изумлялся Дубай, привыкший с высшей серьезностью вникать в областную газету. Старлей отмахивался ладонью: «Да ладно вам, ребята. Сколько их там было, черт их знает. Я ничего не соображал. Жал на гашетки, переворачивался на крыло и ничего не видел. Ни хрена не понимал. Опомнился только, когда комполка стал мне орать по рации: «У тебя крыло горит! Садись на шоссе!»

Ребята забывали Бурмистрова, начинали орать, может ли одинокий «спитфайер» сбить семь «мессеров». Покрышкин и Кожедуб сбивали больше: потому что они летают на «кобрах»! Гвалт прекращался, когда на крыльце господ Аргамаковых появлялась аккуратненькая Майка Шапиро. Обычно они уходили в кино: ну вот, например, фильм «Актриса» с красавицей Сергеевой в главной роли. Бывший Чапай, майор, получивший боевое ранение в глаза, лежащий с повязкой на глазах народный артист Бабочкин вспоминает, как был влюблен в довоенную актрису оперетты. Голос Сергеевой долетает с тяжелой пластинки: «Расцветает и бушует весь ночной Монмартр, всюду море ослепительных огней! Для веселья нам не надо ни вина, ни карт! Мы расплатиться можем песенкой своей!» Красавица рядится под санитарку, стоит со шваброй, плачет. Товарищ Бабочкин в конце концов прозревает, вдвоем влюбленные проходят дорогами войны. «Девушка, слушай меня! Девушка, слушай меня! С поля грозных побед шлю я привет!»

Иногда Бурмистров приглашал Майку в театр — ну, скажем, на комедию «Дорога в Нью-Йорк», — и однажды для театра он купил ей песцовую муфту. Иногда Майка тащила его на ужин в семью. Бурмистров артачился, хотя видно было, что он мечтает сидеть рядом с Майкой и есть что-нибудь вкусное, семейное.

Майке, избалованной вниманием всяких там «летунов», очень нравился юный герой. Она оторвать от него глаз не могла, когда он причесывался возле зеркала, волнуя плотную шевелюру назад и чуть вбок. Садился в углу под радиоточкой. Тетя Ксения

ободряла офицера: «Лев, щи будешь?»

Он молча кивал. Кроме щей, от всего отказывался, а между тем всякий раз вынимал из карманов галифе две баночки свиной тушенки.

«Почему ты все время молчишь, Лев?»

Он отвечал молчанием на вопрос о молчании. И только однажды, за неделю до возвращения в действующую армию, он разразился признаниями: «Я боюсь, что больше тебя не увижу. Что ты меня не увидишь. Что мы друг друга больше не увидим. Боюсь страха. Все, что пережил во время ранения, никогда не забуду. Можно ли летать со страхом? У нас говорят, что в Люфтваффе созданы специальные группы для охоты за советскими асами. Погибаю, Майка, просто погибаю от ужаса войны». Уехал.

Они обменялись всего лишь двумя треугольными письмишками со штампом «Проверено военной цензурой». Фронт подходил к Польше. Было не до писем. Во втором письме летчик спросил: «Хочешь быть моей невестой?» Она ответила: «Я и так твоя невеста».

Потом последовало месячное молчание, после чего прибыло официальное извещение: «Командование Н-ского авиаполка с глубоким прискорбием извещает Шапиро Майю Григорьевну о том, что ее жених, Герой Советского Союза капитан Бурмистров Лев Иванович, погиб в бою с превосходящими силами противника. Память о нем всегда…» и т. д. К этой официальной бумаге была приложена страница из фронтовой газеты «Залп». Этот номер вышел за неделю до трагического боя над Гродно. На фотоснимке герой смеялся так, как будто никогда не знал страха. Майка две недели проревела, бросила мединститут и поступила на ускоренные курсы военных переводчиков. Акси-Вакси продал три тувинских марки и на вырученные деньги купил сводной сестре полдюжины медовых козинаков.

Между тем на тыловых базах армии и флота продолжало накапливаться все больше товаров. Каким-то образом это отражалось и на состоянии школьных классов. Однажды в 5 «Б» появился новый ученик, Генка Миронов, довольно плюгавенький хмурневич во флотском кителе. Он был не очень тверд в ориентации, все время оглядывался, как бы ему не дал кто-нибудь по затылку.

«Ты чё?» — спросил его сосед по парте Акси-Вакси. «Да ничё», — содержательно ответил Мироша.

Потом пол-урока молчали, а на переменке новенький полез в сыромятный ранец, покопался там и вытащил гирлянду странных полупрозрачных крупных кристаллов, висящих на шпагате: «Хошь

глюкозы?»

Это была настоящая нацистская синтетическая сласть, которую Акси-Вакси никогда собственными глазами не видел и ртом не сосал.

«Еще б не хочу!»

Мироша дал ему кристалл. Засунув штуку в рот, Акси-Вакси страдал от неслыханного блаженства. Мироша пригладил слюнцой боковой проборчик волос: «Слышь, тут ребята говорят, что у тебя матуха припухает, это верно?»

Акси-Вакси ничего не сказал: ни да, ни нет. Мироша оторвал от гирлянды кусок бечевки с полдюжиной кубиков и пирамидок.

«Значит, у тебя мамаша контра, — хохотнул Мироша. — Потом расскажешь, лады? А у меня ведь папаша контра — контр-адмирал, в Волжско-Каспийской зампотылу. Допер?»

Вместо ответа А-В засунул бечевку со сладкой геометрией в карман байковых штанов: к ним приближалась группа Курро.

Сам Курро, то ли недоросток, то ли переросток, был стрижен под бокс и, единственный в классе, носил взрослый пиджак. Донашивал клифты разжиревшего в райкоме папаши. Был стопроцентным отличником. Он выглядел взрослым и на все вопросы отвечал по-взрослому. Один только раз ответил не по существу. Новая училка спросила крепыша: «С кем граничит СССР на юге?» Она уже обмакнула свой № 86 в непроливайку, чтобы вывести ему вечную пятерку, однако Курро не ответил на великолепный вопрос. Она подняла глаза и увидела, что он ее гипнотизирует. В чем дело?

«А глаза-то голубые!» — прогудел юнец, который в этот день подрисовал себе на верхней губе микояновские усики.

Вспыхнувшая несусветной красою географичка немедля всадила ему «кол». Вскоре, однако, этот «осиновый» был исправлен на лебединый изгиб.

Интересно отметить, что Вова наряду с академическими успехами всегда умел продемонстрировать свои волевые качества. Благодаря этим качествам Курро каждый год создавал вокруг себя силовое ядро. Они не очень-то церемонились, чтобы показать каким-нибудь новеньким, кто тут настоящий хозяин. Вот и сейчас они подступили к Мироше — горбатый и неистовый Лёка, длиннорукий Коза, два братана Чуч и Чело: кто взял Мирошу за флотскую пуговицу, кто, обхватив сзади, проверял содержимое карманов, третий осторожненько вынимал у него из рук сыромятный рюкзачок.

Пятеро отшвырнули ненужного Акси-Вакси, а нужного Мирошу прижали к стене. Там у стенки были показаны жертве ножики. В результате было отобрано: фрицевская упаковка

глюкозы, заграничное курево с верблюдом, финочка любезная с наборной ручкой, книжица размером с рабочую ладонь под названием «Тайна профессора Бураго», портретик девушки, скользящей по льду, звать Соня Ханина — вот бы нам такую по соседству, картишки-для-мальчишки с обезьяньими мордахами…

Мироша всей своей жирноватенькой детской мордочкой с желвачками, а также заледеневшими глазками глубоко заглядывал в хавалы грабителей. Лёка обрезал ему хлястик: «Ты чё зыришь?»

Курро скомандовал: «Ребята, делаем ноги!»

Тяжелой поступью голодного лося приближался завуч-химик Птыр Пьетрович. Курро задержался с ним, чтобы притормозить беседой об опытах Лавуазье. Завуч внимательно разговаривал с ним: он видел в Курро надежду на будущее поколение.

На следующий день к последнему звонку напротив подъезда школы встал на непонятное дежурство открытый «Додж» с двумя параллельными скамейками. Кроме водителя в этой десантной машине никого не было, а тот представлял из себя отменного морского бугая в тимофеевском тулупе и в бескозырке с ленточками.

Рядом с машиной стоял Мироша в ладном бушлатике. Поставив ногу в сапоге на подножку, он давал морскому льву какие-то указания. Звонок. Школа, а точнее пятые, бурно вывалилась в весеннюю слякоть. Морячина лыбился и пальцем спрашивал Мирона: этот, мол, или не тот?

В тот день выяснилась вся иерархия. Отцом Мироши был действительно контр-адмирал Волжско-Каспийской флотилии. Среди нищих и голодных он представлял из себя фигуру всесильного набоба: под его дланью были склады продовольствия, спирта, гирлянды сапог и кристаллов глюкозы. Большая команда морских снабженцев и стражи готова были на все, лишь бы отсидеться под его властью в тылу.

Теперь школяры стояли вокруг парадного подъезда в ожидании развязки. Все ждали Курро с его молодцами. И вот он вышел и сощурился под множеством солнечных бликов. Небольшая фигурка с хорошо развитым плечевым поясом. Три учебника заткнуты за ремень. Он потянулся. Были причины для наслаждения: гитлеровская Германия трещала под напором свободолюбивого человечества, Мирон может стать надежным источником соблазнительного дефицита. Школа, а особенно все пятые, под пятой. Успеваемость на высшем уровне.

И вдруг он увидел две рожи, внимательно озирающие его через улицу: мстительное дитя и добряцкий палач. Не задавая ни единого вопроса и не разбираясь ни в чем, а только лишь

осознавая, вернее осязая свою полную беззащитность, он бросился бежать; полы отцовского пальто парусили.

Странно, но он бежал в полном одиночестве: боевая группа полностью испарилась. Короткие ножки его мелькали, по всей вероятности побивая мировые рекорды по спринту.

Пятые классы — «А», «Б», «В», «Г» — двухсотенной толпой неслись за своим Гитлером, и все вопили: «Курро! Хочешь булочку?» Никто в этой необузданной толпе не понимал смысла погони; не понимал этого свиста и воплей и я, бегущий на рваных подошвах, — Акси-Вакси.

Между тем развязка приближалась. По середине Галактионовской неторопливо ехал американский «Додж». Мичман Шевчушкин, стряхивая мимо пальцев пепел, старался притереть Курро к какой-нибудь стене. Наконец Курро выбился из сил и сам прибился к деревянной стене на углу Комлевской и Карла Маркса, то есть к коммуналке Котельниковичей, Аксенычей, Яков, Майофисов, Савочков, Шраниных, Гайнуллиных и прочих столь же свойских, сколь и чужеродных. Иными словами, именно возле нашего дома Курро забился рыбой. Прятал рыло. Рыдал. И только тут я сообразил, что вождь пятых прибился к дому 55, что на Маркса, то есть как раз к тому, в котором все мы, несчастные, прозябали.

Позднее, когда по экранам державы-победительницы прошли захваченные в Европе фильмы тридцатых, Акси-Вакси вспомнил эту мизансцену как классику ковбойского вестерна. Прижавшись к стене, стоит главарь местной банды, закрывает лицо руками. За пояс засунуты три учебника, из них верхний называется «История СССР». Пятые окружают сцену подковой, бессмысленно орут. К тротуару подъезжает десантный «додж». Нет, не зря союзники волокли такие тачки по полярным трассам, маневрируя среди бомб и торпед: теперь он участвует в эпизоде «расчет с главарем».

Шевчушкин глушит мотор, тянет на себя какую-то железяку с рукояткой, потом одним движением выкидывает свое огромное тело в гущу пятых. Боги морей, рек и болот, какой это великан! Самый длинный второгодник из пятых не достанет ему и до плеча!

Шире, грязь, говно плывет!

Мироша семенит за экзекутором, накручивает на кулак флотский ремень с медным якорем. Толпа улюлюкает. Никакого сочувствия к Курро — он не похож на наших. Он, скорей, похож на одного из седьмых. Средневековая потеха!

Имя Шевчушкина быстро становится символом расправы. В дурацкой школе многие училы-мучилы полагали, что дисциплина подтянулась благодаря пионерской организации. На самом деле

за новым вождем Мирошей стоял гвардии мичман — теперь он, расставив ноги, высился над дрожащей тварью Курро, последышем райкомовского семени.

Два слова о пионерах. Акси-Вакси еще в прошлом году присоединился к юным ленинцам. Тетя Котя неизвестно откуда принесла ему шелковый алый, который трепещет.

Как наденешь галстук,
Береги его:
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

Он идет. Я иду. Они шагают. Ветер дует. Галстук играет вокруг лица. Он не один, мы все вместе — восторг!

Старшие братья идут в колоннах;
Каждому двадцать лет.
Ветер над ними колышет знамена,
Лучше которых нет!

Все в актовом зале выстраиваются в шахматном порядке. Рядом со мной стоит Зара, неотразимая крошка. Курро и Коза однажды ему нашептали, что, когда армянка поднимает по-балетному ногу, у нее там, в промежности, открывается какая-то пленка, под которой прячется определенное количество глюкозы. По очереди гвоздим человеконенавистнический режим Гитлера и его клики. Все пионеры, парами, мальчик с девочкой, декламируют мечту о мирных временах.

И о том, что затемненья
В нашем доме больше нет
И что только для леченья
Нужен людям синий свет…

Акси-Вакси гордился мельхиоровым замочком с изображением костра. Замочек был найден в ящике комода, где оставлены были нитяные «бобочки» дяди Фели. Если нажать на заднюю лопаточку замка, прибор упруго закрывался и подтягивал галстук. Замочек остался от тех времен, когда дядя Феля был старшим вожатым пионерлагеря «Пустые Моркваши».

«Тетя Котя, нас много?» — «Ну конечно много, Вакси». — «Больше, чем миллион?» — «В сто раз!»

Теперь вместо пионеров на Маркса, 55 стояла улюлюкающая толпа пятых. Курро завизжал прежде, чем морпех его тронул. Шевчушкин залепил его странно взрослую физиономию всей своей огромной лапой. Сжал. Меж пальцев засквозила кровь. Разжал. Вытер лапу о курровский пальтуган. Мироша махнул ремнем с якорем. На этом акция возмездия закончилась.

Сон Акси-Вакси на двенадцатом году детства

Почему-то снилось все такое белое, здоровенное, в непрерывном державном движении, то ли в полете, то ли в плавании, гуси, что ли?

Гуси, гуси, гаганты! Улетаем, андерсоны, диверсанты! Огромная стая, ведомая Курро, проходила через весенний сон пятых. Те норовили выдрать у него перо. Оголенное, в пупырышках пузо теряло скорость. А гвардии мичман взмывал все выше! Лирическим баритоном сукин сын выводил советскую лирику:

Там за волнами,
Бурей полными,
Моряка родимый дом!
Над крылечками
Дым колечками
И черемуха за углом.
Ну, а главное —
Это славная,
Что давно матроса ждет.
Шлют улыбки ей
Волны зыбкие,
Ветер ластится штормовой.

Пронзительный, то ли юношеский, то ли девичий голос взвинтил предвкушение чего-то то ли любовного, то ли порочного:

Синие очи
Далеких подруг!
Ой вы, ночи, матросские ночи!
Только волны да ветер вокруг!

На каком-то огромном историческом вираже произошла мгновенная смена власти. Мироша стал морским тираном всех пятых. Курро занял за ним строго второе место и этим определил всю свою будущую жизнь: он рос постоянно и непрерывно, однако никогда не смог занять места выше заместительского.

Мироша наоборот. Он стал отдаленным и таинственным владыкой. Однажды всей семьей Котельники-Ваксонычи-Шапиро сидели на невероятно высокой деревянной лестнице из тех, что понастроены были в эпоху «Бесприданницы» на высоком берегу Волги. Мальчик оделял всю семью кристаллами глюкозы. Сверху спускался здоровенный и раздутый до кипения тульский самовар. Снизу поднимались чайные приборы, несомые группой активистов во главе с Курро. Семья готовилась испытать удовольствие, процеживая бурый чай сквозь помещенные во ртах кристаллы. Щеки выглядели не совсем симметрично.

И вдруг глубоко внизу сквозь неслыханной красоты

березовую рощу прошла броневая эскадра Волжско-Каспийской флотилии: четыре мелкосидящих речных дредноута с огромными пушками. По палубе одного из них, то ли ведущего, то ли из ведомых, прогуливался контрик-адмиралчик Степаша Мироша в петровской треуголке. Очевидно, он обдумывал удар по Ирану и так растворился вместе с кораблями, оставив только густой хвост угольного дыма.

Мне было пять лет. Я вспомнил этот возраст вместе с дымом. Я стоял в огромной спальне у огромного окна. Страдал одновременно коклюшем, свинкой, чесоткой и водянкой живота. Почти каждый день под влиянием ветров на парк за окном наплывал или осыпался черный дым. Снег чернел с исключительной быстротой. По белой коре берез стекали грязные ручейки. Дым поднимался гигантскими вздутиями из-за города Коросты. Чтобы не идти на прогулку, я втянулся в подпостельное царство. Полз мимо горшков. Кое-где в сосудах словно тритончики висели бородавчатые какашки. Как я сюда попал?

Мама пропала в феврале. Ей позвонил майор Веверс, так я слышал от отца. Товарищ Гинз, я был бы вам очень благодарен, если бы вы нашли время заглянуть к нам на Бездонное озеро. В любое время, хотя бы даже сегодня. Мне почему-то казалось в ту ночь, когда она не вернулась, что она совершает бесконечный спуск и гулко так к кому-то из Гинзов взывает.

В начале июля пропал и отец. Тот же самый синеглазый Веверс сиял на него плотоядным взглядом. Отец тоже был синеглазым, но он смущался, только иногда поднимал взгляд. Зачем я пришел по приглашению вот к этому? Почему не бросился на вокзал?

В конце июля приехала опермашина за Акси-Вакси. В большущей квартире все комнаты были уже запечатаны, кроме детской, где ребенок ютился вместе с двумя русскими старухами, Евфимией и Авдотьей. Явились трое: два толстозадых дядьки и одна толстозадая тетка. Сейчас поедем к маме с папой, мальчик. Вот тебе от них конфета. Гадкая карамель. Стояла летняя светлая ночь. Старухи выли в голос, провожая единственного дитятю. Сводных детей успели развезти по столичным городам их родители.

Булгары в те времена резко обрывались обрывом, за которым змеилась худосочная река Мефоди, и дальше простирались бесконечные заливные луга. В этих поймах вроде бы не было ничего, кроме большого трехэтажного кирпичного дома. При повороте к нему в окнах ослепительно просиял восход, как будто советуя пятилетнему арестанту: «Биги!» Или — «Бегги!» А может быть — «Бегай!»

Эпоха была характерна огромными детскими спальнями. Проснувшись, я не мог уже уснуть. Не мог и уха оторвать от подухи. Вокруг истерически бесновались старшие дети. Все они, как и я, были детьми врагов народа. Кто-то вырвал у меня из-под уха подуху и запустил — враг во врага. Вот откуда, наверное, взялись гуси, гаганты. Я боялся вылезти из-под одеяла. Сосал хвостик последнему домашнему животному — набивному слону. Вдруг я увидел в окне, с внешней стороны проволочного забора, трех жалких любимых существ: Евфимию, Авдотью и Ксению — так, по-гречески, звучали их наименования. Они пришли меня искать, но, увы, неграмотные, они ничего не нашли. То ли я сам взревел, то ли мой слоник, но я куда-то помчался, лавируя меж красноармейских ног. Убивать или просто бить младший детский возраст не полагалось; перехватывать — пожалуйста. Меня куда-то усадили за ширму и заперли на ключ.

Очередная сцена — четырехместное купе в поезде до Коросты. Трое мальчиков, включая Акси-Вакси. Сопровождающая энкавэдэшница, не запомнившаяся ничем, кроме мелких геометрических фигурок на воротнике, то ли треугольнички, то ли кубики. Ах да, вот еще одна примета: она поет: «Мы красная кавалерия, и про нас / Былинники речистые ведут рассказ — / Про то, как в ночи ясные, / Про то, как в дни ненастные / Мы пьем без удовольствия наш пролетарский квас».

Она поет, мурлычет вот это тошнотное. Думает, что все мальчики спят, раскачивается, один глаз закрывается, другой открывается, терзается, берет себя за горло, мычит, стонет.

Утром прибываем в Коросту. У мальчиков у всех уже подтянуты ремешки: штанишки не спадают, чуть-чуть сползают чулки, слегка пуговицы висят на размотавшихся нитках, помочи могут стать подобием мышиного хвоста.

Чекистка сдает своих подконвойных. Для Акси-Вакси начинается полугодичное пребывание в спецдетдоме. Часами он стоял перед огромными окнами, кое-где заколоченными фанерой. Подсвистывал ледяной ветерок. Высокие своды монастырской церкви еще сохранили не вполне затертые лики святых. Дядя Сталин улыбался с картины, держа на руках свою Мамлакат в матроске. Казалось, он ее щекотит. Казалось, хочет слегка съесть.

То, что получилось из монастырского кладбища, то есть сад для прогулки детей, расчищала от снега какая-то команда с красноармейцем во главе. Седловина сугроба почти за один день становилась черной от ниспадающего производственного дыма. Однажды ребенок увидел, как дюжина субъектов в ватных штанах протащилась вдоль старинной ограды чугунного литья. Над ними раскачивался любимый предмет тринадцатого, руководящий

штык. За ними во всю ширь растянулась лиловая полоса заката. Ему показалось, что он уже жил вон там, за высокой оградой чугунного литья, и стынь какая-то стеклярусом влеклась над ним.

Он научился исчезать с поверхности и переползать из-под одной койки под другую. Иногда в угловой паутине лежал и дрожал. С миром соединялся только при помощи слоника. Иногда няньки находили его и вытягивали за ногу, в другой раз не находили.

В тот раз он собирался уйти в подкоечное царство надолго, но вот услышал грубые голоса нянек, говоривших о нем. Кто-то приехал по его душу. Привез законную справку из главка гэпэу. Дежурный педагог приказал умыть указанного в справке и одеть по первому сроку. Он долго полз и прислушивался к голосам: они то отдалялись, то звучали прямо над головой. Иногда в их скороговорку вплетался знакомый мужской баритон. «Извольте найти ребенка и как можно скорее!» «Почему он отсутствует, а не присутствует?» «Где находится кабинет дежурного педагога?»

Акси-Вакси, как мышка, выглянул из-за горшка и увидел, что в середине палаты возле стола сидит на венском стуле донельзя знакомый человек: широкий, плечистый, высоченный лоб, зачесанные назад волосы, очки, костюм в елочку… Папа, наконец-то догадался он и возопил что есть мочи: «Папа! Папа!»

Миг — и он уже бежит, несется от ночного горшка до папиной коленки. Обхватывает коленку, у которой, как недавно он выяснил на медосмотре, есть еще какая-то дивная папина чашечка. Забирается на коленку. Папа гладит его по голове и вдруг начинает весь трястись, то есть рыдать и бормотать: «Ваксик мой родной, Аксик мой…»

А почему не Ваксюканчик? Он обнимает папу за шею и целует плохо побритые щеки. Хочет спросить про маму, но боится накликать беду.

Няньки растерянно мечутся туда-сюда, как будто не знают, что делать. Одна приносит две страницы бумаги. Папа сворачивает их до размеров восьмушки и прячет во внутренний карман. «Что же вы, товарищи, так запустили ребенка?» — строго пеняет он этим представительницам медперсонала.

Няньки топчутся, отворачивают взгляды. Лишь одна оправдывается с хлюпаньем: «Да ведь не ест ничего Вакся…»

Еще одна нянька, запыхавшись, приносит мешочек с его ботинками, пальтишко, в рукава которого протянута лямка с варежками, и стопку чистого чего-то, то есть трусики, ковбойка и буденновка с красной звездой, что категорически не налезает на его бритую под машинку голову.

«Черт бы вас всех побрал», — еле слышно бормочет папа, помогая одеваться сынишке. Так или иначе, они пересекают черно-белое кладбище-сад и проходят через избушку на курьих ножках, в которой сидят два недобрых гнома.

«Пойдем быстрее!» — Папа берет его за руку и тащит, тащит, как можно быстрее, чтобы все это, оставленное позади, навсегда скрылось.

Трудно вспомнить, что там было по пути к вокзалу: какие попадались люди, подводы, автомобили, смеялся ли кто-нибудь или все хранили суровое молчание, — одно лишь оказалось неизгладимым: вокзал, звон колокола, вход в сверкающее. Сверкала большая люстра и рожки по стенам. Одна стена сверкала вся, до самого потолка, большущее многоцветие стекла. Акси-Вакси рассчитывал перед такой стеной увидеть дядю с длинной бородой, но вместо него там стояла тетенька в белом халате.

Отец, заметив, как обомлел малец при виде такого великолепия, спросил, приходилось ли ему раньше посещать

такие залы. А-В уверенно кивнул. Да, конечно, он бывал в таких местах. Он был там с няней Фимой и бабой Дуней. Это цирки, тут «звоняют и моляются». Они сели за один из многочисленных столов. Тетенька в белом принесла им графинчик с простудой и горку «Мишек на Севере».

«Папа, давай с тобой уедем куда-нибудь насовсем», — предложил мальчик.

Мужчина выдул сразу всю простуду, горько вздохнул и поцеловал его в щеку.

«Ваксик-Аксик, я ведь не папа тебе», — сказал он.

«Нет, ты папа!» — обиженный, воскликнул мальчик и даже сердито топнул валенком.

Ему вдруг показалось, что таким спором можно маленького мальчика даже убить.

«Я родной брат твоего отца Павлуши, — сказал не-папа. — Значит, я твой родной дядя, дядя Антоша из Самарканда. Ну, посмотри на меня внимательно, Аксик, разве ты не видишь, что я родной? Поэтому я и похож на твоего папу, однако я не твой папа».

Ударил третий колокол. Отправляется поезд на Булгары!

Бежим, а то опоздаем!

В бывшей городской усадьбе инженера Аргамакова нынче процветала коммунальная квартира. Мальчик с робостью, но в то же время и с восторгом из уголка, с продавленного чемодана, наблюдал за жизнью всевозможного люда. Солидный, в гетрах, проходил мастер электровелографии Майофис. Он напоминал Акси-Вакси его деда, фармацевта, у которого даже усы были под стать майофисовским — а-ля генерал. Женщина-одиночка Фатима проносила со своего примуса сковородку жареного картофеля с кружочками колбасы. Боба Савочко, обтянутый сетчатой майкой, корячился с гирями. На трехколесном велосипеде по израненному паркету колесила ребенок Галетка Котельникович, тыкалась в еще более израненные комоды, шкафы; на руле у нее сидела кукла Аврора с одним закрывающимся глазом и с другим нарисованным. Верхние пролетарии, которые известны были своим трудолюбием, в общем Касимовы, развешивали на лестнице парное постельное белье… Стоял умеренный гвалт, готовый в любой момент перерасти в столкновения, в словесный или в толчковый способ выяснения. Ванда-Людовна, учительница немецкого языка, быстренько, почти невесомо проскальзывала по общему коридору, время от времени исчезая, сливаясь то с занавеской, то с отслоившимися обоями. Там и сям постукивали соски умывальников, струилась вода. В жилых выгородках тарелкообразные радиоточки передавали

концерт певицы Пантофель-Нечецкой, арии из оперы «Ночь перед Рождеством». Впрочем, сотрудник Татарского театра имени Габдуллы Тукая, товарищ Яшметов, мирно скользил по коротким волнам огромного ящика «Телефункен». Большие оркестры, сидящие на облаках, несли серебристые звуки.

Акси-Вакси иногда удавалось заглянуть в ту комнату и увидеть чаплашку товарища Яшметова приближенной к ящику полированного дерева с матерчатой мембраной и зеленым пульсирующим глазом. Ящик был настолько велик, что пятилетний мальчик мог бы там стоять внутри во весь рост и дожидаться своей участи. Из всего, что доносилось к нему через уши и глаза, он, по всей вероятности, не понимал и малой толики, одной сотой части, и все-таки он был рад сидеть в коридоре и думать то ли вольно, то ли невольно о том, что в этом доме нет ничего удушающего.

Особую радость доставляло ему появление молодых родителей маленькой Галеточки, дяди Фели и тети Коти. Первый, смуглый, с заостренно-удлиненным лицом, приносил мяч, гантели, патефон, множество бумажного с изображением красных атлетов. Вторая, круглолицая, голубоглазая, держала на руках младенца Шуршурика. В сумке у нее тоже было немало агитлитературы по уходу за новорожденными.

Главная тетя, Ксения, вместе с бабой Дуней постоянно мыли Акси-Вакси. Наливали в цинковое корыто кастрюлю кипятку и столько же холодной воды, взбивали мочалкой мыльные пузыри, терли его кожу, на которой еще долго звездились какие-то полуязвочки. Эти полуязвочки аккуратно подмазывались ихтиоловой мазью и довольно споро стали бледнеть и подсыхать. Ксения и Дуня усиленно старались показать всем в семье и в округе, что Ваксик — это равноправный ребенок семьи, хоть и приходится сыном троцкисту и вредителю, их любимому Павлуше.

Вдруг однажды, во время счастливого мытья, у Акси-Вакси вырвался счастливый вопрос: «А когда мы домой пойдем?»

И обе женщины рязанских тут же замолчали.

«А где же Фимочка моя?» — снова он спросил, не счастливо, а скорее тревожно. Признаться, он никого так не любил, как свою нянюшку, которая вот так же его мыла, но в то же время еще целовала ему пятки.

Ответа снова не последовало. Акси-Вакси тихонько заплакал. Тетка и бабка молча целовали его в темечко.

Вскоре он научился не задавать вопросов, на которые он не мог получить ответа. Таков был и любой вопрос о Евфимии, пока она сама за год до войны не появилась в их доме. Оказалось, что

после окончательного разрушения дома бывшего председателя Горсовета одинокую женщину обнаружил ее родной брат Мефодий из так называемого Соцгорода. Он к тому времени вырос в квалифицированного сварщика и за успехи в производстве был награжден квартирой, достаточно вместительной для размещения троедетной семьи. Там нашелся и чуланчик для несчастной девы Евфимии. Лежа в темноте, она истекала тихими слезами по своему любимому пропавшему Ваксику. Вспоминались таинственные крестины и дальнейшее приобщение дитяти к Храму Христову.

Из всех прежних радостных «сорока сороков» в огромном городище Булгары к завершению тридцатых волчьих годов осталась только одна действующая церковка за кладбищенской оградой на Арском поле. Раз в месяц Евфимия пускалась в дальний путь через весь город. Из Соцгорода надо было по двум смежным дамбам трястись, почитай, час на трамвае. Потом пешком переходить на «кольцо» № 6. В общем, на весь путь уходило не меньше двух с половиной часов.

На обратном пути со службы Фимушка не раз окидывала взглядом особняк Аргамакова, что напротив дворца Сандецкого, — так до сих пор поминали в городе известных граждан дореволюционной эры. Ей страстно хотелось навестить Евдокию Власьевну, чтоб поплакать дружка у дружки на плече, но всякий раз она себя урезонивала: чего уж старое бередить, чего уж призраком-то являться в советскую семью, там уж давно, небось, забыли и Женечку Гинз, и Павлушу, а уж про Акси-Вакси и говорить нечего; всех замело чудище обло. И вдруг, ведомая неясным чувством, она поняла, что время пришло и нужно тут же покинуть трамвай на ближайшей к Аргамаковым остановке.

Увидев Фимушку в заснеженных валенках, тут же заголосила Евдокия Власьевна, и в голосе ее на сей раз звучало не только горе, но и струйки какой-то петушиной победоносности: жива, жива праведница! И тут же, то есть в следующий момент, в квартиру вкатился розовощекий ребенок в шапке с длинными ушами, что по тогдашнему бытованию завязывались вокруг горла. Он весь был в снегу: должно быть, катался с горки — и весь светился от снежного азарта.

«Дитятко мое!» — вскричала Фимушка поистине с малотеатровской драмой.

А Акси-Ваксик бросился к ней, поскользнулся на собственном снегу и плюхнулся в собственную натекшую лужицу.

С тех пор повелось, что Фимушка Пузырева всякий раз по дороге в церковь или из церкви заходила проведать ребенка и приносила ему некоторые гостинцы: карамельные конфетки,

прянички глазурные-фабричные, а то что-нибудь из домашней выпечки. Сидела обычно в углу за печкой, старалась быть в этой шумной семье почти невидимой. Могла ждать часами, когда мальчика приведут из детсада. Вначале тот подсаживался к своей прежней воспитательнице и иногда незаметно для других клал ей на колени свою головенку. Потом стал слегка чураться деревенской женщины: уж больно она отличалась от комсомольских работников тети Коти и дяди Фели. Даже в жуткие военные годы она приносила Акси-Вакси довольно плачевные гостинцы: несколько кусочков колотого сахара в тряпочке или зеленое яблочко.

Все это происходило на протяжении лет от раннего детства до отрочества, однако пока что нам нужно рассказать о некоторых драматических событиях того года, когда дяде Андрею удалось вытащить ребенка из спецдетдома в городе Короста, в котором, по слухам, вскоре стали менять детям имена и подтасовывать документы.

Однажды зрелой весной 1938 года тетя Ксения прибежала откуда-то в растрепанных чувствах, схватила за руку племянника и повлекла его на трамвайную остановку. Быстрей, быстрей, только бы не опоздать! Даже в вагоне она нервничала, как будто пыталась подогнать электрический двигатель. Оказалось, что внезапно НКВД разрешило ей и племяннику свидание с подследственным — ее братом и отцом ребенка. Из всей семьи только она и матерь баба Дуня позволяли себе ходатайствовать о такой милости. Тетя Котя и дядя Феля не могли уронить свой непогрешимый коммунистический уровень.

Проехали несколько остановок до площади Свободы. Там стояло в лесах огромное строящееся здание оперного театра. «Твой папка начал его возводить», — с торопливой горделивостью высказалась тетка. Мальчик никак не мог отвернуть головы от этого строительства. Стараясь не отстать от шагов тетки, он пытался себе представить, что означает «возводить» и чем оно отличается от других слов.

Площадь они пересекли пешком. Потом прошли под уклон до парка Глубокое озеро. На одном из берегов этого «озера» с аттракционами и каруселью тянулось длинное трехэтажное здание с несколькими подъездами для входа и несколькими темными арками для въезда. Только спустя много лет Акси-Вакси узнал, что это как раз и есть зловещее управление диктатуры, поглотившее его родителей. Дошли также и слухи, что, кроме трех наружных этажей, там есть и несколько этажей подземных, где держат людей и производят дознание. Будучи ребенком, он только лишь держался за крепкую руку тетки и слегка дрожал,

боясь, что его оставят в этом детском доме, на этот раз на веки вечные.

Тетка успокаивала его. Не бойся и не дрожи. Мы сюда ненадолго, только лишь с папой повидаться. Ну да, тут будет новая ваша квартира. Потом и мамочка твоя приедет, Женя Гинз. Ну, конечно, и Фимочка сюда переедет, и баба Дуня, и Майка, и Олег, и дядя Андрюша из Сталинабада.

Они прошли в одно из парадных, и тетка предъявила дежурному какую-то простонародную бумажку. Тот снял тяжеленную телефонную штуку и взялся что-то в нее нашептывать. Можно было расслышать только: «Так точно, товарищ Веверс… Слушаюсь, товарищ Веверс…» Им показали на два стула под портретом Кощея Бессмертного. Прошло не менее получаса, прежде чем вышел белобрысый сытник в военной гимнастерке. Он склонился над ребенком и долго смотрел тому в глаза. Храбрая тетка наконец прикрыла мальчика локтем: «Чего это вы так, товарищ майор?»

Сытник резко выпрямился: «Идите в парк и ждите там возле карусели. За вами придут!» Засунул ладони в ремень, огладил гимнастерку вокруг пуза и зада. Пошел скрипеть ремнями, хромовыми сапогами, разболтавшимся паркетом. Исчез.

Акси-Вакси впервые в жизни катался на карусели. Она произвела на него удивительное впечатление. Признаться, он даже забыл, каким образом он попал в этот парк и что за здание стоит на его берегах. Движение по кругу со звоном колокольчиков и музыкой аккордеона казалось ему теперь более естественным, чем движение по прямой. Служащий, одетый в форму Первой Конной, старался потрафить маленькому путешественнику. Если появлялись люди с билетами, он старался и безбилетника подсадить то на пони, то на тигра, то на павлина. Мальчик смеялся и хлопал в ладоши. Инвалид, потерявший на Висле несколько пальцев, прекрасно понимал, чего этот мальчик с тетей здесь ждут.

Между тем на город уже опустились сумерки, и в сером трехэтажном доме стали освещаться большие окна с витиеватыми рамами. Наконец — не прошло и трех часов — как появился еще один товарищ в форме.

«Ваксоновы, айда за мной!» — скомандовал он и пошел к третьему подъезду, не оглядываясь.

Акси-Вакси, похоже, гораздо лучше себя чувствовал на карусели, чем в сером здании, где на всех этажах в этот час только и мелькали товарищи командиры. В одном из кабинетов их опять посадили на стулья под портретом Кощея Бессмертного с козлиной бородой. Пришли два сотрудника и стали

обмениваться репликами по непонятному для мальчика адресу.

Семьдесят лет спустя я пытаюсь понять, можно ли полагаться на память пятилетнего мальчика. Помнит ли он тех сотрудников? Какими они были? Кажется, что-то все-таки зацепилось. Вполне очевидно, что они были молоды. Темные волосы. Гимнастерки зеленого сукна. Вездесущие ремни. Они обменивались улыбочками и гримасками. Вполне очевидно, что они были недобрыми. Акси-Вакси почему-то подумал, что такие могут увезти куда угодно, хотя бы в ту же самую зловещую Коросту.

Открылась дверь, и в кабинет вошел военный с пистолетом на боку. Остановился у стены. За ним вошел отец. За его спиной мелькнул второй военный, который остался в коридоре. Отец был без ремня, карманы френча сорваны. Он бросился было к родным, но остановился, с опаской поглядывая на молодцов. Один из тех показал ему на третий стул под портретом «козла». Теперь все родные сидели в ряд.

«Поцелуй отца», — шепнула тетка.

Акси-Вакси про все и про всех забыл и бросился к папке, ликуя и смеясь. Вскарабкался к нему на колени. Из поля зрения пропали два недобрых перевозчика.

«Папка, покатай меня на верблюде!» — вскричал он.

Дома отец почти ежедневно катал его на плечах по их большой квартире; иной раз шел тяжелой поступью «корабля пустыни», другой раз пускался трусцой. Вакси обычно держал отца за уши и направлял туда, куда хотелось проехать. Теперь отец обратился к сотрудникам с какой-то пылкой мольбой.

Ответа не последовало. Оба молодца отошли к окну и стали раскуривать добротные папиросы «Казбек». Отец поднял Ваксика, посадил на плечи и пошел по кабинету, имитируя валкую поступь верблюда. Страж с пистолетом мрачно следил за каждым их движением.

Больше, собственно говоря, Акси-Вакси не помнит ничего из этого карнавального вечера. Пропал куда-то отец, испарились сотрудники-перевозчики и сторожа с пистолетами. Остался в памяти только длинный коридор, по которому они идут вдвоем с теткой. Мальчик подпрыгивает, вспоминая, как он катался на отце. Тетка молчит, мерно стучат ее ботинки, подаренные дочерью, тетей Котей. На лице ее нет ни одной слезинки. Тверды рязанский крутой лоб и бульбообразный нос.

Только отдалившись на три квартала от Глубокого озера, она начинает плакать и гладить своего воспитанника по макушке. Еле слышно она бормочет: «Папа сказал, чтобы тебя к бабушке переместили. По стенному телеграфу получил от Жени просьбу, чтобы к бабушке Ревекке…» — И совсем разрыдалась.

Родители Евгении Гинз, Соломон и Ревекка, считались буржуями. До того, как они были таковыми объявлены, считали себя трудящимися интеллигентами. Соломон окончил Харьковский университет по фармакологическому отделению. Стало быть, на него не распространялись ограничения «черты оседлости». Работал он в «Аптеке Льва» и в «Ферейне», то есть в первоклассных заведениях Москвы. Долгие годы супруги Гинз мечтали о собственности. В конце концов скопилась определенная сумма, достаточная для покупки аптеки, увы, не в Москве, а в Булгарах-на-Волге, да к тому же еще поздновато — за год до «катастрофы», в 1916 году. По убеждениям дед был конституционалистом-демократом, по вкусам — британским денди. Соседи по советской коммунальной квартире стучали в ГПУ, что Гинзы прячут золотые монеты в ножках стильной мебели.

И впрямь, когда после разгрома Ваксоновых обрушились с обыском на стариков Гинзов, оперативники взялись первым делом за мебель: ломали хрупкие ножки и перепиливали комодные рамы. В самом деле где-то нашли столбик золотых, но больше ничего. В конце разгрома предъявили ордеры на арест Соломона и Ревекки. Потащили ошеломленных аптекарских диверсантов пролетарского дела.

Соломон осмелился плюнуть в опербригаду и этим предрешил свою участь. За несколько недель в кабинетах — как раз в тех самых, где побывал и Акси-Вакси, — деда забили до такой степени, что у него открылась скоротечная чахотка с профузными кровотечениями изо рта. И вскоре он умер, не сдавшись. Честил ублюдков по-русски, по-польски, по-немецки, пока не пробормотал какое-то заключительное проклятие на иврите.

Бабку, которая за все следствие не промолвила ни единого слова, не били, но слепили яркой лампой и объявили в конце концов душевнобольной. Отвезли по старому адресу на Попову Гору, выбросили чемодан и старуху вытолкали. Котельникам сказали по телефону, что их жидовская родственница дома. Ксения приехала, вымыла полы, собрала из углов длинные космы паутины. Постелила две постели — одну для длинной Ревекки и маленькую для Акси.

Бабка с той поры сидела на покрывале своей кровати в зашнурованных башмаках. Не произносила ни слова. Иногда вставала что-нибудь сварить для мальчика. Того тошнило от ее варева.

«Хочу домой, на Карла Маркса!» — орал он.

Если уж что-нибудь и запомнилось ребенку из варварского

детства, это были скособоченные хибары булгарского жилого фонда, перекошенные лестницы, гнилое дерево, лампочки на голом проводе, сортирные будки во дворах. Попова Гора вообще-то вся выглядела на этот лад, и мальчика при виде горбатой улицы, отчасти напоминающей останки не до конца откопанного динозавра, двора, воплощающего свалку нечистот, комнаты, где сидит одинокая, каменная от горя еврейка, охватывали несусветная тоска и протест.

Он сидел на полу, на ошметках дореволюционного ковра, похожих на карту неизвестного архипелага, и выл в потолок, где, скособоченная, висела хрустальная люстра, запоздало познакомившаяся с чекистской пулей.

«Хочу домой, к ребятишкам! Где мои ребятишки, где Майка, Олежка, Галетка, Шуршурчик? Отдайте их! Бяка! Бяка! — кричал он Ревекке. — Где мои тетки, Ксенька и Котя? Где баба Дуня? Где Фимушка моя родная?»

Его не интересовал ни один предмет разрушенной эпохи, еще уцелевший в этой темной комнате: ни напольные часы с неподвижно висевшим маятником, ни настольный гарнитур с двумя тяжелыми чернильницами, ни мраморное пресс-папье, ни скульптурки альпийской идиллии с пастушонком и ягнятками…

В один из таких дней несчастная пятидесятивосьмилетняя старуха поднялась со своей кровати и сделала несколько шагов к внуку. Положила ему обе темные, дубового цвета ладони на макушку: «Все здесь, мой мальчик, все живы. Кроме Соломона» — и заплакала.

Акси-Вакси завизжал: «Ты бяка, бяка! Не трогай меня!» — и стал кусать ее сухие руки.

В это время послышались шаги вверх по еле живой лестнице, и в комнату вошла молодая цветущая женщина в берете и с сумочкой на сгибе руки: не-у-же-ли-ма-ма? Он чуть было не закричал, но не закричал. Похожий на отца оказался братом отца, дядей Андрюшей. Похожая на мать может оказаться сестрой матери, то есть тетей Талой.

«Талочка! Талочка!» — Ревекка задрожала в каком-то оздоровительном трепете. Две женщины слились в неразлучном объятии.

Акси-Вакси вдруг стало стыдно, что он кусал бабушку. Он хотел было заползти под кровать, но тут его внимание было отвлечено еще одной персоной. На пороге стоял мальчик то ли его возраста, то ли на год моложе. Смуглый, глаза — как орехи. Дул губы. Вот так на всю жизнь стали они братьями-кузенами: Вакси-Акси и Димка Князев, сын Натальи Гинз.

Почти немедленно они занялись игрой, в которую помимо

перечисленного выше вовлечены были многие другие предметы, а в частности, фармацевтические весы, гирьки и разновесы, чаши и ступки для растирания порошков, три различных портсигара, один с орлом, другой со змеей, третий с парусником, костяной нож для разрезания бумаг, две полусферы земного шара, фотоальбомы с добротными картонными страницами, на которых в дугообразные щели вставлены были фотографии Франции и Швейцарии с молодыми Соломоном и Ревеккой в качестве персонажей. Ребята увлеченно ползали под столом и между покалеченными креслами и иногда натыкались лбами друг на друга.

В один из таких моментов в глубине комнаты, где все еще обнимались и плакали друг дружке в жилетку старая и молодая женщины, прозвучал быстрый обмен вопросом и ответом.

«А что Князев? — спросила Ревекка. — Жив?» «Расстрелян», — коротко ответила Наталья.

Мальчишки уставились друг на друга, и Димка прошептал не без некоторой гордости: «Это про моего папу».

Каждый день они придумывали какую-нибудь новую игру, и в общем-то Акси-Вакси перестал вопить на весь околоток: «Хочу домой на Карла Маркса!» Тетя Тала получила преподавательскую должность в финансово-экономическом институте. Ее стал провожать с работы большой и быковатый доцент со странной фамилией Примавера. В общем, жизнь так или иначе начала пускать свои корешки. Бабка Рива даже выбиралась на соседний рынок за творогом. Этот рынок находился на задах хорошо известного в Булгарах завода «Пишмаш». Из ворот там выезжали грузовики с ящиками, на которых был отштампован просветительский советский продукт. Милиционерам дан был приказ прислушиваться к базарным разговорам: иным бабам невтерпеж было разнести слух, что вместо пишущих машинок завод производит пулеметы «Максим».

Довольно часто Ревекку провожала туда Ксения. В таких случаях можно было взять с собой и мальчишек. И угостить их леденцами-петухами на палочках. Ребята ликовали от такой огромной сласти. Еще пуще они ликовали, когда на базарчик закатывала свою тележку мороженщица. Ваксик и Димка старались не проморгать ни малейшей детали в изготовлении райского лакомства. На дно жестяного стакана укладывалась большая круглая вафля. Из бидона зачерпывался половником комок морозной жирной массы. Жестяной стакан раскручивался и производил кругообразную, по границам вафли, ванильную котлетину. Сверху котлетина накрывалась еще одной вафлей. Еще несколько оборотов — и мороженое готово. Тогда они оба хором

восклицали: «Восторг и упоение!»

Однажды, вместо того чтобы совершить очередной поход на базар, тетя Ксения схватила Акси-Вакси за руку и повлекла его совсем в другом направлении — к Крепости.

«Куда ты меня тащишь?» — воскликнул мальчик. «Молчи, Ваксюша, — шепнула она ему на ухо. — Идем к папе!»

Крепость была окружена слободой каких-то нежилых строений. Прокрутившись по пыльным переулкам, они вышли в длиннющую улицу, что тянулась вдоль глухой стены с одной стороны и другой стены с проволокой. Вдоль глухой стены строения тянулась очередь в несколько сот людей. Большинство сидело на земле, прислонившись к стене. Женщины вязали бесконечные пряжи, кое-кто читал книги, кто-то дремал с провалившимися ртами. Никто из этих женщин не разговаривал друг с дружкой. Черный раструб радио гнал бодрящую музыку вроде:

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня.

Эта песня на долгие годы стала для Акси-Вакси символом советского ужаса. Только став взрослым, он узнал, что бодренькая мелодия сочинена Шостаковичем для кинофильма «Встречный», но даже и тогда он не мог понять, что за мрак курится в словах о какой-то «кудрявой», которая «не рада веселому пенью гудка». Только еще позже выяснилось, что слова были написаны поэтом Борисом Корниловым. К тому времени, когда песня оглушала и пугала пятилетнего мальца, Борис Корнилов был уже расстрелян как враг народа.

Другому врагу народа, а именно отцу этого мальца, перед отправкой по этапу было разрешено свидание с ближайшими родственниками, сестрой и сыном; гуманизм все-таки.

Отцу Акси-Вакси, бывшему председателю горсовета, вообще-то повезло. Его вместе с другими работниками почтенного заведения судил открытый суд, а не тройка убийц. Там сидела отобранная публика, а также представители прокуратуры и защиты. У него был свой адвокат, который постоянно посылал апелляции. По приговору суда Павлуша получил высшую меру без права обжалования. Чекисты вели уже его к фургону для отправки в камеру смертников, когда из толпы перед ним выскочила матушка, Евдокия Васильевна, рожденная еще при крепостном праве.

«Пашка, не боись! — пронзительно закричала она и осенила его крестом. — Ни один волос не упадет с головы без воли

Божьей!»

Бывший городской голова воспрял и так с этим воспарением отправился в каменный мешок смертников, где единственным его собеседником в течение шестидесяти дней была одна-единственная муха. Оттуда его и отправили назад в светлое здание клуба имени Менжинского, где и огласили замену смертной казни 15-летним заключением плюс «три-по-рогам». Настойчивость адвоката сделала свое дело. Апелляции стали достигать непосредственно всесоюзного козла Калинина.

Охрана начала выкликать фамилии. Тетка услышала свою, схватила за руку Акси-Вакси и ринулась в самую гущу. Огромные дощатые столы шли один за другим от входа к выходу. В другую дверь заглядывали группы зэков. «Вон, смотри, Вакси, вон твой папа там влачится», — проговорила тетушка. Мальчик сначала и не узнал исхудавшего доходягу в ободранном бушлате, с мешочком на плече. Солдат тронул того прикладом и погнал по проходу между дощатых столов. Другой солдат пхнул коленом тетку и показал на проход вдоль столов. Акси-Вакси прикрыл ладонями свою голову и стал пробираться. Так или иначе они оказались через грязный занозистый стол прямо напротив отца. Тот не в силах был удержаться от слезоизлияния. Он протянул к сыну грязные руки, и мальчик отдал ему свои ладошки.

«Куда тебя теперь, Павлуша?» — спросила тетка. «Похоже, что на Инту, — ответил он. — В шахты».

Тетка смотрела на него и закрывала глаза, борясь со слезами. Похоже было на то, что это их последняя встреча. Папа вдруг вытащил из нагрудного кармана помятую конфету «Мишка на Севере»: «Быстро, ешь!» — Затем он протянул тетке малую толику бумаги: «Вот здесь адрес, почтовый ящик. Держитесь, мои родные!»

Солдаты пошли с двух концов, разгоняя зэков и их визитеров в разные стороны.

«Прощая, прощай», — запричитал Акси-Вакси, и все действительно шло к последнему прости. Тетка подняла мальчика на руки и понесла его к выходу. Павлуша молчал, поглощая каждый мгновенный образ уносимого мальчика.

Нас утро встречает прохладой,

Нас ветром встречает река…

После этого прощания тетка окончательно забрала племянника «домой на Карла Маркса», и он стал расти как обычный мальчик из этой системы проходных дворов и в половодье, управляя плавучими калитками и кусками забора, отталкиваясь шестами от глинистого дна и воображая себя матросом из романа «Мятеж на «Эльсиноре». А ранним летом

расцветали липы, и Акси-Вакси все чаще застывал, глядя на закат и думая, что он, должно быть, уже не раз проходил под этим цветением. И так они все, Котельники, Ваксоновы, Гинзы и Шапиро, дотянули до войны.

22 июня стояло тихое марево. До Булгар-на-Волге эскадры «дорнье» не долетали. Взрослые сидели на скамеечках и вели тихие сумрачные разговоры. Дети носились меж стволами аргамаковского сада, изображая военные самолеты. «Ура! Ура! Война началась!» — кричали они. Какой-то пьяный командир прошел мимо забора, бабахнул в небо и проорал: «Через неделю в Берлине!»

Мне восемь, почти девять, лет. Я уже вычитал все батальные сцены из «Войны и мира». Завидую тем, кто идет на фронт, в частности, дяде Феле. Он куда-то уходит, вроде бы по соседству, и возвращается без своей великолепной черной шевелюры. Я потрясен: значит, вот так все это происходит? Дерзновенный герой приходит куда-то, где сидят какие-то брыла, и добровольно предлагает свои усилия для борьбы против немецкого врага. Его первым делом тут же провожают в подсобную комнату и окатывают под ноль. А пол в этой комнате мягко устлан отхваченными шевелюрами: никто не подметает, потому что щетки нет. Мужчины становятся носителями острых, похожих на археологическое оружие голов.

Он призывает нас всех сфотографироваться: себя, тетю Котю, бабу Дуню, которая все еще на эти техно-чудеса смотрит с удивлением, тетю Ксению с ее твердым и добрым мужским лицом, Галетку, Шуршурчика и меня, который к этому времени уже неотделим от семьи. Подросток Боба Савочко деловито расставляет треногу своего аппарата. В кепке и джемпере он похож на иностранца. Позднее я узнал, что он был воспитан в советской дипколонии в Нью-Дели. Его папашу по каким-то причинам отозвали на родину, тот в свою очередь отозвал самое себя из состава семьи, обеспечив таким образом плавное вхождение Борьки в заволжский воровской мир.

Как всегда при таких особых съемках, Гошка Шранин с цинической гримасой держал над головой вспышку: «Акси-Вакси, ты чё, сниматься не умеешь?» — «А чё?» — спросил я. «А ничё, не моргай и не вихляйся! Смотри на разгромленный Берлин! Или катись отсюда на многоточие!»

Дядя Феля подтягивает к себе любимого племянника. В-вжиии-ххх! Вспыхнул магний. Бабушка только рот успела открыть. Тетушка вытащила из ридикюля купюру денег. Снимок, увы, получился не вполне в фокусе.

Странным образом довоенное детство было каким-то образом

освещено фотографией: ведь нашим ближайшим соседом был популярнейший в городе мастер электровелографии Соломон Израилевич Майофис. Те, у кого был доступ к его шедеврам, не могли забыть портрет молодого демонического красавца в черном цилиндре и выгравированную по негативу надпись: «Футурист Владимир Маяковский после выступления в Булгарах-на Волге».

Однажды вокруг Акси-Вакси поднялась какая-то фотографическая суета. Мне было тогда семь лет, и я не понимал, почему меня ведут в соседнюю двухкомнатную квартиру, демонстрируют Соломону Израилевичу и почему он так долго осматривает меня со всех сторон. На следующий день в сопровождении тети Коти и дядя Фели отправились в ателье. Там ждала меня нетронутая новая одежда, задник, изображающий окно и за окном тенистую аллею, и место действия, богатая, то есть многоподушечная кровать, на которую меня и усадили во всем новом. В результате получилась профессиональная большая фотография: семилетний мальчик с большой косой челкой в дорогих, тщательно отутюженных брюках, в отменных, зашнурованных доверху ботинках, в темной рубашке из плотного сатина, в пионерском галстуке, забранном в октябрятский значок, сидит там, где посадили, то есть на кровати, и держит на коленях переводную книжечку американского фольклора с отчетливо видной надписью «Сказки дядюшки Римуса».

Прожив всю жизнь, Акси-Вакси так и не понял, в чем смысл того парадного фотопортрета и для кого — или для чего — он предназначен. Быть может, кому-то надо было показать, что дети крупных врагов народа живут в комфорте и благоденствии? Сомнительно, что этот снимок предназначался родителям, отделенным друг от друга восемью часовыми зонами в тот год, 1939-й, когда они, один в угольной шахте, другая на лесоповале, проходили страшный процесс адаптации к лагерной жизни. Мальчик не знал ничего ни о лагерях, ни о лесоповале, ни о ледяных шахтах: ведь по семейной легенде его родители были посланы родиной в долгосрочную важную командировку. Странным образом его смущала книжка, лежащая на его колене. Он уже читал «Сказки дядюшки Римуса» и даже запомнил то, что показалось ему главным смыслом. Подлец и мучитель мистер Волк выловил шустрого Банни. Он собирается того то ли сожрать живьем, то ли поджарить, однако хитрый Банни умоляет душегуба воздержаться от еще более ужасной казни: «Делайте со мной все, что хотите, мистер Волк, только не бросайте меня в терновый куст!» Назло зайчику мистер Волк раскручивает того за уши и зашвыривает его в густой терновник. Банни только этого и ждал и задает стрекача.

Семилетний мальчик хохотал, не в силах остановиться, должно быть, самого себя почему-то воображал то в шкурке Банни, то в новенькой одежке, полученной в фотосалоне. В ней он и отправился через год в первый класс.

Интересно, что перед войной я в общем-то был вполне прилично одет. Например, на снимке с добровольцем дядей Фелей я стою в шелковой майке и узбекской чаплашке. На другой какой-то карточке — в белой рубашке с расшитым на украинский манер воротником. «Дядя Феля, ты в какой форме будешь на войне?» — спрашиваю я своего кумира. Тот слегка нахмуривается: «В морской». Я в восторге: «Ты, значит, во флот записался?» Тот еще больше хмурится: «Увы, только лишь в береговую артиллерию». — «А что это такое, товарищ лейтенант Котельник?»

Тот берет меня за руку и отводит под цветущие липы: «Вот вообрази, Вакси, ты идешь по берегу мирного моря, засаженного березами и даже с энным количеством коров. Нет, речь идет не о море, а о береге. И вдруг кусты на холме раздвигаются надвое и из глубины холма поднимаются бронированные башни береговой артиллерии. Они вращаются, выискивая на горизонте эскадру врага, и защищают Владивосток». «Как это здорово!» — Я не могу скрыть экзальтацию, и вдруг малоприятная тучка омрачает небосвод. «В чем дело, брат?» — обеспокоен дядя Феля. «Но ведь во Владивостоке, — говорю всезнайка я, — пока что ведь там войны нет?» «Вот именно! — сумрачно отвечает он, отщелкивает папиросу, и гильза отпадает от нее, как от снаряда береговой артиллерии. — Я жажду битвы, а они засылают меня в самую тихую заводь. Знаешь, Вакси, я буду каждый месяц писать в Комитет обороны и требовать, чтобы меня перевели на Западный фронт. Иначе я не смогу смотреть в лицо своим детям и тебе. Ты понимаешь?» — «За меня не беспокойтесь, дядя Феля, и просто укрепляйте там нашу береговую артиллерию, пожалуйста».

Я помню себя в трехлетнем возрасте. Сижу в столовой горсоветовской квартиры. Один за круглым столом. Передо мной глубокая тарелка с манной кашей. В структуре каши видны круги, как следы первичного вращения материи; так мне, во всяком случае, кажется сейчас. В центре каши янтарным сгустком расплывается ложка доколхозного то ли солнца, то ли масла. В полной меланхолии я взираю на кашу. Да как же я со всем этим справлюсь? В жизни мне не одолеть этой манной. Скорее уж она залепит мне все дырки без разбора.

Нянюшка Агашенька умильным неискренним голоском старается обмануть бдительность дитяти: «Уж вы отведайте сладости этой питательной, батенька Акси-Ваксенька. Уж

сделайте вашу маменьку Женюшеньку счастливой…» У всех трех женщин, то есть у нянюшки Агашеньки, нянюшки Фимушки и бабушки Дунюшки, механическим образом открываются все три рта в предчувствии первого детского заглота. Увы, ничего не получается: красный принц от ложки выворачивается.

«Каховка, Каховка — родная винтовка, / Горячая пуля, лети! / Иркутск и Варшава, Орел и Каховка — / Этапы большого пути!» Пришел отец, открывает патефон. Принц Акси еще пуще блажит: «Да ведь мы же договаривались!» Оказывается, в прошлый раз было достигнуто соглашение: крутить ручку в обмен на три ложки каши.

Семь лет спустя, за год до ленд-лиза, голодному Акси-Вакси в промерзшем аргамаковском доме без конца снилось медлительное вращение жирной и сладкой с янтарными струйками и прожилками массы, как будто в этом и крылось какое-то непостижимое спасение.

От окончательного голода спасала нас тогда Фира Мироновна Шпрудель. Заведующая большой столовой, к которой прикреплены были два вуза, три «почтовых ящика», а также подвижный контингент, двигающийся от фронта до Урала и обратно. Однажды тетя Котя напечатала в местной газете лживую заметку о «Пункте питания и о его трудолюбивой директорше», а потом организовала и беседу на радио, которую по фальшивым тонам можно было сравнить только со встречей Молотова и Риббентропа. С тех пор Фира Мироновна стала слегка патронировать семью Котельников. Иногда она могла, к примеру, сказать так: «Пришлите с бидонами ваших деток. Я наполню их супом».

Отправлялась целая бригада. Бригадиром выступала шестнадцатилетняя Майка Шапиро. В валенках и в платке ее можно было принять и за тринадцатилетнюю подростковщину. Зато девятилетний Акси-Вакси тянулся изо всех сил, чтобы вытянуться до одиннадцати и как бы возглавить отряд. Что касается семилетней Галеточки, то ей не надо было никем притворяться: дитя и есть дитя. Кроха Шуршурчик все время просился, чтобы и его взяли с собой, чихал, сморкался и басовито ревел, однако ему позволили присоединиться к суповым экспедициям только через год. Присоединиться — не то слово, он старался всех возглавить и первым войти в вечно гудящее здание, держа в руке маленький эмалированный бидончик.

Чаще всего молодые Котельники рассаживались за отдаленными столами, с которых еще не успели собрать грязную посуду. Иногда все столы были заняты и тогда приходилось, как тогда говорили, «подпирать стенки». С оттаявшей одежды капало

на кафель. Оглушали эхоподобные грохоты в глубине пищевых цехов. Тошнотворновато несло от мокрых тряпок. Так шел час за часом. Зарок был такой: самим не напрашиваться, ждать! Проходила Фира Мироновна в меховой накидке. Делала вид, что не замечает. Наконец брала за руку Шуршурчика и подводила всю команду к раздаточному прилавку. Все бидоны — как эмалированный миниатюрный Шуршурчика, так и трехлитровые цинковые старших детей — заполнялись совершенно черным и тяжелым супом. Железные дужки резали ладони. На трамвайной площадке дети ставили бидоны к ногам и таким образом согревали утомленные конечности. Я один раз снял крышку, чтобы понюхать запах горячего. Дохнуло чем-то полностью несъедобным.

Дома зерна чечевицы всплывали к поверхности, а основная масса, то есть грязь, состоящая из земли, глинцы, смешанной протухшей растительности, камешков, осколков кирпича, веточек каких-то, щепочек, оседала на дно. Две трети «супа» состояли как раз из этой мрази. Тетя Ксения половником снимала зерна и перемещала в кастрюли. Затем несколько раз процеживала чечевицу через марлю. Иной раз набиралась солидная сковорода хорошего продукта. Жарили на подсолнечном масле и затем с аппетитом поглощали.

Иногда чечевица перемешивалась с картошкой, луком, крошечными кусочками краковской колбасы. Однажды во время такого ужина в дверь постучали и вошла большущая фигура в кожаном пальто и в штурманской фуражке.

«Иван, это ты, ты! Как я рада! — вскричала тетя Котя. — К столу! К столу!» Не приседая к столу и не раздеваясь, данный Иван (так, во всяком случае, с той поры стала называть его Майка) вынул из кожана солидную банку свиной тушенки и водрузил ее на столе. Затем взял под козырек и предложил руку тете Коте: «Прошу прощения за похищение нашей блистательной радиофеи!»

Тут его крепко качнуло, но он быстро выправил курс и повел к выходу нашу сверкающую глазами и зубами «радиофею».

Когда они скрылись, все оставшиеся бросились к окну. Было видно, как он усаживает на диванчике армейского «Виллиса» нашу тетю Котю и сам усаживается рядом, норовя влепить ей жаркий поцелуй. За откинутой полой кожаного пальто мелькнула штанина, украшенная широким лампасом. Водитель с погонами сержанта ВВС завел машину и помчал в глубину замаскированного города.

Генерал был не кем иным, как первым кавалером «Золотой Звезды» Героя Советского Союза, полярным летчиком Иваном

Мясопьяновым. В 1934 году он первым приземлился на льдину возле затертого сухогруза «Стальные челюсти». Именно он доставил на материк первую партию спасенных. После многих экспедиций друзья-пилоты Леваневский, Ляпидевский, Чкалов, Байдуков и Беляков стали шутить, что Ивану Мясопьянову надо пройти операцию по расширению груди, иначе некуда будет вешать правительственные награды.

Начало Великой Отечественной войны застало Ивана в должности главкома транспортного крыла РККА. Плачевные были дни для советских покорителей «воздушного океана». Неуклюжие машины рушились из поднебесья, пылали неохраняемые аэродромы. Катастрофически уменьшался парк отечественной авиации, а вместе с ним и профессиональный состав. И только к концу 1942 года Западного фронта стали достигать летящие из Штатов через Аляску, Чукотку и Колыму новенькие «дугласы».

Генерал Мясопьянов лично командовал проводкой многих воздушных караванов, ведомых как американскими, так и советскими пилотами. В конце концов восточная часть ленд-лиза оказалась под его началом. В Булгарах-на-Волге разместился его штаб. В этом городе на базе нескольких эвакуированных с запада заводов возник новый авиационный центр, который мог обеспечить пополнение матчасти и серьезный ремонт перед отправкой на фронт.

Сам генерал, широкоплечий и тяжеловатый парнюга лет под сорок, занимал трехкомнатный люкс в гостинице «Волжское подворье». Там стояла по крайней мере дюжина телефонов. Один из них был, как сейчас говорят, самый «сакральный». Функционировал радиоузел и буфет. В кабинете был разложен огромный кожаный диван с множеством ленд-лизовских пледов и одеял. На письменном столе под зеленой лампой, словно огромный торт, были разложены одна на другой карты евразийского материка, а также трассы Северного морского пути. Всевозможный бумажный материал был укреплен натыканными там и сям початыми и непочатыми бутылками сорокаградусных напитков.

Крестьянский сын из рязанских глубин Иван Мясопьянов обладал двумя уникальными чертами характера. Во-первых, ему претило сквернословие — никто никогда не слышал в его устах матери-щинской, густо-поперечной. Предпочитал переходить на «вы», и от подобных переходов трепетали лихоимцы и халтур-трегеры.

Второй уникальной его чертой было влечение к драматургии. Среди военных документов на его огромном письменном столе всегда находилось место для сброшюрованной пачки бумаги, и он

то и дело, даже издалека, бросал алчные взглядики на эту пачку. Эх, думал он, эхма! Закрыться бы на тройку дней! Катать бы страницу за страницей! Читать бы их полудюжинами моей Котьке! Показывать в лицах!

Недавно в Булгарах случилась сенсация: самый могущественный в округе генерал пришел в местный драмтеатр с комедийно-героическим сочинением «Вынужденная посадка». Некий энский экипаж совершал перелет на гидроплане с Байкала на Волгу. Повсюду сияло солнце и отражалось во множестве больших и малых резервуаров. Все три летчика были в отличном настроении. Ели шоколад, напевали песенку «С утра просил вас я о свиданье», делились секретами личного характера. И вдруг все разразилось всякими доннерветтерами: мрак, вспышки, раскаты. Ничего не оставалось, как приводниться на первом попавшемся болоте.

Вляпались в камышовую жижицу, скособочились, заглушили моторы. Всю ночь пилоты не спали: сначала переругивались на русском, чувашском, марийском и лоураветландском. Потом на крыле варили суп из шпротов. И наконец уселись рядком и раскурили свои трубочки.

Знаете ли вы мордовскую ночь? Нет, вы не знаете мордовской ночи! Поют, поют в заливных лугах олимпийские лягушки Аристофана. И только лишь время от времени казалось авиаторам, что иногда сквозь заливистое пение холоднокровных доносится лирическое трио пышущих мечтою дев. И наконец все заснули: и те, которые вытянулись на крыле, и те, что дребезжали перепонками в камышах, и только лишь девичья группа набирала все больше экзальтации.

В шесть утра стало вздыматься солнце, и на фоне зари обозначились три красивых силуэта женских колхозных бригадиров; один силуэт был из механизаторского отряда, второй из отряда конной тяги, третий из мясо-молочного сектора. Ну а далее, конечно, пошла разыгрываться qui pro quo колхозно-авиационная комедия с некоторым налетом Голливуда и примесью Шекспира.

Акси-Вакси довольно долго не мог забыть свой первый поход в театр. Началось с того, что сияющая тетя Котя прибежала домой и выхватила из ридикюля стопку каких-то бумажек. «Дети, собирайтесь, мы получили полдюжины контрамарок!» Он знал, что такое марки, однако к этому слову никак не приклеивалась «контра». Потрясенный, он видел в театральной толпе множество девушек в крепдешине и в штопаных чулках. Сквозь эту толпу под аплодисменты шествовал большущий генерал в кителе с правительственными наградами. Это был тот самый,

невероятный, который не раз увозил из дома тетю Котю. Она мелькала там и сям, ее все знали, и мне казалось, что часть аплодиментов была адресована ей. Их всех, контрамарочников, усадили на каком-то балкончике, который назывался «ложей». Разве это не от слова «ложить»? Почти с самого начала началась сплошная смехота: кто-то бухнулся, кто-то шлепнулся, кто-то чем-то подавился, а кто-то даже пукнул. Мы прямо в ложе умирали до икоты. Один какой-то дядька в рубашке с кушаком, вроде бы по роли председатель колхоза, говорит: «Геморрагические усилия», а генерал встает в свой ложе и поправляет: «Гомерические усилия, товарищ народный артист Колосятников, отнюдь не геморрагические!» От этой поправки народный артист поскользнулся, разрыдался и больше уже до конца спектакля без костылька не появлялся, а публика еще пуще захохотала.

В перерыве Акси-Вакси обомлел, увидев чету Чечельницких. Эти супруги, очень похожие друг на друга как надбровными дугами, так и горделивыми носами, жили в глубине аргамаковского квартала, занимая там, по слухам, большую квартиру с драгоценной библиотекой военных тайн. Ежедневно их подвозили с работы на Глубоком озере в монументальном «ЗИСе», слегка дребезжащем своими крыльями и фонарями. В хорошую погоду они покидали автомобиль и совершали, как говорят, моцион для эмоций. Он крепко брал ее под локоть, а она вольготно располагала над таким генеральским кренделем свою левую грудь. Шли, подняв подбородки, никого не замечая.

Однажды Акси-Вакси, вывернув из-за угла, въехал важному сотруднику лбом в середину живота. Тот успел ухватить его за ухо и закрутить указанный орган двумя пальцами, которые небось на работе крутили и не такое.

«Ты кто таков? — восклицал Чечельницкий. — Какое ты право имеешь носиться здесь по-собачьи?» «Успокойся, Арсений, — любовно сказала супруга. — Подобного гамена мы не знаем и знать не хотим. А теперь отшвырни этого гамена своей недюжинной рукою. Вот так, мой друг».

С тех пор Акси-Вакси казалось, что буржуазного вида субъект постоянно останавливает на нем свой взыскующий взгляд. Однажды он даже заметил, что товарищ Чечельницкий, прячась в тени одного из подъездов, поглядывает на него из-под мягкой шляпы и делает какие-то заметки в маленьком блокнотике.

И вдруг эта удивительная чета вновь выплыла перед ним в круговороте театрального фойе. Сделав несколько кругов, они подошли к коммерческому буфету и заказали ситро. Акси-Вакси спрятался за портьеру из рытого бархата, чтобы подслушать их разговор. Ничего не было слышно, кроме: «…Мясопьянов… эта

Котька Котельник… ну, что ж… Лопе де Вега… до конца войны никто… экое бесстыдство… устроить допрос… ах, Виссариония, ну ты же понимаешь… до конца войны никто…»

После третьего звонка Акси-Вакси вылез из-за портьеры и успел понюхать недопитую бутылку ситро. Пахло смесью чечевичного супа и капель датского короля.

Во втором отделении было не так смешно, потому что вступила в ход сталинская животворная, никоим образом не живодерная, идеология. Колхозники стали помогать летчикам, а летчики колхозникам. Вся тягловая сила колхоза, то есть трактора, полуторки, а также быки отменных производительных качеств, участвовала в буксировке гидроплана из трясины на чистую воду. По ходу дела летчики интересовались, как удалось в таких отдаленных местностях вырастить трех превосходных невест в лице певучих бригадирш. Очень долго публика, а также труппа никак не могли разобраться, как распределить по ролям пилотов и девушек. Возникал кризис жанра и конфликт патриотизма. Наконец разобрались. Вот тут надо было бы объявить второй перерыв, чтобы после него перейти к апофеозу любви и всеобщей верности, но этого не произошло. Начали сразу окончательно объясняться, а в темное время суток натыкаться на трудно различимых персон. В конце концов, приходя к завершающей персонификации слов и поцелуев, открыли общую свадьбу и не менее пятнадцати минут валяли дурака за столами, а потом все молодожены полетели на освобожденном гидроплане прямо на Всесоюзную спартакиаду физкультурников, осененную портретами любимого вождя. В воздухе неслись летние семена и споры. Трудящиеся Западных Украин и Восточных Польш радостно встречали сибиряков и волгарей. Взращенные в семье народов чуваши, мордва, марийцы и удмурты совместно с булгарами, коми и карелами вздымали сталинские знамена угро-финского единства. Войнами на арене Европы даже и не пахло, напротив, пахло хорошими чаями, кофеями и прочими колониальными пиршествами, а стало быть, и романтическими свадьбами воздушно-морских ребят и механически-луговых девчат. Ну а вокруг, конечно, залихватски выплясывало наше будущее, то есть детский сад.

«Какой позор!» — донеслось до слуховых мембран Акси-Вакси от голосовых связок супругов Чечельницких.

Несколько эвакуированных из Москвы писателей и театралов придерживались другой точки зрения. Один из них, седовласый красавец Оренбург, даже заметил: «Теперь, когда мы всем огромным фронтом перешли в наступление, нам нужны вот такие ободряющие юмором и определенной свободой нравов летучие

комедии». «Послушай, Лья, американцы привезли ящик «Дэниэла», давай как следует напьемся сегодня?» — предложил ему старый фронтовой, еще по испанским пожарищам, друг, а именно как раз автор сегодняшнего сочинения Иван Мясопьянов.

Вокруг все пели ему осанну и только сожалели, что нет цветов, нет тортов и нет вообще ничего. Правда, ожидались новые хорошие вести от Совинформбюро. Вдруг все расступились, и к герою народа по лестнице сбежал великолепный дар города Булгары, тетя Котя в платье, тщательно пошитом из кусков бархата, и с горшковым фикусом в руках: «Ваня, Иван, поздравляю тебя с настоящим триумфом!»

Когда мы вышли из театра с невиданным доселе ларцом конфет, руководство взяли на себя почти взрослые Майка Шапиро и Бэбка Майофис. Мы все взялись за руки и образовали то бегущую, то скользящую цепочку: Котельники, Майофисы, Сафины и Трень-Брень. Мягкий снег усиленно покрывал раскатанные дорожки. Кое-где на открытых местах снег скрипел под ногами. Нас перегоняли девушки и дамы в валеночках с модельными туфельками под мышкой.

«Чайка смело пролетела над седой волной», — пели они. Глаза их сверкали, отчетливо сверкали, и они мечтали о том, что когда-нибудь и в их колхоз спустятся капитаны пятого океана, а может быть, и настоящие транспортники ленд-лиза.

Фира Рувимовна пришла к тете Коте для конфиденциального разговора. Они удалились за ширмы и шторки и уселись вдвоем на панцирной сетке брачного ложа Котельников.

«Послушайте, Котя, ведь вы хорошо знаете мою Сэсиль, права я или нет?» — так начала Фира.

Панцирные сетки были хорошо известны в Стране Советов тем, что на малейшее движение помещенного в них тела они отвечали чем-то сродни концерту фисгармонии. Тетя Котя тревожно родила несколько аккордов в верхних регистрах. Фира произвела свое в басовом ключе.

«Вы знаете, Котя, что моя девчушка достойна лучшей доли, права ли я?» — произнесла Фира и по системе зеркал увидела свое отражение в уменьшенном, но четком виде, претендующем на подчеркнутое достоинство. В те времена, когда фронт колебался по всей своей титанической дуге, заведующие предприятиями общественного питания, равно как и директоры продовольственных магазинов, казались себе членами новой аристократии, неподсудными и непогрешимыми.

И вот ей взрыднулось. Задрожала вся панцирная сетка, как в разгаре Куликовой битвы. Ух, ох, стонала Фира, и это уже было столкновение тачанок батьки Махно.

«Юная, прекрасная, она еще не знает поцелуя офицера Советской армии. Ну, вы можете это себе хотя бы отдаленно представить?» Тетя Котя искренне вздохнула: «Нет, не могу». Фира обхватила ее плечи и сильно поцеловала в мочки ушей, сначала в левую, потом в правую: «Моя Сэсиль, девушка Голливуда! Она приходит ко мне в спальню среди ночи и открывает свое сокровенное. Я знаю, в кого она влюблена! Открыть вам секрет?» — «Ну конечно, родная Фира Рувимовна. Я бы не хотела, чтобы между нами осталось что-то невысказанное. Итак?» — «Она любит вашего хорошего знакомого. Летчика-героя. Генерала. Таланта сцены. Ивана Флегонтовича Мясопьянова!»

Тетя Котя бурным всплеском поднялась из постели и бросилась к окну, якобы при желании улететь: «Для чего вы это все мне рассказываете, Фира Мироновна?» — «Ах, Котя, ведь мы с вами черпаем из одного котла. На ваших детей я смотрю как на своих, и многажды хотелось бы, чтобы вы смотрели на мою Сэсиль как на свою юную сестру. Короче говоря, я бы хотела, чтобы моя дочь вышла замуж за Ивана Флегонтовича Мясопьянова». «Но это невозможно!» — воскликнула тетя Котя с таким грудным звуком, какому бы позавидовала и рязанская горлица. Она вся трепетала, не в силах смирить трепет, а напротив, трепеща уже за пределами женственности.

Фира крепко схватила ее руки и стала их сгибать, усмиряя неуправляемый трепет: «Котя, я могу себе представить, как сложна жизнь Ивана. Ведь он привык рапортовать Верховному Главнокомандующему! Исконные Герои Советского Союза, кто спорит, конечно же, непогрешимы! Ну хорошо, пусть они не сразу станут воплощением советской семьи, но не могли бы вы, родная Котя, устроить так, чтобы Мясопьянов просто уложил Сэсиль в свою постель? Ах, как я мечтаю стать в конце концов бабкой какому-нибудь золотоносному генералышу!»

Мучительные терзания проходили волнами через весь организм тети Коти. Что делать? Как избавиться от упорной Фиры Рувимовны? Если бы она знала, как страстно меня любит Иван! Как он простирает меня на своем генеральском диване! Как мне приходится всасываться в его шерстистую грудь, чтобы подавить свои страстные стоны!

Конечно же, Фира, кормилица большого куста потревоженной родины, и думать не думала, чтобы рисовать в воображении Героя с бедной Котей. Она, зажмурив глаза, представляла, как могучий Мясопьянов несет в своих руках к брачному ложу снедаемую страстью Сэсиль, как он внедряет в деву свое семя и как они все трое… ах-ах… остановись, кипящий разум воображения!

Тетя Котя поникла. Если я открою Фирочке свою тайну, она,

конечно же, закроет нам всем источник чечевичной похлебки.

«Фирочка, нужно все это устроить кон-фи-ден-циально, согласны? Иван — натура пылкая, как истинный представитель нашего великого народа. Нужно устроить кон-фи-ден-циальный ужин, предположим, у нас, за нашим историческим круглым столом красного дерева, согласны? Кон-фи-ден-циально познакомить Ивана и Сэсиль. Проверить, промелькнет ли между ними электрическая искра, вы согласны? Уверена, что ваша дочь произведет на него самое серьезное впечатление. Кстати, кто ее отец?» Фира Рувимовна вспыхнула своими ближневосточными очами: «Котя, ее отец, кон-фи-ден-циально говоря, никакой не еврей. Он кубанский казак-иудей. Бороздит тылы фашистского зверя. Ах, я представляю, как будет счастлив Гермоген, узнав об этом браке!»

Ей понравилась идея организации кон-фи-ден-циального ужина на квартире Котельников. Вряд ли кто-нибудь из соглядатаев-сотрудников заподозрит, что она устраивает прием для генерала.

«Итак, за работу! Только без спешки! Конфиденциальность — это главное! Мясопьянов должен быть поражен и изяществом, и богатством вашего стола. Ксения должна возглавить наши начинания. Я пришлю к ней на помощь своего поваренка». — «Моя мама Ксения — это мастер домашней выпечки и организации закусок». — «Завтра же присылайте ко мне вашего Акси-Вакси. Я отвешу ему пять килограммов пшеничной муки!»

Тетка моя едва не падает в обморок: пять килограммов пшеничной муки — да ведь это же сущее чудо! За все годы войны ни в одном магазине не продавали, в том смысле что не давали на карточки никакой муки. Только позднее, к самому концу побоища, стали иной раз оповещать население, что в связи с бесповоротными победами нашего оружия в сочетании с триумфальными салютами будут происходить выборочные снабжения мукой. Население должно заблаговременно сорганизоваться в хорошо координированные очереди. Продажа муки не будет превышать одного килограмма на члена семьи.

Мы вставали в пять утра и всей семьей в утреннем мраке направлялись к нашему ближайшему магазину, воспетому народом Карла Маркса в таком стихе:

Эй, Валей, приезжай скорей!
На углу «Бакалей»,
Вход со двора,
Будет чумара.

Вся улица с ее трамвайными путями была покрыта то ли резво, то ли сонно стремящимися к «Бакалею» фигурками

стариков, женщин и детей, закутанных в пухлые оренбургские платки. Очень быстро организовывались очереди. Народ разбирался на сотни. Сотенный каждому члену сотни, всем нашим иждивенцам, чернильным карандашом писал цифры между большим и указательным пальцами. Стояли часами, а то и днями, на ночь оставляя у костров дежурных. Мне очень нравились ночные дежурства. Все чудились какие-то акции Большой Волжской войны, иными словами, шла удивительная дремота.

Однако это все будет еще в будущем, а во времена «кон-фи-ден-циального ужина» даже и не пахло выдачей муки на руки иждивенческому населению. В те времена я получил шестикилограммовый кулек с английскими буквами, положил его на санки, привязал и помчал во всю прыть, напевая песенку из репертуара Леонида Утесова «Хорошо в степи скакать, свежим воздухом дышать, лучше прерий в мире места не найти!» Дома со словарем прочитаю все эти ленд-лизовские надписи. И вдруг меня посетила странная мысль: что же получается, нам сквозь фашистский стальной кошмар наши союзники посылают большой ассортимент продуктов, а мы, население, многих предметов и в глаза не видели?! Вот, например, кульки с мукой, их, очевидно, прячут по кладовым разных межкустовых столовых, а выдают только по чрезвычайному блату для непонятных целей. А ведь такие странности могут привести к вспышке Большой Волжской войны. Польская армия, например, такой дискриминации не поймет. То же самое может произойти в полку французских летчиков. В конце концов и тяжелые мониторы[1] Волжско-Каспийской военной флотилии могут выйти курсом на Юг для обогащения своих трюмов первостатейной персидской мукой!

Подготовка к конфиденциальному ужину шла без суеты и без спешки. Даты переносились все ближе и ближе к весне, потому что героический генерал то и дело отбывал в какие-то невероятные приключения — то на остров Врангеля, то на острова Капитана Кука, то в партизанскую армию, дислоцированную в районе Гродно, то в зону высадки на Сицилии, а возвращался как ни в чем не бывало в наши Булгары, где все подрастало чудом уцелевшее детское население.

Мне шел двенадцатый год, и я, конечно, не очень-то соображал, какое событие приближается к стенам нашего дома. В равной степени я не очень-то соображал, что означает иногда долетавшее до моих ушей слово «кон-фи-ден-циаль-ность». Время от времени меня отправляли в столовую без вывески, и всякий раз я возвращался на Карла Маркса с каким-нибудь кулечком или сумочкой, что позволяло мне воображать себя каким-нибудь

кораблем северного конвоя.

Тетка теперь подолгу возилась в «конфиденциальном» чуланчике, который ей удалось обустроить в коридоре возле наших дверей. На дверь чуланчика она навесила замочек и с ключиками от этого замочка, похоже, никогда не расставалась. Между тем вокруг бурно началась весна 1944 года. Вокруг помоек зазеленела трава. Липовый цвет бурно произрастал, стараясь, очевидно, преодолеть запах дерьма. С крыши аргамаковской террасы Акси-Вакси видел большой периметр зацветшей округи, включая даже кусты сирени вокруг военного склада, на дворе которого все время играли в «валитбол» в сапогах на босу ногу. Корабль входил в благодатную зону пассатов.

Савочко и Шранин поднимались из трюма на палубу, то есть на аргамаковскую террасу. Один из них недавно стал косым, а второй — хромым, что помогло обоим избежать призыва. Показали друг другу маленькие метки с изображением черной кошки, хотя могли бы уж этого не делать: знали друг друга как облупленных.

«Слышь, вчера Майку Шапиро зажал за дровяниками, — похвастался Боб. — Чуть штаны с нее не стащил». «А чё ж не стащил?» — поинтересовался Шранин. «А чё она, стрёмная такая, не дает? Отскочь, говорит, Савочко, а то по зубам врежу!» Шранин глубоко вздыхает: «Эх, надо ее на пару сработать; хромой с косым — заделаем интеллигентку!» Савочко глубоко вздыхает: «У тебя, Шранин, собственной фамилиёй изо рта пахнет». Шранин сделал какой-то резкий жест: то ли дернул друга за какое-то место, то ли поддел сапогом: «Ты, Савочко, даже не представляешь, как я тебя ненавижу!»

Потом они закурили «трубку мира» — я знал эту смесь «Беломора», «Герцеговины» и крутого булгарского кулчака — и вполголоса стали обсуждать, как взять котельниковский чуланчик, откуда так заманчиво попахивает ленд-лизом, и как — кому — одномоментно сбыть. Так предлагал Савочко, однако Шранин предлагал иначе: «Давай, Сав, спрячем все это добро под стеной и будем понемногу поедать, а? Избавимся от туберкулеза». «Никакого туберкулеза у меня нет», — еле слышно рявкнул мускулистый Боб. «А у меня есть, кавернозный, с бациллами, — канючил Шраня. — Что же тебе, друг все равно что портянка?» «Ну и балда ты, чистая балда, — обрывал Савочко. — Забодаем шамовку, а на гроши оружие купим у Аслана. С оружием всегда будем при качественном питании, понял?»

После этого они стали обсуждать, как пройдет операция. Замечено было, что тетушка Акси-Вакси носит заветные ключики в лифчике. В сумерках, когда она с помойным ведром выйдет во

двор, надо будет дать ей по куполу, вытащить все из чуланчика и рвануть в Подлужную. Аслан туда приедет ночью, и дело будет сделано.

Акси-Вакси оказался в курсе этого заговора, благодаря тому что успел пристроиться в темном углу под крышей террасы за резной деревянной подпоркой. На случай обнаружения он изображал из себя спящего. Обнаружения, однако, не произошло. Парни отправились по текущим делам, косой и хромой. С этого дня мальчик стал в сумерках постоянно красться то за парой шпаны, то за своей любимой тетушкой. Ему было совершенно ясно, что в нем растет великий сыщик Нат Пинкертон. Он узнал об этой фигуре из пожелтевших выпусков криминального чтива, которое они нашли с Гарькой Майофисом за печкой в их обширных комнатах.

Однажды изумрудным вечером Акси-Вакси вернулся домой после футбола во дворе «Дома специалистов» и не узнал свою террасу в аргамаковском саду. Она была тщательным образом обихожена, подметена вениками и даже украшена домодельными вязаными дорожками и ковриками. В середине террасы стоял хоть и шаткий, но изящный столик, снятый с чердака. На нем стоял огнедышащий самоварчик и бутылка какого-то диковинного трофейного ликера. В плетеных креслах, тоже снятых с чердака и тщательно протертых благородными тряпками, восседали тетя Котя и генерал Иван Флегонтович Мясопьянов.

«Многоуважаемая Констанция, то есть Котя моя дорогая, не кажется ли вам, что над нашим чайным столом столбиком кружит смешанный рой майских жуков и испанских мух?» — вопрошал герой Арктики и тихоокеанских трасс.

Она ответствовала, изящно отводя в сторону оттопыренный мизинчик и рюмочку шартреза: «Мне кажется иногда, что мы и сами изображены искусным художником в образах увеличенного майского жука и человекоподобной испанской мухи».

Иван, еще не достигший предельной шкалы, подвешивал еще один вопрос: «Быть может, это как раз и был ваш родственник по котельниковской линии, один из тех самых Родченко, чей талант не знал предельной шкалы в его живописных и фотографических работах?»

Вот тут как раз на террасе и появился воспаленный любопытством Акси-Вакси, весь к тому же разукрашенный футбольными ссадинами и тумаками.

«Вакси, подойти к столу, — позвала его тетя Котя. — Иван, познакомься с нашим юным воспитанником, который вызывал у тебя такое любопытство».

«Зевс-громовержец, Ты, первая «летающая крепость» Мира, и

вы, Икар и Дедал, предвозвестники транспортной авиации! — воскликнул Мясопьянов, опрокидывая одну за другой две рюмки ликера. — Я вижу перед собой не кого иного, как юнца Ганимеда! Настоящего пацана-копьеносца, явившегося к нам прямо с футбольных ристалищ! Подойди ко мне, легендарный Акси-Вакси, и удостой мое грешное колено своими мускулистыми ягодицами!» — Он подхватил меня под мышки и усадил на глыбу своего колена.

«Котька, какой ты молодец, что воспитала такого бравого пацана. Послушай, Акси-Вакси, я хочу тебя угостить настоящим американским шоколадом «Хёрши»! — С этими словами генерал переломил плитку фронтового шоколада прямо о свое свободное колено и протянул половину оного то ли мне, то ли какому-то отдаленному Ганимеду. — Хочешь быть моим сыном, пацан?»

«Ваня, Ваня, у мальчика есть его собственные родители», — укоризненно сказала тетя Котя.

«Знаю я, где его родители», — сквозь зубы процедил генерал.

Быть сыном авиационного генерала, подумал Акси-Вакси. Ей-ей, совсем неплохая участь!

И тут в окрестностях аргамаковской террасы возникла совсем новая мизансцена. Появился подполковник Лисистратов из городского военкомата. Под мышкой он держал кожимитовую папку. За ним чимчиковали, подняв воротники и цикая сквозь фиксы, два главных пацана, подлежащих призыву, негласные «кости-капитаны» нашего Средиземнодворья, Шраня и Савочко, утратившие уже и хромоту, и косоглазие. Шествие обеспечивал военкоматовский патруль в составе лейтенанта Крутобоко и двух военнослужащих с автоматами, всегда готовых к тому, чтобы подранить призывника. Шествие замыкали две безутешные мамаши, расхристанная Шранина и аккуратистка в гипюровой кофточке — мадам Савочко. Первая с понтом подвывала, вторая лишь укоризненно качала головой: что, мол, в мире делается, сколько несправедливости!

Подполковник Лисистратов остановился перед террасой и взял под козырек: «Товарищ генерал, ваше распоряжение выполнено. При досмотре жилых помещений обнаружены: сабля татарская шестнадцатого века, две стрелы того ж времени, а также русская армейская винтовка образца 1898 года, непригодная к обращению. Задержаны для проверки справки об освобождении от призыва. Шранин и Савочко временно взяты под стражу».

Я взирал на эту сцену с высоты террасы и генеральского колена. Боба и Колян пытались послать мне какие-то неясные сигналы. Генерал снял меня с колена и поставил за стулом тети

Коти. После этого он приблизился к краю террасы. Могущественная, хотя и несколько хмельноватая фигура.

«Ну что, пацаны, хотите учиться в спецшколе номер четыре? Хотите из ублюдков превратиться в штурманов пятого океана?»

Главари Средиземнодворья нервно продемонстрировали несколько па чечеточки.

«Подберитесь! — рявкнул на них подполковник Лисистратов. — Вы что, не понимаете, перед кем стоите?» «Понимаем, товарищ подполковник. Так точно, товарищ генерал Советского Союза. Очень хотим превратиться из ублюдков в штурманов!» — наперебой запричитали Боб и Колян. «Все, — подвел итоги Мясопьянов. — Молодец, Лисистратов! Сопроводи обоих до Телеграфной улицы, размести в общежитии, оставь наблюдение до моего личного прибытия с проверкой!»

В этот как раз момент на террасу из дома выкатилась Галеточка: «Мама, мама! К нам гости целой толпой. Целое вторжение гостей. Акси-Вакси, веди генерала! Все приглашаются к столу!»

И впрямь, наша комната, 36 кв. метров с перегородками, хоть и не достигающими потолка, однако разделяющими жилое пространство на четыре псевдопомещения, была заполнена трущимися телами гостей.

Что запомнилось одиннадцатилетнему Акси-Вакси из этого светского события? Фира Мироновна с разгорающимся сиянием вокруг счастливого крепко-клубничного лица и в меховой накидке на атлетических плечах. Запомнились какие-то лапки, свисающие с накидки, что делало весь предмет подобием королевского одеяния. Хотелось подкрасться сзади и поиграть с этими лапками. Сэсиль, главный объект празднества, напротив, облачена была в шифоновые легкости на просвет. Вообще-то девушка была похожа на каменную бабу из скифского кургана — большой любитель энциклопедий, Акси-Вакси помнил эти изображения, прикрытые полупрозрачными листочками вощеной бумаги. Полупрозрачность сопровождала могучую деву. Кружевное белье просвечивало через шифон. Заняв место возле круглого стола, она явно не собиралась менять свою позицию. С загадочной улыбкой на скуластом лице она не произносила ни слова. К вошедшему в сопровождении тети Коти генералу она не повернула ни взгляда, ни головы.

Мамочке это массивное создание, очевидно, до сих пор казалось крошкой. Во всяком случае, она постоянно показывала окружающим, и особенно летчику-герою, на усевшуюся к столу тяжелую деву и приговаривала с нежнейшей улыбкой: «Наш пострел везде поспел».

Между тем тетушка Ксеня уже завершала сервировку стола. В центре помещалось круглое блюдо с ее гордостью, не виданной с довоенных времен выпечкой всевозможных пирожков. Бульон, прозрачный, как слеза, стоял в одолженной у Майофисов супнице. Различные закуски, дары ленд-лиза, размещались по всему столу, и также по всему столу видны были пучки свежей редиски. Среди гостей циркулировал также слушок, что после первого стола последует второй, мясной, баранина с косточкой. Ну а потом уже, на сладкое, прибудут русский «хворост» и татарский «чак-чак».

Тетя Ксеня в отложном воротничке поверх шерстяной кофточки хлопотала вовсе не в одиночестве: ей помогали две официантки из пищекомбината Фиры Мироновны. Среди гостей присутствовали также несколько чинов из треста столовых. Один из них был без левой руки, другой на скрипучем протезе ноги, третий с черной повязкой на левом глазу. Правительственные награды, развешенные по пиджакам, создавали общий «оживляж». Вместе с ними здесь были ближайшие соседи по аргамаковскому особняку: чета Майофисов, а также вся семья ответработника Наруллы Сафина. Присутствовала и молодежь: наша Майка, ее подруга Бэбка и Сафин Дамир, что означало «Даешь мировую революцию!» — они сидели на втором ряду стульев. Младшие дети, и в том числе наш Акси-Вакси, получали свои тарелки на диване.

Теперь что касается алкоголя и напитков. Стояло два графина разведенного спирта — крепость не менее 50 градусов. Две бутылки американской «Белой лошади». Дюжина [бутылок] кагора местного производства — при открытии оных на скатерти набиралось немало сургучного мусора. Жбан морса. Жбан пива. Вода «Ессентуки». Вот, собственно говоря, и все; вполне достаточно, чтобы всех взрослых развезло.

Первый тост попросили поднять генерала Ивана Мясопьянова. Тот встал с хрустальным бокалом и, слегка качнувшись, ухватился за желанное плечо Констанции Котельник: «Первый тост, товарищи, предлагаю выпить за великого вождя нашего народа, главнокомандующего вооруженными силами нашей страны Иосифа Виссарионовича Сталина!»

«Ура! Ура!» — зашумел стол. Все встали и опрокинули до дна. Все, за исключением будущей невесты Сесилии, та не разомкнула уста, да и не приподняла каменную попу, и вовсе не потому, что она недооценивала нашего вождя, а просто потому, что сильно отстала от всех, не вполне сообразила, что надо делать.

Дальше пошло: «За победу!», «За наших героев!», «За единство

фронта и тыла!», «За первого Героя Советского Союза генерала Ивана Мясопьянова!», «За скромную, но яркую девушку Сесилию Дубняк!», «За тружеников Татарии!».

Налили кружку морса и Акси-Вакси. Он смаковал приятный напиток и к каждому тосту подлезал со своей кружкой, пытаясь создать дополнительный звон.

«Ваксик, мой друг, а где же наш патефон? — спросила по-светски тетя Котя и пояснила генералу и гостям: — Он у нас директор патефона».

Ну, я помчался, подхваченный восторгом. Да-да, я — директор патефона! Вся музыка этой квадратуры и кубатуры в моих руках! Скрылся за перегородкой, и так стремительно, что обнаружил себя уже под супружеским ложем, где вторая половина в военное время пустовала и только жалобно поскрипывала панцирной сеткой в тоске по нашему береговому артиллеристу. Впрочем, в последние месяцы пустовала и вторая половина ложа, так что Ксеня иной раз на ночь загружала туда младших детей.

В самом дальнем углу покоилась картонная коробка с тяжелыми пластинками. Чего только там не было: «Рио-Рита», «В парке Чаир», Изабелла Юрьева, Клавдия Шульженко, сестры Берри, «На карнавале под сенью ночи», Леонид Утесов, оркестр Варламова, юный Цфасман, песенки американских безработных — все это до войны собирали тетя Котя и дядя Феля, обходя государственные магазины, а иногда и пробавляясь находками на толкучке, в частности, почти запрещенными пластинками Лещенко и Вертинского.

Я выдвинул боковую треугольную иглохранительницу патефона. Иглы, хоть и притупившиеся, были в наличии: как видно, Шуршурчик еще до них не добрался. Поставил слоу-фокс «Есть остров, как луна, серебристый». Генерал тут же продемонстрировал могущественный подъем и галантный поклон тете Коте. Сильно прижавшись друг к другу, они стали двигаться по полутора квадратным метрам оставшейся площади. И пели вместе:

«Посети его вновь;

Этот остров — любовь!»

Сильная рифма, ничего не скажешь, от нее никуда не убежишь. Они все больше и больше закруглялись в своих па по направлению к коридору.

Вот сейчас начнется какой-нибудь удивительный ужас, решил Акси-Вакси. И действительно — Сесилия начала неторопливый подъем, сопряженный с одергиванием платья. Двинулась вперед несокрушимо к девчонкам-медичкам Майке и Бэбке, к которым

недавно присоединилась юнейшая Зухра Сафина.

«Айда, девчонки, в казарму кавалеристов, — мужским голосом агитировала она и хватала медичек за кругленькие местечки. — Там нас пацаны приспособят по-страшному!» — Открыв ручную сумку с массивными каменьями, она стала забрасывать туда куски шоколада, а сверху втискивать «Белую лошадь».

Первая пластинка кончилась. Акси-Вакси поставил другую, накрутил еще моторную ручку и потащил патефон на террасу.

«Эх, Андрюша, нам ли жить в печали? Играй, гармонь, играй на все лады!» — донельзя знакомым голосом заголосила машина.

Акси-Вакси вдруг проникся острой грустью. Откуда она взялась? Вдруг вспомнилось, как он сидел на полу, крутил ручку и любовался танцующей парой молодых супругов.

Только много лет спустя, уже в шестидесятых, когда постаревшего дядю он стал иногда называть «Феллини», до него дошло, что перед ним тогда танцевала сугубо кошачья парочка — кошечка Котя и котик Феля.

В происходящую ночь неслучившегося сватовства он шагнул с патефоном в руках на террасу и увидел с удивлением, что тетя Котя стоит у резного столба и плачет в платочек. Генерал в этот момент снимал свой китель, чтобы накинуть его на подрагивающие плечики любимой.

«Ваксик, сними эту пластинку! — высоким голосом воскликнула тетя Котя. — Она напоминает мне о совсем других временах!»

Мальчик бросился назад, в странно грохочущую квартиру, выхватил из пакета другую пластинку, вернулся на террасу и переменил репертуар. Запел сладчайший тенор:

Когда простым и ясным взором
Ты смотришь на меня, мой друг.
Невероятным сказочным узором
Земля и небо расцветают вдруг.

За эти несколько секунд перемены пластинок изменилась и обстановка на террасе. Теперь там появилась статная женская фигура в королевском одеянии, это была Эсфирь Мироновна Байдук. Сильно светили майские звезды. Полная луна освещала отдельные части террасы и творила там серебристую геометрию, однако вторая женская фигура стояла в тени и театральным голосом произносила оттуда свою роль.

Мне и в самом деле казалось, что мы стоим на сцене и за неимением других зрителей разыгрываем пьесу перед сидящими в темном саду майскими кошками и котами.

«Иван Флегонтович, товарищ генерал-майор, — произносила

пищевая княгиня 1944 года. — Вы не удостоили мою дочь, мою чистую Сэсилию, ни взглядом, ни словом, не говоря уже о прикосновениях. Вы, кажется, даже не заметили ее, потому что ваше внимание было целиком поглощено Константой Котельник. Как прикажете мне все это понимать?»

Генерал подошел к ней, оттянул и щелкнул американскими подтяжками: «Многоуважаемая Фира Мироновна, я могу это объяснить только тем, что завтра на рассвете я лечу глубоко за линию фронта».

Он взял тетю Котю за руку. Они вместе спустились с террасы в сад и пошли к калитке, за которой был виден генеральский «Виллис» с Ковальчуком за рулем. Акси-Вакси показалось, что в этот момент вспыхнули все 127 пар кошачьих глаз. Пищевая княгиня потянулась к ним, чтобы что-то еще сказать, однако оступилась и припала на одно колено.

Наш юный Ганимед поставил свой заветный патефон на пол террасы и попытался помочь Эсфири Мироновне. Увы, женщин байдуцкого рода по праву сравнивали со скифскими бабами: он не мог оторвать от пола даже единый член ея, не говоря уже о плечевом поясе. Княгиня [уже] лежала, распластавшись на спине, лицо ея было залито то ли потом, то ли слезной влагой. Заметив беспомощные потуги мальчика, она горестно вздохнула: «Мой мальчик, я глубоко ценю твое желание помочь моему обессилевшему телу. Когда-то я слушала лекции твоей мамы на первом курсе рабфака. Ступай к своей верной тете и знай, что в моем комбинате тебя всегда будет ждать порция чечевичного бульона».

Еще одна мгновенная вспышка 127 пар кошачьих глаз. Ночной спектакль продолжался.

В квартире Котельников продолжалось или, вернее, завершалось разграбление праздничного стола. Гости набивали сумочки, прихваченные втайне авоськи, карманы пиджаков и даже запазухи всевозможными лакомствами, а именно пирожками, бараньими косточками, всевозможными закусками и салатами. Кто-то лихорадочно хлебал из супницы остывший бульон. Другая вляпалась всей кистью руки в студень и теперь слизывала желе с волокнами мяса, кружки лука и половинчатые яйца. Чрезмерное обилие спиртных напитков делало свое дело. Многие расхитители стопроцентно не могли донести добычу до дому, валились набок, пикировали башкой под диван, где прятались маленькие Галетка и Шуршурик. Один дядька из треста все взмывал с куриной ногой в зубах и с башкой, усыпанной хворостом.

Тетя Ксеня, делая вид, что звонит по телефону, прокричала в

трубку: «Товарищи милиция! Прошу срочно, срочно выслать наряд, чтобы утихомирить хулиганствующих сотрудников! Сообщаю адрес…» Только после этого расхитители стали вываливаться из дома на пустынную Карла Маркса и исчезать в боковых улицах.

Виновница торжества Сэсилия Буйдак встала на рельсах и остановила почти пустой трамвай № 6. Задрав юбку, она совершила львиный прыжок с мостовой на трамвайную площадку. Трамвай затарахтел, рассыпая искры на всем своем пути в сторону парка ТПИ и кавалерийских казарм. Медички Майка, Бэбка и Зухра уселись на крыльце и довольно милыми голосами завели новую песню из кинофильма «Актриса»:

Ночь тиха, в небесах светит луна.
Как усталый солдат, дремлет война.
Только вдали за рекой
Кличет боец молодой.
С поля жарких побед
Шлет он привет!

Курсанты летной школы Шранин и Савочко в летние месяцы иногда заходили в Средиземнодворье — пилоточки набочок, воротники гимнастерок расстегнуты. Снисходительно поглядывали на новое поколение огольцов, подбивали клинки под девчат, особенно к Эське Шарафутдиновой, которая в своем коротеньком голубом платьице играла в «штандарт» и очень высоко задирала ноги, чтобы перепрыгнуть мяч. Огольцы любили сидеть на заборе и поджидать какую-нибудь проходящую дамочку. Увидев подходящую прохожую, кричали ей: «Тетя, у вас что-то упало!» Дамочка в растерянности оборачивалась, ища что-то потерянное, и тут какой-нибудь басовитый идиот орал: «И пар пошел!» Хохот, восторг. «Хулиганье!» — возмущалась женщина, но всех гаденышей уже и след простыл.

Акси-Вакси после возвращения из пионерлагеря «Пустые Моркваши» коротал время на своей любимой крыше. Глядя на проплывающие мимо кучевые облака, он вспоминал стих, который ему поведал Валерка Садовский, такой же романтик, как он сам:

Окончив с врагом поединок,
Я в море бежал от суда
И звука шотландских волынок

Не слышал с тех пор никогда.
Набрал я, отважный и юный,
Веселый и злой экипаж.
Мы брали торговые шхуны
И клипера в абордаж.
При жизни воспели баллады
Мой синий толедский клинок.
Я видел волшебные клады
И пленниц прекрасных у ног…

Кто этот парень, этот молодой капитан? В пионерлагере вместе с Садовским мы во время мертвого часа пробирались в библиотеку. Ворошили книги, выискивая образы корсаров. Садовский предполагал, что он родом из Шотландии. Вполне понятно, что он оттуда, если тоскует по волынкам. Слушай, говорю я ему, а ведь наш Лермонтов тоже из Шотландии — лорд Лермонт. Мы открывали собрание Лермонтова и находили там написанный поэтом портрет лорда. Садовский удивлялся: интересно, откуда он взял этот портрет, из мечты или из воображения? Перевернув несколько страниц, мы видели еще одну цветную картину кисти поэта, «Битва при Валерике». Там шел строй русских войск в белых фуражках, а на них налетали голые по пояс кавказцы с устрашающими клинками. У тебя, Валерка, должно быть, есть что-то общее с Лермонтовым, недаром картина называется «Битва при Валерике».

С тех пор Садовский, похоже, вообразил себя продолжателем рода Лермонтовых, а также того капитана, что в море сбежал от суда. Как жалко, что он остался в лагере на второй срок! Мы могли бы с ним вдвоем сотворить какую-нибудь таинственную хронику.

Однажды Акси-Вакси увидел среди кучевых облаков звено фашистских самолетов. Это были «фокке-вульфы»-рамы. Что за морока? Нацисты в начале войны бомбили Горький, но до Казани и Булгар не долетали. Пару раз по городу пролетал слух, что над нами на огромной высоте кружит и фотографирует разведчик. Он услышал об этом от соседей в коридоре аргамаковского дома и вдруг вообразил, как разведчик на прощание сбрасывает бомбу, и та врубается прямо в конек нашей крыши. От ужаса он грохнулся на колени. Сердце забухало по всему телу, включая правую стопу. На коленках он завершил свое бегство и вывалился в сад. В огромном небе, среди перистых облаков, медленно двигалось белое пятнышко. Это он! Открытый вид врага помог собраться с силами и с отвагой. И вскоре враг, должно быть, устрашенный всеобщей ненавистью казанцев и их эвакуированных собратий, негодованием по поводу его свободного кружения в виде белой

штучки, исчез.

С тех пор все было благополучно в казанско-булгарских небесах, и вот сейчас появились аппараты Люфтваффе, три единицы в боевом построении. Они пролетели над Средиземнодворьем, исчезли и снова появились, чтобы снова исчезнуть. Он спустился с крыши и пошел к всезнайке Дибаю. Тот засмеялся. Не трусь, Акси-Вакси, эти «рамы» хоть и настоящие, но не нацистские, это трофейные. Мне дядя говорил, который работает на авиазаводе, что их испытывают в воздухе.

В те летние дни 1944-го над крышей аргамаковского дома парило безмятежное небо. Я частенько засыпал там в сухом водостоке и покрывался волжско-каспийским загаром. Проснувшись однажды, я услышал доносящиеся снизу, с террасы, голоса обеих моих любезных тетушек, дочки и матери.

Тетя Котя говорила: «Знаешь, мама, я вчера проходила мимо гостиницы, где столько счастья я испытала, а сейчас все завершилось грустью. И вдруг вижу, из здания выносят и грузят в грузовики столь знакомую мне мебель. Я застыла, будучи не в состоянии пошевелиться. И вот вижу к тому же небезызвестного Ховальчука и в руках у него — опять же навынос — столь любимое Иваном кресло. Тут уж я не выдержала и подошла к нему, чтобы спросить о местонахождении моего генерала. Он смотрит на меня с определенной наглостью. Называет запанибратски Котькой. Оказывается, штаб-квартира транспортного крыла ВВС переезжает в Куйбышев, а Иван Флегонтович призван на важный пост в Генеральный штаб Наркомата обороны». — В этом пункте тетя Котя прервала свое повествование, послышалось смиренное, но в то же время весьма отчаянное похлюпывание.

Тетя Ксеня возмутилась басовитым макаром: «Да что же это такое? Неужели Иван тебе ничего не сообщил о таких пертурбациях? Поматросил, значит, и бросил?»

Акси-Вакси внезапно вспомнил, как в 1942-м они вдвоем с теткой рубили сырые узловатые дрова. На десятом году жизни сил в нем было маловато, и он никак не мог разрубить ни одного полена. У тетки силы уже убывали, но все-таки оставалась ее собственная кряжистая осадка и вес, и она с надсадным выдохом все рубала и рубала эти проклятые сырые дрова. Что может быть отчаяннее, чем рубка сырых дров на голодный желудок?

«А дальше, мама, еще дальше пошло по части унижения женщины!» — на высокой дрожащей ноте произнесла тетя Котя.

По какому-то неясному звуку Акси-Вакси понимает, что мать обняла дочь и утешает ее путем поглаживания по плечу.

Котя продолжает: «Представь себе, этот наглый Ховальчук

начинает тянуть меня в бывшую спальню генерала. Там, говорит, койка еще нетронутая осталась. И предлагает мне вознаграждение — немецкую губную помаду! Я еле вырвалась из его хамских лап!» — И тут она разрыдалась.

Тут Акси-Вакси то ли услышал, то ли почувствовал, что тетя Ксеня зарыдала, исполненная жалости к дочке и ненависти к Ховальчуку. Некоторое время ничего не было слышно, кроме попыток остановить излияния горьких чувств. Наконец тетя Ксеня смогла перевести всю беседу на язык разума: «Послушай, Котя моя родная, может, это все к лучшему, а? Ведь у тебя все-таки есть Феликс, ведь это он, а не Иван, твой законный-то, ну? Ну вот, вообрази (тетя Ксеня была известна своей манерой подхватывать интеллигентные слова), Феликс возвращается из Японщины и не находит своей Коти, а с ней и детушки улетели на транспортах; одна лишь старая мать и Акси-Вакси тут остались. И вот возвращается Феликс домой, почитай, на пепелище…»

И снова обе женщины зарыдали вдвоем. И Акси-Вакси окаменел, представив себя на пепелище без тети Коти и без ребятишек и с ошеломленным дядей Фелей. Этот последний, похоже, проходил через какой-то странный период своей дальневосточной жизни. Он все реже писал домой письма, и они были исполнены горечи. Тетя Котя иногда зачитывала отрывки из этих писем: «…снова послал заявление на адрес командования. Прошу направить меня на переднюю линию борьбы с фашистским зверем. Иначе я не смогу смотреть в глаза моим детям, не смогу ответить на вопрос, где я был во время войны…»

Теща его тут вздыхала: «Авось так и досидит до конца войны в своей береговой артиллерии…»

Раньше — до генеральской эпопеи — письма Феликса были полны любовной лирики в стиле ленинского комсомола. Потом — как будто он что-то почувствовал — они стали суше, тетя Котя прикладывала к глазам свой батистовый платочек. Ну что ж, думала она, может быть, и Феликс встретил какую-нибудь одинокую интересную женщину. Охохохо-хохонюшки, шептала теща, кому война, а кому и мать родна. И вдруг оттуда, из дальнего Приморья, прибыл неожиданный подарок величиной с половину полноценного человека. Его привез друг Феликса, молодой развеселый морячок-торпедист, которого направили из Владика в освобожденный от блокады Ленинград. К Котельникам он явился с чемоданчиком и с парусиновым мешком в полтела человеческого. В семье по поводу этого мешка возникла некоторая нервозность. «Кушайте на здоровье! — воскликнул морячок. — И кореша моего Фельку Котельника не забывайте!»

Из мешка тяжелым ходом выехал то ли лосось, то ли кет, то

ли сёмг, в общем, крутосоленый монстр неимоверной вкусноты. Устроили ужин, на который пригласили Майофисов и Сафиных. На этот ужин под сорочинский гон усидели, почитай, треть великанской рыбы. Оставшихся две трети тетка положила в пустой чемодан под замочек. Акси-Вакси однажды подобрал к этому замочку ключик и хотел было уже от боковины отрезать себе ломтик, как вдруг вошла тетка и дала ему самого что ни на есть простецкого леща. В ответ на это он швырнул все железки на пол и гордо покинул выгородку. Тетка горестно уселась на табурет, она кляла себя за дурацкую экономию. Вечером поставила на стол большой кусок рыбы: «Надо есть, пока не испортилась, — и шепотом добавила своему любимцу: — Ваксик, прости старую дуру».

К этому времени в семье возникла необычная обстановка: от мамы, Женечки Гинз, из колымских лагерей стали регулярно приходить на имя Ксении небольшие суммы денег. Совершенно ясно было, что они предназначены для воспитания Акси-Вакси. Тетка стала иногда на него бросать странноватые взгляды. Много лет спустя она призналась, что побаивалась, как бы не намылился мальчишка в побег. Между прочим, ее страхи были близки к истине. В шестых классах тогда, а именно среди тесной группы: Ваксона, Холмского, Утюганова, Садовского, Дибая и Яковлева — созревала идея бегства для поступления в школу юнг Балтийского флота на острове Валаам. Отголосок этого заговора долетел до Жени Гинз в ее переписке с сыном.

Однажды она написала ему, что после школы он должен поступить в медицинский институт. Профессия врача обеспечит его будущее. (Позднее она скажет ему, что врачи спасаются в лагерях.) Он поблагодарил маму за благоразумный совет, однако, дорогая мамочка, мне лучше будет стать моряком.

Война тем временем катилась к концу. Оставляя за собой колоссальные кровавые следы, армия, вооруженная заводами тыла и ленд-лизом, перла на Берлин. Одно за другим следовали кардинальные события: на Волге был разгромлен и пленен фельдмаршал Паулюс, в Африке пришел конец непобедимому корпусу Роммеля, в Италии был казнен Муссолини, четверо вождей «свободолюбивого человечества» встретились сначала в Тегеране, потом в Ялте и, наконец, в Потсдаме, под Берлином…

Акси-Вакси с Холмским и Сагдеевым как-то в период Ялтинской конференции рассматривали газету «Британский союзник» (папаша Сагдеева, директор крупного завода, привез ее из Москвы), где на первой странице фигурировали фотографии исторического события. Четверо вождей сидели на чугунной скамье в парке Ливадия. Трое были в шинелях своих армий, один

в пальто со старомодной пелериной.

Сагдеев спросил: «Ребята, после Сталина кто вам больше всего нравится?»

Холмскому больше всех (после Сталина, конечно) понравился Черчилль, Сагдееву — де Голль, Акси-Вакси, восхищенный высоким лбом и светлой улыбкой Рузвельта, сказал, что он выбирает американского президента.

Вдруг Холмский со странной улыбочкой переспросил: «Ну конечно, после Сталина, правда, Вакс?» «Ну конечно. А как же иначе? Сначала Сталин, а потом уж Рузвельт», — сказал шестиклассник Ваксон, а сам вдруг, не отдавая себе отчета, подумал, что Сталина надо было бы поставить в самый хвост шествия вождей.

Вдруг страннейшие мысли прошли чередой через его сознание. Посмотри, как человечны эти свободолюбивые вожди Запада! Поистине человеческий лоб Рузвельта, забавная физиономия британца, горделивость франка. Все трое, каждый по-своему, улыбаются Сталину, а наш великий вождь ничем не может им ответить, кроме хмычка гиены. От этой мысли коченели ноги и стучало сердце: только бы нигде не произнести этого вслух!

Все трое посмотрели друг на друга. Сталин был слишком тяжелым, чтобы считаться человеком.

Феликс Котельник вернулся домой вскоре после быстрой победы над Японией. Ему все-таки удалось немного повоевать в составе морской пехоты на Курильских островах. Он получил второе офицерское звание и орден Красной Звезды. Наградой за службу можно также считать новое обмундирование, с которым он вернулся домой: черная фуражка с гербом, черная шинель, синий китель, черные брюки-клёш, черные ботинки, две смены белья, включая знаменитые полосатые тельняшки.

Кажется, он не послал телеграмму о прибытии, а, что называется, «нагрянул». Сбросив с плеча зашитый грубыми нитками мешок и брякнув деревянным чемоданом, дядя Феля всех торопливо расцеловал, а потом схватил за руку тетю Котю, и они, сияя друг на друга очами и хохоча, по-комсомольски помчались в неопределенном направлении. Позднее, пытаясь понять, что означало это бегство, Акси-Вакси заподозрил, что они побежали на параллельную Большую Галактионовскую; не исключено, что к месту работы тети Коти, в республиканский Радиокомитет, иными словами, в ее кабинет, а может быть, в какую-нибудь пустующую студию звукозаписи.

Оттуда они вернулись медлительной походкой, счастливые, усталые; она иной раз повисала на его плече. Все уже сидели

вокруг круглого стола и ждали воссоединившихся главных, чтобы разлить по тарелкам бульон с пельменями, однако они скрылись за перегородочкой, бухнулись на панцирную сетку и тут же захрапели дуэтом.

Перегородки, разделившие нашу комнату на углы и клетушки, не очень-то надежно перекрывали звуки. Если кто-нибудь пукал в ночи, можно было сразу же определить, откуда пришел бодрый или вялый звук, и далее по некоторым нюансам определить автора.

Акси-Вакси в ту ночь долго не мог заснуть, а заснув, провалился к истокам какого-то скалистого ландшафта, где дядя Феля мерно и мощно вел огонь по японским империалистам. Когда бой достиг апофеоза, он проснулся и понял, что мерные металлические звуки исходят от панцирной пружины. На невесомых бесшумных ногах он проскользнул к туалетному ведру, однако на обратном пути на секунду задержался и в узкой щелке за занавеской увидел большой шевелящийся бугор под одеялом и услышал еле слышные сладкие стоны тети Коти. Все остальное население квартиры № 1 громко храпело или делало вид, что храпит.

По утрам дядя Феля выходил в столовый отсек с двумя утюгами, одним, когда-то бывшим электрическим, и вечным, чугунным. Голый по пояс, он тренировал свою мускулатуру. Под кожей взбухали и перекатывались великолепные бицепсы. Мальчик смотрел на мужчину с восторгом и с ожиданием новой жизни. Однажды моряк хлопнул его по узкой спине и предложил: «Слушай, Акси-Вакси, а почему бы тебе не называть меня отцом?» Потрясенный пацан, который уже семь лет не произносил этого слова, просиял в полном согласии, однако так ни разу и не назвал дядю отцом.

Дядя Феля чувствовал, что необходимо какое-то особое сближение с этим отпрыском врагов народа. По вечерам они нередко садились к столу и начинали читать толстые книги, которые были спасены тетей Ксеней из квартиры большого коммуниста, ее брата, перед самым разгромом. Почему-то на полках оказалось два экземпляра «Войны и мира». Оба читали одновременно один и тот же опус.

«Слушай, Акси-Вакси, какую сцену ты больше всего любишь в этой книге?» — спрашивал дядя Феля. Мальчик тут же отвечал с полной готовностью: «Атаку кавалергардов под Аустерлицем». «Правильно! — восклицал недавний артиллерист. — А ты помнишь, как император Наполеон посетил пленных русских офицеров? Как он беседовал с князем Репниным?» «Они беседовали, конечно, по-французски», — вспомнил А-В.

«Правильно, — улыбался дядя Феля. — Причем князь Репнин говорил на аристократическом французском, а император на языке среднего командного состава своей армии. Ну, скажем, как маршал Ворошилов».

Однажды, после школы, я пришел домой и застал Феликса, Констанцию и Аксинию за распитием бутылочки «Московской особой». Все трое были веселы и излучали веру в будущее. Оказалось, что дяде предложили должность в аппарате Верховного Совета ТаССР. Он будет заведующим отделом информации. Будет сидеть в большом кабинете казанского кремлевского дворца. На столе у него будет стоять полдюжины телефонов, информация будет стекаться к нему широким потоком. Не исключено, что в будущем он будет получать особый паек. Но это в будущем, пока никакого пайка нет. Кресло, к сожалению, не мягкое, а дубовое полированное; в таком кресле флотские брюки начинают очень быстро лосниться. Лоснятся и локти флотского кителька. Башмачки вскоре запросили каши. Но главное, Котя, теща и дети, — это не выпадать из номенклатуры. В конце концов мы получим все, быть может, даже отдельную квартиру.

У Акси-Вакси были свои виды на отношения с Феликсом. Он научит меня плавать! Он вернулся так быстро с театра военных действия именно для того, чтобы научить меня держаться на воде, а потом передвигаться стилем кроль и брасс.

У меня были свои особые и непростые отношения с водной стихией. Дважды она чуть меня не пожрала. Мне шел девятый год, когда это произошло в первый раз. Весна 1942-го, мы большой компанией огольцов купаемся на Казанке в районе слияния ее с Булгаркой, возле Коровьего моста. Этот мост, как я позднее понял, звучит почти как Оксфорд, однако глинистые берега засосали бы любого быка на пути к броду.

В нашей гопе многие пацаны уже умели плавать, но у меня почему-то не получалось. Я мог нырнуть на мелком месте и некоторое время плыть под водой, но, как только выныривал, начинал захлебываться и тонуть; ну и тут же вставал на ноги, потому что с мелкоты не уходил. Вот так проходили мои купания: я нырял, исчезал с поверхности, и в ребячьей кутерьме все думали, что я плыву, ну а потом я вставал на ноги, и все думали, что я приплыл.

Когда мы только начали бузить на мелководье, на мосту над нами появилась группа старшеклассников из нашей школы, больших стройных ребят во главе с Леней Рубинчиком. Мне очень нравились их, явно сшитые дома, плавки с завязками на боку. У Рубинчика, например, были двухцветные плавки, желто-синие. Он

примеривался прыгнуть с моста, то есть с высоты примерно пять метров. Кто-то из друзей ему крикнул: «Ленька, поосторожней! В этой речушке есть такие хреновые, в общем, очень опасные водовороты!» «А, чепуха!» — ответил Рубинчик, одним прыжком взлетел на перила, повернулся к воде спиной и из этого положения совершил прыжок с переворотом. Я тогда еще не знал, что это называется сальто-мортале.

На берегу все наши ребята, а также отдыхающие красноармейцы с девушками разразились аплодисментами. Рубинчик вынырнул и поплыл к берегу. Мы все тогда в его честь нырнули. Как мне хотелось тогда вырасти таким молодцом, как Рубинчик! Я плыл под водой и воображал себя Рубинчиком. Только метров через пять сообразил, что плыву уже метров пять на одном дыхании под водой. Я встал и не нашел под ногами дна. Почувствовал какое-то очень сильное вращательное движение воды: должно быть, это и был какой-то водоворот, о которых говорили на мосту. Я стал махать руками и дрыгать ногами. Захлебывался. Глотал все больше воды. Помню, что кричал только одно слово: «Мама! Мама!» Потемнело в глазах. В какую-то секунду до меня дошло, что погибаю. Желтая муть воды на мгновения сменялась картинами ослепительного дня, но потом воцарилась ровная мгла, и я вроде бы сложил оружие. Из глубины этой мглы ко мне протянула руки моя радужная мама. Рванул в последний раз. Окончательно потерял сознание.

Очнулся я распростертым на песке. Кто-то сидел на мне лицом ко мне, вдавив в песок мои бедра. Он разводил в стороны мои доходяжные руки, а потом поднимал эти руки и сильно прижимал их к верхней части живота, иными словами, он делал мне искусственное дыхание. Мне показалось, что мать моя в последний миг послала ко мне Леню Рубинчика. Оказалось, что дело было не совсем так.

Пока я барахтался в проклятом омуте, Леня разгуливал на руках по перилам Коровьего моста. Заметив, что в толчее тел из реки вытаскивают неживого мальчишку, он помчался огромными прыжками к месту происшествия. В прошлом году, будучи физруком в пионерлагере «Пустые Моркваши», он освоил технику спасения на водах, и вот теперь, растолкав бестолковых, он приступил к искусственному дыханию.

Акси-Вакси в конце концов начал открывать и закрывать рот. Потом из него потоком пошла мутная губительница вода. Начались конвульсии и рвота с мотками какой-то травы и рыбной мелочи. Пацан медленно приходил в себя, синева исчезала, на щеках появился слабый румянец. Наконец я сел и уткнул нос в колени. Рубинчик считал пульс. Кто-то принес на газетке

несколько кусочков колотого сахару.

«Леня Рубинчик, это ты меня спас?» — спросил Акси-Вакси. Спасатель повернул меня к другому парню: «Вот кому скажи спасибо!»

Передо мной, смущенно улыбаясь, сидел ярко-рыжий красноармеец в длинных армейских трусах. Все вокруг зааплодировали рядовому Шарбурмееву Валерию, который раньше всех заметил судороги утопленника, отмахал саженками метров пятнадцать и вытянул меня за волосы из воронки.

«Пульс нормальный, — сказал спасатель, отпуская мое запястье. — Ритмичный, удовлетворительного наполнения. Скажи, шкет, а ты откуда меня знаешь?» «Как откуда? Ведь мы из одной школы, из девятнадцатой имени Белинского. Перешел во второй-бэ, — добавил я. — По фамилии я Ваксонов, а по прозвищу Акси-Вакси». «Ах, вот оно что. — Рубинчик внимательно сбоку осмотрел мое лицо. Потом встал и протянул мне руку. — Ну, пошли!»

Шарбурмеев проводил нас до моста, а потом шутливо подфутболил мою задницу.

Вскоре все ребята из 10-го «Б» были мобилизованы. Рубинчик не вернулся с войны. По всей вероятности, и Шарбурмеева постигла та же участь.

После этого эпизода у Коровьего моста я долгое время старался держаться подальше от текучей воды, да и стоячая вода, вроде Кабана и Лебяжьего озера, не располагала меня к плаванию и нырянию. В 1944 году, когда я приближался к двенадцатилетнему рубежу, тетя Котя достала мне путевку в пионерлагерь «Пустые Моркваши», что располагался в сосново-еловом лесу на высоком берегу Свияги.

В устье этой реки, впадающей в могучую Волгу, расположен был лагерный пляж с купальней и дощатыми причалами для лодок. Там мы, активисты отряда, читатели Купера, Лондона, Беляева, а также «Аэлиты» и «Гиперболоида» Алексея Толстого, проводили часы, валяясь на песке и загорая; стояла безоблачная пора; кормили плохо, но все-таки…

Однажды, когда мы с жаром обсуждали развитие второго фронта в Европе, а также и продолжение ленд-лиза, на пляж спустились директор лагеря Стручков и руководитель физвоспитания Крутоярова. Директор совсем еще недавно потерял в боях на Курской дуге свою правую руку. Он без конца курил своей левой рукой. Почти всегда был навеселе. Часто просил какого-нибудь пионера помочь ему снять рубашку. Культи своей не стеснялся. Говорил, что она участвует в воображаемых движениях несуществующей руки.

Эля Крутоярова была его моложе, почитай, на пятнадцать лет. Студентка факультета физкультуры. Игрок сборной Татарии по волейболу. Несмотря на безмятежно надменную юность, удостоена звания мастера спорта. Ребята старших классов ходили за ней по пятам.

Элька Крутоярова, подари мне ночку!

Возле дома старого, на блаженной кочке!

Про нее говорили кобельки, что у нее в связи с войной разыгралось так называемое «бешенство матки». Дескать, за неимением половозрелых парней Элька отлавливает старшеклассников. Не исключено, что это чистая правда. В сумерках после отбоя частенько можно было видеть, как по заросшим аллеям, под лапчатыми ветвями елей, в обществе длинного какого-нибудь хмырька удалялась или приближалась женственная Крутоярова в белой майке с короткими рукавами, что делало ее на фоне темного леса похожей на Венеру Милосскую.

Быть может, именно за это сходство ее приветил только что назначенный инвалид Стручков. Крутоярова стала с ним вместе все время ходить и не обращала внимания на племя младое.

Вот так случилось и в то утро, когда мы, детвора, пионерия, валялись на пляже и предавались болтовне о любимых книгах, когда по тропинке вниз сбежала с хохотом и вприпрыжку Эля в тренировочных штанах и в майке с короткими рукавами, а вслед за ней, откашливаясь и отхаркиваясь, появился в кителе с рукавом, заправленным в карман, директор Стручков. Он, как всегда, курил папиросы-«гвоздики», образуя над собой стойкое облако дыма, что соперничало с роем лесных комаров.

Элька тут же разделась почти догола, то есть осталась в купальнике. Профессорский сын Осиповский стал нашептывать профессорскому сыну Ратнеру: «Запоминай ее формы, Алька; вот уж на ночь подрочим возле корпуса!» Ратнер вспыхивал благородным гневом: «Да как же тебе не стыдно, Лев! Не позорь отца! Не позорь деда и прадеда!»

Казань и Булгары давно были известны профессорскими семьями, династиями и кланами, в которых новая поросль беспрекословно следовала по пятам родовых предшественников.

Пристыженный Ратнером Осиповский обычно изображал обезьяну, скакал и закрывал свою башку портфелем.

Директор до пляжа сразу не дошел, а присел в кустах и скрылся из виду. Можно было подумать, что присел по-большому, однако следующий за Крутояровой Осиповский потом нам рассказал, что герой Дуги обычно приседает в кустах, чтобы достать из портфеля поллитровочку.

Едва только он вышел из кустов, как там явился шпион Осиповский. У того обе руки были при деле. Одной он наводил театральный биноклик на Крутоярову, а другой что-то делал в нижнем этаже своего организма.

«Дрочит!» — сказал презрительно Ратнер и сплюнул.

Стручкова по дороге к пляжу слегка качнуло. Он ухватился за ствол сосны и удержал равновесие, после чего козлетоном пропел: «Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой» — и тем же козлетоном со странной игривостью подскакал к нашей компании: «Ну, пионерия, собирайся в плавание! Отправимся на баркасе в Свияжск за песком!»

Наш пляж песком был не богат. Пионеры там загорали на камнях и на досках, а вот через реку, возле заброшенного святого городка, простирались обширные песчаные пляжи. Все тут повскакали с энтузиазмом. На тот берег! Да еще на баркасе!

Великолепная экспедиция! Баркасом тут называлась большая рыбацкая лодка с моторчиком и с веслами. Все начали хлопотливо готовиться в поход. К одной из левых уключин и к одной из правых привязали пустые ялики. В них побросали несколько лопат. Через несколько минут все были готовы — Сагдеев, Садовский, могучий мальчик Ратнер и дерзновенный Акси-Вакси, который на самом деле слегка бздел перед лицом довольно сильного потока, стремящегося к великанской Волге.

Эля Крутоярова между тем, закрыв глаза и вытянувшись всем своим длинным телом, загорала на причале. Директор положил на корме баркаса свой портфельчик и по причалу отправился к своей пассии. Между прочим, откуда Акси-Вакси мог почерпнуть такие словечки, как «пассия»? Ответ прост: из Тургенева. Итак, наш директор, похожий на актера Петю Алейникова, вихляя бедрами в тангообразных движениях, приблизился к лежащей «пассии» и залепил ее свежий рот безнравственным поцелуем.

Эля Крутоярова ответила на этот поступок ожесточенным сопротивлением: «Товарищ директор, что за манеры? От вас несет маринованным луком!»

Стручков сбросил пиджак и стал пальцами уцелевшей руки изображать игру на аккордеоне. Болталась из-под рукава «бобочки» разветвленная культя. Странным образом Эля вдруг приласкала эту культю. Он всхлипнул с жалкой иронией к самому себе: «До сих пор живой и здоровой ее воображаю… А-а, гори все огнем, давайте, что ли, споем, хлопцы?! Тихо вокруг, только не спит барсук…»

Эля взялась причесывать свое богатство — водопады волос: «Перестаньте, товарищ Стручков! Ведь с нами дети!»

Расхохотался Осиповский. Он был на два года старше наших

пацанов и повсюду распространял не совсем проверенные данные о том, что бреется регулярно дважды в неделю. «Из этих детей, Эля, кого бы ты усыновила?»

Вся компания расхохоталась. Один только Алик Ратнер, большущий ребенок рентгенологического семейства Ратнеров, отвернулся с досадой. Какая пошлость!

Мы столкнули наши лодки с отмели, и караван тронулся в путь. Тихо, как примус, тарахтел запущенный директором моторчик. Мы все сидели на скамейках в несколько небрежных позах, как будто матросы фрегата «Астролябия», как будто подобные экспедиции для нас привычное дело, как будто мы уже самые настоящие юнги с Валаама, как будто нам и северные конвои ленд-лиза по плечу, однако у каждого наверняка чуть-чуть подрагивала селезенка.

Свияга в этом месте была слегка пошире своего обычного деревенского течения, однако за несколько минут мы уже достигли середины. Осталось метров сорок-пятьдесят до плоского берега и можно было вроде бы не волноваться, когда вдруг заплясали на волнишках пустые ялики, а затем и баркас стал как-то медлительно раскручиваться. Оказалось, что суденышки попали в какой-то сильный поток, напоминающий хребет осетра; он стал относить баркас, а за ним и ялики вниз по течению. Из-за холмов на берегу уже стали подниматься изувеченные купола и гнутые кресты осквернённого Свияжска.

«Ребята, все на весла!» — крикнула вроде бы спокойно, а на самом деле с небольшой ноткой истерии Крутоярова. Сама она прыгнула к носовой паре весел. Женственные руки превратились в сгустки героических мускулов. Ребята кое-как разобрались с оставшимися веслами, каждый тянул одно весло; видно было, что никто из нас не умеет грести, а только лишь видел это дело в кино. Осиповский, на которого весла не хватило, пробрался на нос, за спину физручки, и вытащил свой театральный бинокль. Директор на корме прибавил газку, и баркас худо-бедно пересек поток и стал скользить к спокойной бухточке.

Акси-Вакси, забыв о своей водобоязни, почувствовал вдохновение. И запел: «По морям и океанам злая нас ведет звезда» — то есть из кинофильма «Остров сокровищ». Все подхватили: «Бродим мы по разным странам и нигде не вьем гнезда!»

Наконец все три лодки уткнулись в песок. «Слава нашим капитанам!» — прокричала Эля и показала на директора. Все вылезли на пляж. Ратнер торжественно объявил: «Экспедиция Колумба высаживается на острове Сан-Сальвадор. Америка открыта, товарищи!» Интересно, что благодаря неожиданному

месту высадки мы увидели весь полуразрушенный и полностью заброшенный город церквей и монастырей.

Директор Стручков после пересечения водного потока немного отрезвел. Он надвинул на глаза кепку и из-под козырька сурово смотрел на Свияжск.

«А что, товарищ директор, неужели тут немцы бомбили?» — спросил Валера Садовский. Директор сузил глаза: «Да нет, брат, тут не немцы бомбили…» Видно было, что не хочет продолжать тяжелую тему.

А тут еще не по годам и не по росту развитый Вовка Осиповский влез с очередным малоприятным вопросом: «А что, товарищ Стручков, помолиться бы не возражали? Замолить, как говорится, свои грешки?»

Акси-Вакси, честно говоря, удивился, с какой наглостью четырнадцатилетний пацан разговаривает с героем войны. Стручков даже не посмотрел в сторону Осиповского. Он отвечал своим собственным мыслям: «Я уже все грешки свои отмолил, товарищи пионеры».

Тут уже физкультурный руководитель экспедиции вступила со своей лирической, как будто из пьесы Мясопьянова, программой. Раскрыла большие, хотя и часто в сумерках исчезающие из поля зрения, руки: «Ах, какая ширь! Как легко здесь представлять себя частицей родины! Ну, товарищи пионеры, будущие мужчины, разбирайте лопаты — и за работу! А мы, женщины и инвалиды, отправимся в родные поля, чтобы собрать гербарий для альбома «Люби свой край»!»

Она подхватила Стручкова под здоровую руку и повлекла его в обход городка в мягкие и здоровые ковыли, которые дышали как чудесная природная аптека и среди которых, словно карибские островки, возникали то камыши, то широколистный кустарник. И вскоре они исчезли из поля зрения.

«Е…ться пошли», — авторитетно заявил Вовк Осиповский. «Никогда в это не поверю, — категорически отрезал Валерик Садовский. — Эльмира обладает божественным телом, она не отдаст [его] никому!» Вовк Осиповский хохотнул: «Сопляк и гугак! Ты бы в парке Тэпэи погулял, вот там через каждые десять метров натыкаешься на такие инвалидные парочки под кустом».

Потом все разобрали лопаты. Несколько минут не могли съехать с темы божественных телес, но потом Сэр (Серега) Холмский всем предложил вообразить себя в долине Калифорнии.

«Ура! — все заорали. — Золотая лихорадка!» Так назывался трофейный фильм, взятый где-то на Западе нашей доблестной армией. Для того и шли туда, на Запад, пробивались!

Ялики довольно быстро наполнились, как говорится, «под завязку» великолепным, словно пудра, песком. Решили слегка примять это сокровище. Запрыгнули и поплясали в обоих яликах. После этого еще добавили. Вот, говорили пацаны, промоем это добро на нашем берегу и найдем самородки. Тут разгорелась схватка со стрельбой с бедра. Таскали раненых за ноги, иной раз приканчивали, чтоб не страдал, кто-то клялся верностью навсегда, гремела песня:

Ты на подвиг меня провожала.

Над страною гремела гроза.

Ты меня провожала

И слезы сдержала,

И были сухими глаза.

Среди всей этой бурной борьбы никто и не заметил, как пропал Вовк Осиновский. Давайте, рейнджеры, прочешем ковыли!

Бей, барабан, походную тревогу!

Время не ждет, товарищи, в дорогу!

Все пошли широкой цепью по высокой, волнующейся под ветром траве; оружие на изготовку.

Где-то Вовк махнул своей динамовской майкой, которую за неимением другой он простирывал каждую ночь перед сном, с особым старанием стараясь над нижними заскорузлостями. И вдруг натолкнулись на лоно любви, просто так — вплотную. Крутоярова лежала на спине, раздвинув ноги, а на ней трудился несчастный инвалид Стручков. Он кряхтел, она сладостно стонала. А потом отвернула голову от его поцелуев. «Да не лезьте вы с вашим маринованным луком».

«Я ухожу, — прошептал Ратнер. — Мне стыдно». Но не ушел.

Прошло еще несколько минут, и вдруг девушка запричитала, заверещала, а также трубным гласом стала выкрикивать: «Ублю! Ублю!», хватать голову Стручка и страстно ее лобзать, несмотря на то что он сам был весь похож на маринованную луковицу.

Мы постарались бесшумно, как могикане, отползти от этого позора. Потом уж встали и пошли к «флоту», как мы стали называть наши три лайбы. Вскоре из ковылей появились счастливые, скромно сияющие любовники. Кто читал «Пармскую обитель», тот знает, что это такое.

Стручков, по всей вероятности, переоценил свои силы, что было замечено наблюдательным знатоком совокуплений Вовком Осиновским. «Видите, ребята, он пребывает во власти дрожи. Это она его употребила, а не он ее». Открыв свой портфельчик из искуственного довоенного крокодила, директор вынул четвертинку «Особой» и тут же ее пожрал. После чего повалился на носовую площадку баркаса лицом вниз и все старался

беззастенчивой культей натянуть на башку полу пиджака.

Крутоярова между тем ходила вокруг львицей, чертыхалась, как все студентки перед экзаментами, и, в частности, наша Майка Шапиро, с которой они, оказывается, были на вась-вась, и слегка постанывала от головной боли, напоминающей и лук, и чеснок.

Столкнули корабли в воду. На удивление всем ялики оказались намного тяжелее баркаса: осели по кромку бортиков.

«Черт бы вас побрал, юнги Балтийского флота! Никто не может завести мотор, позорище Наркомпроса! Осиновский, чучело несусветное, все бахвалишься своими качествами, а сам не знаешь, как речку переплыть! Ну, давай, давай, ребята, все на баркас, садитесь на весла, пока гроза не началась!» — так кричала Элька Крутоярова и откидывала то за одно плечо, то за другое грубо заплетенную тяжелую косу пшеничного цвета.

На той стороне на пляже купался четвертый отряд девочек. Оттуда доносились визг и гомон, иногда долетали даже отдельные слова, типа «Белка Польсман-воображала-за-дежурной-побежала!». Весь правый берег стоял под солнцем, и там, похоже, никто еще не замечал, что за куполами Свияжска растет черно-лиловая туча-коварство.

«Ну, пошли! Весла на воду! Я — на кормовом весле. Главное, нам надо пересечь стрежень, и тогда — все в порядке! Мы почти сразу войдем в заводь!»

Пока мы гребли, Стручков не уставал сопеть во сне. Между тем продвижение по прямой становилось все более затруднительным. Мы продвигались к цели, может быть, всего на три метра, в то время как нас сносило по течению на десять метров. Баркас со все более оседающими яликами шел своим собственным курсом, мы приближались к огромному, в белых барашках, словно морскому, окоёму Волги, и наши весла, равно как и наши детские мускулы, очень слабо нам помогали. Между тем порывы ветра с юго-запада, хлесткие ледяные струи красноречиво говорили, что нас несет в эпицентр шторма. Вскоре мы бросили весла: никакого толка в них не было. Мы уже миновали свияжские берега. «Караван» наш раскручивало в гигантском слиянии двух рек. Тучи свирепо включились в расправу над нами, пучки ледяных струй то и дело сваливались на наши головы. Берега, и левый и правый, исчезли за волнами и сонмищем туч.

Крутоярова думала: что же делать? Не обрезать ли буксир, не освободиться ли от яликов? Будить ли Бориса? Может быть, он сможет завести мотор? А вдруг он начнет бузить по-пьяному? Что мне делать с пятью мальчишками и пьяным одноруким мужиком? Вдруг мысль ее пронзила, ослепительная и затмевающая все

остальное: мы все здесь погибнем, и даже я, такая молодая и сильная, бегунья и пловчиха; мне не доплыть отсюда до земли! И тут она испустила невменяемый вопль, от которого встряхнулся Стручков.

Прошло несколько минут, прежде чем он сообразил, что происходит на борту его флагманского корабля. Он бросился к моторчику, уперся в борт ногой и дернул стартовый ремень. Мотор сразу завелся, затарахтел, и баркас попер в неизвестном направлении, в туман, из которого рвались к ним белоголовые беспорядочные волны. От резкого рывка натянулась левая швартовочная веревка. Ялик зачерпнул огромную дозу воды и очень быстро пошел ко дну. Все ребята видели, как удаляется от них и как расплывается во мраке глубины тело, набитое окаменевшим песком. Под тяжестью этого тела баркас зачерпнул всем левым бортом еще более щедрую дозу воды и перевернулся днищем вверх. Все оказались в воде. Утонул и правый ялик. Под тяжестью двух песковозов баркас еле держался на поверхности, но уходил все глубже и глубже.

Сейчас мы все останемся наедине с водой, сообразил Акси-Вакси. Должно быть, я раньше всех утону, поскольку не умею плавать. Садовский утонет чуть позже, поскольку он недавно научился лежать на воде. Никто, кроме, может быть, Эли Крутояровой, не доберется до берега, но если она начнет спасать своего любимого Стручкова — обоим конец. Момент затопления баркаса сопровождался нечленораздельными воплями мальчишек, и только Вовк Осиновский в тумане и в ужасе неминуемого конца бухал тромбонным басом: «Не надо! Не надо!»

Ну вот, вода на этот раз от меня не откажется, думал Акси-Вакси. Я не увижу своих родителей никогда. Фимочка придет меня повидать, и что тогда ей скажет тетя Ксения? Прощайте все, герои войны и ленд-лиза! Прощай, Стелла Вольсман! Мы не успели еще подрасти, чтобы подружиться.

Ноги его еще могли упираться в горб баркаса, но через секунду он уйдет из-под ног, а вслед за ним и беспомощный Акси-Вакси. Но вдруг он почувствовал, что баркас всплывает, и вскоре всплыл, показал свое днище. А вслед за ним всплыл перевернутый левый ялик, а за левым всплыл и перевернутый правый. Произошло удивительное происшествие. Ялики под водой перевернулись и высыпали песок. Освобожденные от груза, они всплыли и освободили баркас; тогда и тот всплыл.

Теперь пионеры могли держаться за поднявшиеся из волжской пучины плавсредства. Вокруг все раскачивалось, били волны, свистел ветер, и на головы рушился ледяной дождь.

Крутоярова мощно, вольным стилем, обогнула погибающую песочную экспедицию. «Все живы?» — запрашивала она. Оказалось, что все пока живы. «Подавайте сигналы о помощи!» «Какие еще сигналы о помощи?» — спросил Сагдеев. «Звуковые. В общем, кричите!»

Все стали на разные голоса вопить: «Спасите! Помогите! Тонем!», и только Вадик Садовский взывал в соответствии с прочитанными книгами: «СОС! СОС! СОС! Спасите наши души!»

Опытная Крутоярова приказывала: «Мальчики, двигайтесь в воде! Иначе замерзнете и потеряете силы! Двигайтесь! Двигайтесь! Двигайтесь!» И только после этого ребята стали ощущать парализующий холод. Держась одной рукой за днище баркаса, стали растирать себе и товарищам икроножные мышцы. Среди воплей о помощи один лишь Осиповский все гудел тромбоном: «Не надо! Не надо!» Акси-Вакси в изумлении видел, что Вовк сохраняет даже и в таких предгибельных обстоятельствах некоторое подобие игры, во всяком случае, игриво поглядывает на тело руководительницы физвоспитания.

А где же наш ветеран-инвалид? Неужели он утонул? Нет, он жив и, больше того, категорически протрезвел. Хватаясь одной рукой за борт, он обогнул баркас и воззвал к утопающим: «Ребята, давайте попробуем перевернуть хотя бы один ялик!» Все навалились на малое суденышко, но оно ускользало от их рук и плечей. Эля Крутоярова поднырнула под ялик и попыталась оторвать его от воды. На минуту показалось, что ялик поднимается, однако по прошествии этой минуты он снова плюхнулся в волну, и Эля вынырнула из-под него, задыхаясь и выплевывая воду. Придя в себя, она предложила новый вариант. Течение закручивает нас к высокому берегу. Те, кто умеет плавать, держитесь за баркас и работайте ногами. Толкаем баркас направо. Акси-Вакси и Вадик, вы просто скользите и толкайте со всеми вместе. Продолжайте издавать звуковые сигналы!

Буря глушила эти «звуковые сигналы». Никто их не слышал, если кто-то там был на воде в периметре километров. Похоже было на то, что все жертвы кораблекрушения теряют силы. Акси-Вакси погружался в странную апатию. Похоже на то, что нас никто не спасет, думал он. Мы никогда не достигнем брега. Близ брега наши тела будут жрать волжские белуги, родственницы тропических крокодилов. Ну что ж, такова судьба. В северных конвоях бывает страшнее. Между тем кончился день, и мрак непогоды пожрал все ориентиры.

Трудно сказать, что они спаслись благодаря диспозициям Эли Крутояровой. Быть может, просто их спас случай, таинственное пересечение курсов; во всяком случае, в мутно-чернильном мраке

вспыхнул топовый фонарь; это возвращалась с путины бригада рыболовецкого совхоза «Красный волгарь».

Штуку за штукой рыбаки-матерщинники и самогонщики вытащили из кипящей матери реки еле живых юнцов, измученного ветерана войны и все еще мощную русалку вузовского спортобщества «Буревестник». Дальнейшее для Акси-Вакси запомнилось, как воскресение в горячей утробе мягких кож и мохнатых тулупов.

Вернувшись в лагерь, он на опушке леса бесконечно кружил на «гигантских шагах», взлетая к Стожарам и пролетая на траверзе планеты Венеры. Незабываемой также была кружка горячего шоколада, которую получил каждый «бесстрашный пионер». Почетную грамоту за бесстрашие он использовал для красочной записки-картинки, адресованной Стелле Вольсман.

Летние пионерские лагеря возвращали бодрую жизнь нашему поколению даже в военные голодные годы. Тем повезло, у кого были расторопные взрослые члены семьи и, в частности, молодые тети с прозрачными глазами и яркими губами. Впервые Акси-Вакси попал в «Пустые Моркваши» летом 1943 года, когда ему шел одиннадцатый год. В полуголодных рационах главным источником сил был сушеный картофель. Продолговатые палочки, собственно говоря, мало были похожи на клубни, о которых пионеры прежде распевали песню «Здравствуй, милая картошка, низко бьем тебе челом!». Палочки вообще-то были похожи в неприготовленном виде на резину, однако в супах и в пюре, а также на сковородке были все-таки съедобны.

Младшим отрядам еды не хватало. Конкретным образом. Их приводили в столовую в построении по двое, рассаживали вдоль дощатых столов. По завершении трапезы всех принуждали встать и хором произнести: «Спа-си-бо-за-о-бед!» В старших отрядах немало было ловкачей, что пристраивались на кухне. Любая должность в столовой и на кухне, от кладовщика до уборщика, считалась синекурой. Однажды я слонялся вокруг пищеблока, и вдруг розовощекий крупный хмырь позвал меня в хлеборезку; самому ему бесценный продукт уже встал колом. Ох, братцы, как я наелся в тот день!

Интересно, что пищевая ситуация выглядела принципиально иначе летом 1944 года. На сушеную картошку никто уже не обращал внимания. Преобладали питательные каши: рис, овсянка, манная… Очень часто стол украшали «макароны по-флотски», где среди вареных мучных трубочек красовалась тушеная говядина в немалом количестве. К середине лета начинали поступать свежая капуста, свекла, морковь. Борщ, сваренный на подсолнечном масле, был объедением. В

праздничные дни выпекали пончики, а по случаю взятия городов или, скажем, Дня Военно-морского флота СССР пионеры находили у себя на блюдечках, к чаю, не оформленные, а просто отколотые от американских глыб кусочки шоколада.

Несколько слов о массовых праздниках. В частности, о Дне Красного флота. Акси-Вакси чувствовал какую-то особую связь между этим празднеством и своей малой жизнью. В начале войны он нашел в сундуке скончавшейся бабушки секретные бумаги, связанные с делом отца. Среди этих бумаг была «Красная Татария» от июля 1938 года. Там на первой полосе красовался флагман Балтийского флота линкор «Марат» (бывший «Петропавловск», построенный в числе четырех самых передовых боевых кораблей мира выдающимся российским кораблестроителем Каннегисером, отцом поэта-акмеиста и террориста с.-р., при помощи честнейших причастных оборотов прикончившего чекиста Урицкого).

С какой стати стальная громада попала в сундук милейшей нашей бабули Евдокии Васильевны, занимавшейся не уничтожением людей, но их рождением (двенадцать душ ненадежного детства)? Акси-Вакси перевернул газету и нашел на четвертой полосе сообщение о завершении суда над бывшим председателем горсовета Казани и Булгар Павлюканом Ваксоновым. Без права обжалования он был приговорен к смертной казни (позднее замененной 18-летним заключением). Со времен открытия сундука юнцу снился корабль в движении. Точно так же, как почти никто в советском народе, он не знал, что в первые же недели войны «Марат» был расколот надвое немецко-фашистскими пикировщиками «штукас», иначе «юнкерсами». В движении сна он был целехонек и почти бесконечен в прохождении своей стали шаровой окраски. Павлюкан, словно адмирал Волжско-Каспийской военной флотилии, мерил мостик петровскими сапогами.

Вот еще одна связь с Днем флота — флотилия ВКФ, хранящая цельность наших берегов. Казалось бы, внутренняя река, впадающая в замкнутое море-озеро; никакой связи с мировым океаном, почти полная невозможность отражать потуги мирового империализма и поддерживать доблестный натиск мирового пролетариата. Ан нет, флотилия росла и перевооружалась, сохраняя мужество и наращивая подготовку своего личного плавсостава. Причины для этого все ж были: ну, во-первых, на крайнем юге нашего маршрута наличествовал псевдосамостоятельный коварный Иран, который жаждал воспламенить наше мусульманское население Махачкалы и Баку. Во-вторых, возможно превращение этих портовых городов в

столицы каких-либо ипотетических (или ипертрофических?) государств. В-третьих, по всей Волге, осуществляя жажду реакционных сил, возможно было возникновение таких ипертрофических государств — в частности, Калмычности, и выше — Марьяулла, Великое Мордовство, не говоря уже о Татаро-Булгарском халифате.

Короче говоря, огневая мощь Волжско-Каспийской флотилии растет за счет ввода в строй новых канонерок и речных линкоров, именуемых «мониторами». Личный состав этой флотилии подает пример боевой и политической подготовки окружающим войсковым подразделениям и служащим тыла. На праздник флота моряки посещают пионерские лагеря живописного Поволжья, в частности и «Пустые Моркваши».

К приезду флотских наши пионервожатые затеяли большой пионерский костер. Флотские в накрахмаленных форменках, в бескозырках с отглаженными ленточками, с боевыми медалями и орденами прибыли вовремя к восходу звезды Венеры и созвездия Плеяд. Странным образом они больше обращали внимание не на пионеров, а на пионервожатых. Эти взрослые девушки, собравшись вместе, хихикали на матросов и подбоченивались, как бы демонстрируя свои наряды. У одной из них была на груди брошка-самолетик. Морячина с бронзовой мордой склонился к девичьей груди.

«Вам, кажется, нравится мой самолетик?» — спросила девушка. Морячина хохотнул: «Угадали! Но больше мне нравится его посадочная площадка!»

Девушка зарделась, что было очевидно даже в трепетании костра.

Эту историю нам рассказал Вовк Ассиновский. Он же показал нам мощагу морячину, который в тот вечер танцевал вальс-бостон с хрупкой девушкой. А утром произошла еще одна военно-морская история. Мы пошли искупаться на мостки. Там был ошвартован сторожевой катер ВКФ. Он, очевидно, должен был забрать наших шефов-гостей, которые вчера отбивали чечетку под ритм «Яблочко». Вчерашний любитель «посадочных площадок» стоял по пояс в воде, мылся кусочком дамского мыла. Все мышцы у него играли под тонкими, как спицы, солнечными лучами, пронизывающими еловый лес.

Мы все стояли и, стоя, мечтали о том, чтобы иметь такую же мускулатуру. Он оглянулся и увидел ребят. То есть он увидел и меня, Акси-Вакси. Впрочем, возможно, я для него был только лишь частью группы. Вероятно, он никого не выделил из нашей группы, даже Вовка Ассиновского. Очевидно, он хотел обидеть не нас всех по отдельности, а нас всех как группу. Быть может, как

тех, кто еще не вырос к началу войны и не подвергался постоянному уничтожению.

«Ха-ха, — сказал он, похохатывая. — Какие у вас тут пионервожатые податливые!»

Похоже на то, что большинство не поняло смысла его язвительности. Только Ассиновский все понимал, потому что всю ночь подсматривал за пионервожатыми. «Ты, фраер, — сказал морячине наш быстро растущий второгодник. — Я тебя заделаю, сечешь?»

Морячина стал медленно приближаться к нам. Он натягивал тельняшку. Вытягивал ремень с медной бляхой: «А вот я сейчас тебя, пацана, огрею по округлым!»

Вовк отступал, набирая в карманы тяжелую гальку. Не расчитывая на рукопашную, он надеялся на рукометное оружие. И тут произошло еще одно неожиданное событие.

По крутой лесной дорожке, ведущей из нашего плоскогорного лагеря, спустились два уже знакомых персонажа, директор Стручков и физручка Крутоярова. Первый шел уверенными широкими шагами, чуть ли не бежал. Вторая суматошно обегала руководящее лицо, что-то быстро бормотала, как бы стараясь его остановить. Директор удерживал ее здоровою рукой, а также, той же рукою, ритмично подымал тяжелую палку, как будто собирался раздробить чью-то голову.

В это время катер в мегафон затребовал морячину: «Прохоров, на борт!»

Тогда тот запрыгал от камня к камню, взлетел по паре трапов и оказался наконец на борту. Директор было бросился за ним, пытаясь огреть поперек спины, однако катер уже отвалил. Морячина взял у командира мегафон и гулко отбалямбасил последнее приветствие: «Элёк, может, с нами прогуляешься?» Все пятеро шефов-гостей грохнули в хохоте, а Крутоярова скрестила руки на груди и плюнула им вслед.

Стручков с последним отчаянием выдавил из себя еле слышную угрозу: «Завтра вас, козлы, вызовут к адмиралу Миронову!» Катер стал споро уходить к устью Свияги и к тому месту, где еще недавно гуляла большая волна и где мы все чуть-чуть не погибли.

С кривой ухмылкой Вовк Ассиновский начал рассказывать о своей ночной охоте с фотиком «ФЭД». Он боялся, что снимки получились не в фокусе. А жаль: этот сучий прохор заделал трех наших пионервожатых. «Надеюсь, что Крутоярова не в их числе», — аристократически поинтересовался Ратнер. «Напрасно надеешься», — усмехнулся будущий фавн.

Эрос вообще-то постоянно кружил над «Пустыми

Морквашами», снижаясь даже к невинному детству. Объяснение в любви называлось тогда «приглашением к дружбе». В пионерлагере эти приглашения принимали особенный, немыслимо романтический оборот, поскольку девочки и мальчики были значительно отделены друг от дружки. Утром мальчишеские и девчачьи отряды выходили на линейку отдельно. Пацаны, нахватавшиеся похабщины в городских дворах, с замиранием сердца следили за мельканием обнаженных колен и юных грудок, тронутых уже возрастными таинственными изменениями.

Изменение сосков очень тревожило пионерское сообщество. У мальчиков, как известно, набухание сосков тоже встречается, но быстро пропадает. Иногда задерживается. Вот у Вадьки Садовского, например, соски надолго застоялись в росте; он даже впадал в отчаяние: а вдруг я превращаюсь в девочку?

Во время утреннего построения на линейке, когда на мачте поднимался красный флаг и старшая пионервожатая провозглашала наш главный лозунг: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» — «Всегда готов!» — мальчишеские и девчачьи отряды внимательно разглядывали друг друга: с кем дружить, как не ошибиться, найти себе правильный объект для дружбы? Обычно пацаны эдакого спортивно-хулиганского типа вроде бы запросто приближались к своему выбору и небрежным тоном приглашали: «Ленка (Милка, Наташка), айда дружить?» Казанский аристократ, типа Юрочки Ратгера, может быть, спросил бы иначе: «Кира (Рита, Нонна), вы бы не возражали со мной дружить?» Оба типа юнцов, разумеется, в понятие дружбы вкладывали тесные отношения, о которых дворовый футболист сказал бы «я ее зафоловал», а аристократ бы назвал это «прикосновением».

Акси-Вакси целый год после первой встречи в «Пустых Морквашах» думал о Стелле Вольсман. Экое небесное существо! Ведь это о ней сложена была международная морская песня:

…Полюбил за пепельные косы,
Алых губ нетронутый коралл,
В честь которых бравые матросы
Поднимали не один бокал…

Он бродил меж огромных сугробов, за зиму возросших вокруг ледяного парка Глубинное озеро. Это углубленное пространство, зимой превращающееся в естественный каток, что-то очень близкое ему напоминало, но он не мог вспомнить.

Иногда мимо него с шорохом и шухером проносилась «ледяная гопа» таких же, как он, пацанов, но только в накрепко прикрученных кожаными ремнями к валенкам коньках «норвеги».

В руках у каждого из такой гопы крутился железный прут, которым можно было убить человека.

Я несчастный пацан, думал Акси-Вакси, я не могу примкнуть ни к тем, ни к другим, то есть ни к профессорским, ни к блатнягам. Вот вообрази, дружище: Стеллка Вольсман согласилась со мной дружить. Вне себя от радости я бегу через всю центральную часть города на Глубинное озеро. Вот ее жилище — пятиэтажный «Дом специалистов» с большими окнами. Я жду ее целый час, и вот она выходит, настоящая «серенада солнечной долины» в конёчках-снегурочках, привинченных к довоенным ботиночкам. Она сердито надувает губки: «Почему же ты без коньков, Ваксилий? А ведь собирались дружить!»

Ну не будешь же ей, дочке инженера по авиационным моторам, не будешь же ей говорить, что у тебя никогда не было коньков. А ведь если когда-нибудь ты счастливым образом приобретешь коньки, то ведь не будешь же ты учиться на коньках на глазах у Вольсман в таком солидном возрасте двенадцать лет!

А если ты будешь сопровождать Вольсман и вас окружит «ледяная гопа»? Уверен ли ты, что готов отдать свою жизнь за эту дивную деву? Пока что он воображал, как Стелла поднимает ножку, а он, ее паж, встает на колени и затягивает ее шнурки — какое счастье! Увы, счастье в дружбе нередко сменяется грустью, и она уносится от него по ледяной дорожке к блестящему ледяному пространству. Смех Стеллы доносится до него, то удаляясь, то приближаясь, а он не может за неимением коньков ни отдалиться, ни приблизиться. Он встает, охваченный грустью, и наконец вспоминает длинное, в весь квартал, трехэтажное здание на другом берегу Глубокого озера. Там он в предпоследний раз встречался со своим отцом, человеком во френче с оборванными карманами, который дрожащим голосом о чем-то просил своих командиров. Он вспоминает бумаги, найденные в бабушкином сундуке, особенно жалобу о применении к нему «двадцати двух методов активного следствия», и тогда все связывается в нить с узлами, и он понимает, что это за дом и кто такие тамошние командиры.

Стелла и Акси-Вакси три раза встречались в блаженные месяцы, августы и июли, в 1943-м, 1944-м и в 1946 годах. В сорок третьем голодноватом году он, может быть, и не заметил девочку с толстой косой, если бы случайно не натолкнулся на ее пикник с родителями. В этих летних пионерлагерях предусматривались встречи, на которых родителям разрешалось немного подкормить свое любимое детище. Тощий Акси-Вакси увидел толстоватого чьего-то папашу в майке и кругленькую мамашу с выпирающим из сарафана бюстом, которые любовно смотрели на девочку,

активно поглощающую кусок кремового торта. Кремовый торт! Он думал, что такое существует только в фильмах.

На следующий год они стали поначалу переглядываться через линейку во время утренних и вечерних построений. Пацан всякий раз краснел, а девочка вроде бы отклонялась, поворачиваясь к нему своим «выгодным» профилем. Однажды, после «кораблекрушения», он решился написать Вольсман записку на почетной грамоте. Писано было псевдостаринным почерком, а на полях изображены были галеоны и бригантины XVII века, а между ними кучевые облака, а между облаками голенькие трубачи-херувимы с небольшими крылышками и даже с намеками на крохотные пиписьки. Текст гласил:

Вспоминая Стеллу Вольсман,
Моряки кружили в вальсе,
А корабль летел в пассатах,
Накренясь, меняя галсы.
Где вы, где вы, леди Вольсман,
В окруженье малых птах?
То ли на бульварах скользких,
То ли прячешь носик в пух?

Собрав малых птах, можно было прочесть послание: «Предлагаю встретиться за тысячу шагов от лагеря, на берегу потока Стремительного О, в тот час, когда утомленное солнце нежно с морем прощалось…»

Девочки жили в больших спальнях с террасами, а мальчикам были отведены фанерные домишки; каждый на шесть душ. В назначенный день Акси-Вакси забрался на крышу своего домика и притаился за вентиляционной трубой. Утром, на линейке, он старался понять по выражению лица Вольсман, приняла ли она его приглашение. Выражение лица прекрасной девы было безучастным. Ни разу она не сосредоточила на нем своего взгляда. Ближайшая ее подружка Натэлка иногда затевала с ней какой-то смешливый разговор, и тогда Вольсман с некоторым вздохом поднимала к небу свои прекрасные очи. Соискатель дружбы читал эту мимику таким образом: «Как надоели мне эти соискатели дружб!»

Первую половину дня Стелла и Натэлла провели на открытой сцене, репетируя какой-то танец с пением по поводу Дня Военно-воздушных сил. За обедом ели котлеты с маисовым гарниром. Жевали вперемежку с разговорами. На Акси-Вакси ноль внимания. Потом куда-то смылись, спать, что ли. Когда солнце пошло на снижение, он влез на крышу фанерки и там залег. Был уверен, что девчонки уже забыли про его приглашение, и вдруг увидел: две тоненьких фигурки медленно, будто цветы собирают,

направляются к выходу из пионерлагеря.

Когда они исчезли в «джунглях» — так он с Вадиком Садовским называл могучий елово-сосновый лес с орешниковым подлеском, — он спрыгнул с крыши «фанерки» в папоротниковую глухомань. Два ужа от растерянности оплели его щиколотку, но потом, прошептав «шмошш», укрылись в разных направлениях. Он стал считать шаги и сбился со счета, однако, пройдя то ли больше тысячи шагов, то ли меньше, увидел буколическую картину.

Поток Стремительный О медлительно раскручивал похожую на щавелевый суп свою поверхность. Юная, или даже юнейшая, юница, в общем, ровесница Джульетты, сидела на перилах маленького мостика, свесив ножки художественной гимнастки. Задумчиво, но бессмысленно глядя на золотые стволы сосен, она расплетала и заплетала нижнюю часть своей толстой косы, за которую бравые матросы поднимали не один бокал. В трех шагах от нее вторая гимнастка и одновременно верная дуэнья жонглировала двумя гуттаперчевыми булавами.

Акси-Вакси ужасно струсил. Он хотел было убежать прочь. И побежал. Но не прочь. И вдруг обнаружил себя рядом с Вольсман. Откашлявшись, пробормотал: «Здравствуйте. Я пионер четвертого отряда. Меня зовут Акси-Вакси». Звонко, по-детски Вольсман рассмеялась: «Натэлка, вообрази, к нам присоединился пионер четвертого отряда. Его зовут Акси-Вакси!» Слегка приободрившись, он промолвил: «А вы, если не ошибаюсь, являетесь пионеркой Стеллой Вольсман?» Взмахнув косой и вздув юбку гимнастическим пируэтом, она еще звончее рассмеялась: «Да, я являюсь таковой! Что вам угодно, сэр?» «Я хотел бы с тобой дружить, Стеллка!» — выпалил он. Она опять уселась на перила: «А что это такое — дружить, Акси-Вакси? Как ты это понимаешь? Что делают мальчики и девочки, когда дружат? Что, например, мы с тобой будем делать, если подружимся?»

Он опешил. В натуре, что они будут делать? Коньков у него нет. Лыжи — две плоские доски без креплений. Плавать боюсь в силу определенных обстоятельств. О родителях говорить стыжусь. Марками, может быть, с нею обмениваться? Увы, по сведениям японской агентуры, марками она не интересуется. Он не решался себе признаться, что главным делом в дружбе видится ему поджидание Стеллы после уроков, благо школа № 19 и школа № 3 находятся в двух кварталах друг от друга по Большой Галактионовской. Вот он установит личное наблюдение за подъездом, из которого выпорхнет волшебная Вольсман. Огромное счастье этого момента! Но если она не появляется вовремя, воцаряется огромное несчастье всех идущих друг за дружкой моментов. А вдруг она увлеклась их общим военруком

Прямиком? Он ходит легко, хоть и поскрипывает протезом, и берет девочек за талию при прыжке с коня. Такое несчастье не является уже даже несчастьем; оно суть драма, лермонтовский поединок. Послушай, Акси-Вакси, говорил он сам себе, ведь ты же знаешь, о чем ты будешь мечтать в дружбе с Вольсман, и она, возможно, предоставит это тебе: ей это не составит труда. Ты будешь брать у нее портфель и нести его до ее дома как верный идальго — вот это и есть апогей дружбы или, возможно, апофеоз.

В общем, он переминался с ноги на ногу, не зная, как ответить на ее вопрос, а между тем глаза ее осветились какой-то симпатичной насмешкой.

«Так что же? Что мы будем делать в свободное от учебы время? Акси-Вакси, друг мой любезный, давай отвечай». — «Ну, знаешь, Стеллка, мало ли что можно делать, будучи в дружбе. Ну, будем разговаривать, задавать друг другу вопросы, ну, наконец, ходить в кино…» Она захлопала в ладоши: «Вот это здорово! Давай ходить на дневные сеансы! Куда, в «Электро» или в «Унион»»?

Мне очень понравилась ликующая Вольсман. Ура, дружба началась! И вдруг эту мою радость задвинули за косяк беспокойство и уныние. Да как я могу приглашать девочку в городские кинотеатры, когда у меня никогда нет денег на билеты? Два главных кинотеатра на центральной улице Баумана с дореволюционных пор, говорят, известны своими шикарными названиями — «Унион» и «Электро». Там были просторные фойе, где перед сеансами играли джаз-банды, а после сеансов, по ночам, там открывались дансинги, где появлялись иногда даже офицеры союзников. Конечно, вся эта роскошь была не для нас, ведь мы были глубоко несовершеннолетними, да к тому же и тотально безденежными.

Осенью я сделал несколько попыток разжиться «таньгой», то есть деньгой. Продал марку Британского Гондураса и купил у барыг несколько пачек папирос «Беломор». Под покровом темноты — в городе еще существовал режим затемнения — я присоединялся к шакальей стае торговцев папиросами, что прыгали возле «дансингов» и орали припевки из каких-то старых песен:

Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы!
Подходите, не робейте,
Сироту вы пожалейте!
Посмотрите — ноги мои босы!

В первую же ночь меня заприметили там пацаны с Подлужной. Вдруг окружили, начали затаптывать. Бывшие

одноклассники, Лёка и Казак, хотели было вступиться — дескать, у этого Факси-Пакси «матуха припухает», — однако их тоже затоптали и отобрали товар.

С огромным фингалом я вернулся домой. Тетка устроила мне выволочку. Она взяла меня за шкирку, хотя я был уже выше ее. Ты что-то сильно куражистым стал в этом году. Ты что, не понимаешь, что должен в этом городе быть тише воды, ниже травы. Тетя Котя пришла из своего Радиокомитета и сказала, что один сотрудник видел меня на улице Баумана. Ты подумай о своих родителях, Акси-Вакси: ведь тебя могут мобилизовать в трудовую армию. В лучшем случае заберут в ремесленное училище. Пообещай, что перестанешь якшаться со шпаной. Я пообещал.

Через неделю мы с Холмским купили ящик чистильщика сапог, две щетки, бархотку, несколько баночек ваксы и несколько связок шнурков. Будем то вместе, то посменно работать на площади Кольцо. Там из трамваев вываливаются толпы черт знает кого, и всякий желает отсвечивать солнце в своих сапожищах.

Чистим, блистим, лакирует

Всем рабочим и буржуям!

Трудящимся за пятак, а буржуям за гуяк…

Теперь у нас всегда будет лишний рупь, чтобы сходить в кино со своей подружкой. Всезнайка Холмский рассказал мне историю первого Рокфеллера. Он тоже был чистильщиком сапог. Трудился возле биржи и стал мультимиллионером. К сожалению, наша история оказалась не похожей на историю Рокфеллера. Несколько часов к нам вообще никто не подходил. Потом окружил целый взвод солдат в башмаках и обмотках. Они сыпали махрой и хохотали похабщиной. Один за другим ставили свои бутцы на нашу шикарную подставочку. Мы попеременно с Холмским старались вовсю. Почистившись, взвод попер куда-то на построение.

«А кто платить будет, красноармейцы?!» — завопили мы.

Солдаты, галдя, перли куда-то, а нас даже не замечали. Мы стали их хватать за ремни, но тут они отпускали нам лишь пенделя в зад и больше nothing. Мы требовали сотню денег и ничего больше, но воины обещали отдать нас мильтонам или комендантским патрулям. Мы перебздели с Холмским и бросились спасать свой профессиональный пункт чистки. Пункт отсутствовал за неимением самого себя. Сидящий в своей будочке потомственный ассириец сочувственно покачал головой и указательным пальцем. Я думаю, что его внучатый племянник как раз и унес нашу установку.

Совершенно пришибленные, мы с Холмским волоклись с

шумного Кольца по боковым улицам неизвестно куда. И вдруг обнаружили, что нам навстречу идет трешка подростковых детей вроде нас, в общем, миловидные мордахи: Стелла Вольсман, Натэлла Гибатуллина и Вадик Садовский. Последний давно уже присоседился к дружбе с Натэллкой. Уже в момент встречи на потоке Стремительном О он подкрался к Стеллкиной подруге и предложил ей дружить. Каков мечтатель! Предложение было принято.

Акси-Вакси вдруг заметил, что несколько мрачноватое лицо Вольсман при виде него озарилось чем-то радостным. Он и сам тут просиял.

«Ребя, айдате в киноху!» — предложил Садовский. Оказалось, что мы стоим чуть ли не на ступенях захудалой кинохи «Вузовец». Там никаких предсеансовых оркестров сроду не было. Вообще там ничего не было, кроме довольно вонючего зальца. Однако касса там была и билеты продавала. Продав билеты, она, то есть касса, становилась жестоким контролером только что ею проданных билетов. Особенно она старалась по поводу несовершеннолетних, стараясь побольнее ухватить за ухо или за вихор.

«Не трусьте, мои друзья! — воскликнул Вадик Садовский. — Не трусьте, и «Вузовец» всегда распахнет перед вами свои дружественные двери! Вернее, маленькие дверцы под кинобудкой».

Оказалось, что главным действующим лицом нынче тут выступает друг младости их мятежной, еще довоенный «костя-капитан», гражданин Шранин. Позвольте напомнить, что вместе со своим корешком Бобой Савочко были они по приказу генерал-майора Мясопьянова задержаны и препровождены для зачисления в летную спецшколу. Савочко давно уже трудился и сражался на фронтовых аэродромах, а вот Шранину повезло по части легочного туберкулеза. Обнаруженные в верхушках дырки, а в слюне немецкие бациллы вернули его туда, где он начал свою трудовую деятельность, в кинобудку «Вузовца». Там он, накручивая аппарат, вспоминал младших друзей, а верней, подчиненных по Средиземнодворью, и, конечно, впускал их в жаркую будку, а оттуда в прохладный зал бесплатно, в последний ряд, прямо под туманный луч, в котором, он был уверен, парит множество бацилл.

В тот день крутил он то ли американский, то ли английский фильм «Тетушка Чарли». Конечно, не в том смысле, что комедийную актрису звали Чарли, а в том, что она приходилась тетушкой некоему Чарлею.

«Вот это комедия! Вот это штука! — ахали ребята. — Еще почище, чем «Антон Иваныч сердится!» «А я не согласна. Мне

кажется, что наша школа комедий сильнее, — проговорила Вольсон и повернула свой носик к Холмскому. — А вы как считаете, Сергей?» «Знаете, Стелла, — как-то по-взрослому повернулся к ней внучатый племянник какого-то Хлебникова, всезнайка Холмский. — Такие фильмы надо показывать парашютистам за день до высадки».

Девочка восторженно поаплодировала юнцу. А сейчас меня, наверное, спросит, подумал Акси-Вакси. Чтобы унизить. Посадить в лужу. А я и не знаю, что сказать. Не могу же я сказать, что мне нечего сказать о таком смешном и симпатичном, сугубо британском фильме. Но она его не спросила, а только посмотрела исподлобья.

Боже мой, как она посмотрела на меня на этой «Тетушке Чарли»! Какое глубокое чувство она испытала! И какое в ответ возникало вдохновение и какой мощный полет! А когда открыли большую, сродни воротам, дверь в этом зассанном и даже подкаканном «Вузовце», пахнуло талым снегом и сухими листьями, как это бывает на грани осени и зимы, повеяло дальнейшим юношеством, хоть оно пока еще и не наступило.

Лето 1945 года, несмотря на победу над Германией, принесло Акси-Вакси серьезное разочарование. Тете Коте тогда не удалось достать новую путевку в романтические «Пустые Моркваши». Вместо этого его и младших детей послали в восточную часть Татарии, в деревню Саломыково.

Там было миловидное озеро с плакучими ивами на берегах. Неподалеку, на холме, стояло двухэтажное бревенчатое здание сельской школы. В нем разместили отряд младших октябрят. Между этим зданием и озером располагались несколько брезентовых палаток для старших. Ну и столовая, конечно. Везде вокруг коровьи розы указывали прохождение стад. Говно какое, думал приближающийся к тринадцати годам Акси-Вакси. Экая глухомань! Разве можно это сравнить с берегами Волги? Особенно в те дни, когда на простор крутой волны выходит для демонстрации силы Волжско-Каспийская военная флотилия? Ну а двухэтажные колесные плавающие дачи, по палубам которых гуляют дочери ответработников и конструкторов?

Он лежал на спине, на зачуханном футбольном поле, где паслись козы и носились с визгом октябрята; многие из них с самодельными луками и стрелами. Стрелы, увенчанные какой-нибудь тяжеленькой штукой, ну, скажем, вырезанной из мягкого дерева гайкой, взлетали в зенит — на спор, чья выше? Он лежал и пытался себе представить Европу, полную освобожденных из-за колючей проволоки толп, двигающихся в разных направлениях, в сторону победоносных армий. Вдруг подумалось: вот наши

узники, очевидно, никогда не смогут идти, куда захотят, в сторону победоносных армий. Еще одно «вдруг» — он почувствовал приближение взрослой жизни. Детство мелькает назад, надвигается страшноватая взрослость.

Недавно он стал регулярно переписываться с матерью и отцом. Его письма с адресом п/я (почтовый ящик) без помех доходили до родителей. Ответы тоже достигали мальчика без каких-либо ограничений. Признаться, он не жаждал этой корреспонденции. Ему казалось, что и мать, и отец, разделенные друг от друга десятью тысячами километров, пишут ему довольно формальные, одинаковые письма: «Напиши, как ты живешь… не огорчаешь ли ты своих самоотверженных родственников… какие у тебя отметки в школе…» Да он и сам ограничивался формальными писульками: «Дорогая мамочка (Дорогой папочка), я живу хорошо. Сыт, обут, одет… По большинству предметов у меня хорошие оценки…»

Однажды тетка подошла к нему как раз тогда, когда он писал подобное письмо отцу: «У меня к тебе просьба, Ваксик. Вложи, пожалуйста, среди своих страниц записку твоей матери твоему отцу. Ты им поможешь в переписке».

Он взял, конечно, без всяких объяснений одну страничку, исписанную чернильным карандашом, а когда вкладывал страницы в конверт, бросил взгляд на отчетливый почерк Жени Гинз и увидел слова, полные отчаяния: «…Павлюкан, годы с тобой были самыми счастливыми страницами моей жизни. Я люблю тебя так, что сердце стонет, но в отличие от тебя я не верю, что мы вернемся друг к другу и восстановим семью. Боюсь, что наши дети, особенно Ваксик, станут для нас чужими людьми. Единственное, о чем я молю Провидение, это дать мне возможность умереть поближе к тебе, мой Павлюкан…»

Пронзенный и потрясенный этими трагическими строками, я долго сидел, глядя на висящую у нас карту великого, могучего Советского Союза. Бесконечные пути смерти предстали передо мной. Они расширялись на Западе по мере наступления армии и флота, а на Востоке, в ледяном застое, они сужались по мере сокращения «долгосрочных командировок». Кто подсчитает, сколько людей погибает и сколько спасается и что определяет их судьбы?

Вот он лежит на заброшенном футбольном поле и смотрит в безоблачные небеса нищего Саломыкова, куда взлетают десятки самодельных стрел, пущенных октябрятами нашего лагеря. Набирая скорость, они летят к земле, ведомые их утяжеленными кончиками. Лишь одна из десятков коз оказалась задета стрелой, заблеяла и дрыгнула задними ножками. Остальные безучастны. Я

смотрю точно в зенит и вижу приближающуюся ко мне, прямо ко мне, точно ко мне стрелу. Она бьет меня прямо в лоб. Не особенно больно, но обидно до слез, едва ли не до рыданий. Почему именно в меня, почему именно в лоб попадает паршивая стрелка? Никто из октябрят ничего особенного не замечает.

Однажды весь пионерлагерь был выпущен в большое колхозное поле. Там среди репейников и осоки росли многочисленные кусты черной смородины. В колхозе некому было собирать вполне пристойный урожай, и потому местное начальство решило на корню скормить пионерам этот великолепный источник витаминов. Мы ничего не собирали, а только лишь ели, жрали, рубали, шамали, штевкали и несколько часов, счастливые, бродили по полю с размазанными черными ртами. Потом поскакали по палаткам — дрыхнуть со своим черносмородинным, витаминизированным кровообращением.

В саломыкинском лагере на столбе был прикреплен громкоговоритель. Он разносил в округе полукилометра бесконечный восторг и восхищение товарищем Сталиным, однако изредка начинала звучать и классическая музыка: больше Чайковского, но меньше Моцарта, но все равно какая-то прелесть человеческая, и Акси-Вакси тогда старался отъединиться от разных мудил и посидеть на берегу в одиночестве.

В этот раз во внеурочное время вдруг стали передавать сообщение ТАСС. В голосе Левитана звучали какие-то неожиданные нотки. Он говорил, что сегодня, 6 августа 1945 года, самолет ВВС США «летающая крепость» нанес удар по японскому городу Хиросима. В бомбардировке впервые использовано новое взрывное устройство исключительной разрушительной и убойной силы, именуемое атомной бомбой. Город Хиросима уничтожен. По предварительным оценкам погибло триста тысяч человек…

Без комментариев.

Летом 1946-го он снова ликовал: получена путевка в «Пустые Моркваши». Ему шел уже четырнадцатый год. Он надеялся на развитие дружбы со Стеллой Вольсман. Будет ли она там в этот сезон? Еще на пристани он повстречал Нэлку Гибайдуллину, и та подтвердила его надежды: Стеллка приедет. Если уже не приехала.

В городе дружба оставляла желать много лучшего. Ну, кинопоходы в «Вузовец» почти всегда были классными! Всей компанией, а то и вдвоем — самые сокровенные мгновения, соединения рук — они посмотрели «Сестру его дворецкого», «Полярную звезду», «Миссию в Москву», «Небесный тихоход», «Три мушкетера», где переодетые повара плясали в тавернах и

пели что-то вроде:

Били, били, били, били, били
Во вторник и в четверг.
Бомбили-били-били-били
Берлин и Кёнигсберг!
Тревогу бом-бом-били
За каждых два часа,
А Геббельс в это время брил на опе волоса…

А также видели и нашу комедию «Близнецы», в которой Людмила Целиковская с припухлыми глазками (это заметила наблюдательная Вольсман) сидела на столбе в американских брюках и напевала американскую песенку, из тех, что, кажется, называются «плюз», на русском языке:

Друг мой ласковый, где ты в этот час?
Где ты. Я жду тебя…

В этот момент он даже осмеливался погладить ее локоть, отчего она дергалась, словно лягушка под током.

А все-таки дружба со Стеллкой начинала буксовать. В частности, поставлен был под вопрос самый, можно сказать, священный обычай дружбы: кто носит ее портфель? Однажды он заметил, что Вольсман прячется после уроков. Быстренько как-то проскальзывает от садика школы № 3 до аптеки на Б. Галактионовской. А из аптеки выходит крупный и солидный пионер, мой одноклассник Юрочка Ратгер. Она по-хозяйски, как леди Гиневра Ланселоту, передает ему свой портфель, и они начинают степенно удаляться в сторону Лядского сада.

Глупо, конечно, предъявлять права на чей-то девичий портфель, и он даже разговора не заводит о сопернике из профессорской семьи. Он был, между прочим, в наследственном доме Ратгеров. Слово «наследственный» совсем не означает, что это собственность Ратгеров. Просто это значит, что дом у этой семьи никогда не отберут, если и Юрочка станет профессором, а он им непременно станет. Елки-палки, можно себе представить восторг Стеллочки в доме Ратгеров! Большие просторные помещения, где ходят три кота, сами происходящие из Ратгеров.

Еще один серьезный случай подтвердил, что их дружба пребывает в курьезном состоянии. Однажды тетю Котю возле Радиокомитета остановил солидный товарищ в тесном двубортном пальто и в стареньком кепи импортного покроя. Он представился как инженер Вольсман из Авиапрома и поинтересовался, не является ли симпатичная дама известной сотрудницей Радиокомитета и не в ее ли семье воспитывается мальчик, известный как Акси-Вакси, лишившийся своих родителей?

Между нами говоря, я знал его отца и к тому же ходил на лекции его матери. Иногда я даже думаю, что с ними произошла какая-то юридическая ошибка. Но дело сейчас не в этом, а в том, что ваш мальчик постоянно выслеживает нашу дочь. Мы были бы вам весьма благодарны, если бы вы сделали своему воспитаннику соответствующее внушение. Ведь она еще ребенок, маленький цветок, взращенный в оранжерее.

Так выглядела эта встреча в пересказе тети Коти в ходе соответствующего внушения. Акси-Вакси ничего не ответил, стиснув зубы в манере юнги Билла, покинул помещение. Блуждал до полуночи и думал, как сбежать на Валаам или в город Ленинград, где погиб его сводный брат во время страшной блокады и где сейчас живет его двоюродный брат Димка с его мамой, сестрой моей мамы. Ну, в общем, пришлось смириться, чтобы завершить класс. Прошли все эти мучительные месяцы, когда делаешь вид, что встречаешься совершенно случайно. Юнга Билл кривил с досадой губы, а сам, страдая, думал, какой был брошен на него взгляд: равнодушный или нежный, мятежно-страдальческий или мещанский по литеру А.

Наконец настало раннее лето. Высокий берег Волги с его Услоном и разными Морквашами расцвел сиренью и черемухой. Дети с родителями собирались на дебаркадерах, чтобы следовать веселым походом в недалекие пионерлагери. Котельники во главе с тетей Ксеней направлялись на пристань «Набережные Морквaши», чтобы проследовать в Пустые. На пароходике семилетний Шуршурчик изображал из себя одновременно и рыбака, и военного «наводчика орудий» вроде его папы. Галетка, не отрываясь, читала книжечку Мирры Лохвицкой петроградского издания 1918 года. Совсем недавно чтение стихов стало ее страстью. Она познакомилась с двумя ее сверстницами, сестрами Розановыми, которые горделиво и все-таки осторожно намекали на их родство с какой-то поэтессой Розановой. Вот именно из их библиотеки получала Галетка увядшие пожелтевшие книжицы и наполнялась каким-то особым пиететом и восторгом.

Юнга Билл делал вид, что он имеет только косвенное отношение к этой компании. Будто бы он такой уже самостоятельный соседский юноша, которого попросили присмотреть за детьми. И вдруг он увидел Натэллу с мамой, на которую оборачивались все инвалидные мужчины. Девочка, ближайшая товарка Стеллы, сделала ему знак, что сейчас подойдет. Дождавшись момента, когда к мамочке пришвартовался слегка прихрамывающий капитан третьего ранга, Натэлка подбежала к Акси-Вакси.

«Она частенько спрашивает о тебе и даже плачет», —

выпалила она подготовленную фразу. Но он был тверд, как его прототип. И ничего не сказал в ответ. Не нужен был ему ее привет. И тормозил он ей отправку мадригалов.

С первого дня в лагере он стал играть левым полузащитником в футбольной сборной. Играли по системе «Дубль-Вэ», то есть по «W», то есть ему не светили совсем голевые моменты. Он должен был посылать пассы по краям и в центр, а также останавливать мячи, прибывающие с враждебной территории. Что касается голевых ситуаций, ему отводилась, и то изредка, подача «корнер». Короче говоря, шумной славы в таких обстоятельствах не стяжаешь. Акси-Вакси носился по полю и всюду старался просунуть досужую ногу или снять снабаш только лишь ради престижа «Пустых» и для торжества над «Набережными». И вдруг забил два гола нахальным соперникам, у которых капитан Гром (Громов) носил на майке эмблему ВКФ. И вот благодаря неожиданным прорывам хавбека наша команда стала чемпионом подросткового турнира. Никто не мог понять секрета этого юнца, за исключением девочки Стеллы Вольсман: она и была секретом.

Воодушевленный Акси, храня в душе образ этой тонконогой и узкоплечей девчонки, ходил теперь на стадион и на беговой дорожке отрабатывал бешеный спурт, нужный для неожиданных прорывов. Эля Крутоярова и ее помощник Равиль Мухаметзянов по прозвищу Муха пришли однажды на стадион с секундомером. Недалеко от них на траве расположились две девочки из третьего отряда, Стелла и Нэлла.

«Эй, Вакси-Акси, хочешь, я тебе замерю стометровку?» — крикнул Равиль. «Ну давай», — пожал плечами мальчик-юнец и принял стартовую позицию.

Старт! Рывок. Мелькание локтей и колен. Финиш! Равиль показал Эле секундомер. Та присвистнула. Похоже на то, что наш Акси-Вакси побил рекорд Джесси Оуэнса! Замерили еще несколько стартов. Стабильный результат: 10,1!

«Вакси, ты побил мировой рекорд!» — крикнула Эсфирь. А Стелла, сжав кулачки на груди, молча сияла.

Пацан мрачновато усмехнулся: «Издеваетесь?» — и ушел со стадиона.

Однажды в лагерь приперся скандальный герой прежних сезонов Вовк Оссинский. Теперь он был на два года старше самых старших ребят, то есть ему было уже шестнадцать лет. Значит, он в этот 1946 год был уже не пионером, а комсомольцем и пионервожатым в лагере текстильного предприятия «Льнокомбинат». Вокруг него собрались ребята старшего отряда, с которыми когда-то тонули, а уж хохотали-то за милую душу.

«Ну как, Вовк?» — спросили ребята.

Кто-то бдительный, а именно Юрочка Ратгер, пошел и плотно запер дверь домика, где происходила встреча. Все ждали от Вовка дальнейших откровений по части эротики (слово «секс» тогда еще не бытовало). Солидно-хамоватый Вовк с некоторыми гримасами открыл свой планшет — он в этом сезоне носил на кожаном ремешке этот плоский офицерский предмет, купленный у бедолаги старшего лейтенанта. На койку Тареева посыпались многочисленные фотографии нагих женщин, как в одиночку, так и с мужчинами. Среди них мелькнули и снимки позапрошлого года, и даже того донжуана из штаба ВКФ, который за одну краткую ночь («Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих») умудрился склонить к приключениям трех наших пионервожатых.

«Вот эта моя самая любимая. — Вовк поднял левой рукой снимок коленно-локтевого соития и, немного повозившись, правой рукой извлек из штанов весьма раздутый вожделением член. — Учитесь, набирайтесь опыта, пацаны! Иду на побитие рекорда!» — сказал он с придыханием.

В тот сезон, в предпоследний день, он уже демонстрировал фонтанную мощь своего органа. Магма взлетела тогда выше дурацкого декоративного бордюра и там повисла, в то время как ребята умирали со смеху. Ну, все улеглись, кто на койки, кто прямо на пол, и стали подражать движениям Вовка.

«Не торопитесь, пацаны, — командовал тот. — Секрет самой пышной эротики состоит в замедленности действий. Всем дрочилам советую не доводить сразу до фонтана, а сделать перерыв. Не бойтесь, если яйца начнут ныть и пылать, повремените и тогда получите высший восторг вместе с упоением. Сегодня ночью предлагаю вам всем совершить налет на девчачью террасу. Одна девчонка обещала мне открыть дверь, когда весь отряд задрыхнет. Мы проходим неслышно, как могикане, внутрь, крадемся по рядам и делаем выбор. Потом каждый из смельчаков залезает к своей красотке под одеяло. Там, под одеялом, каждый обнимает выбранную киску как хочет, а потом бесшумно улепетывает на лужайку под свет луны. Кстати, сегодня мы насладимся полнолунием, о сеньоры!»

Мы все ужасно дрейфили, пока пробирались через олуненную территорию лагеря и изредка припадали к земле, растворяясь в траве, а иногда и в цветниках анютиных глазок. В отдаленном административном корпусе светились три окна директорской квартиры. Там напевал сладкий голосок патефона: «Too many tears, and not without a reason…» Кружились две пары, физручка Крутоярова с голой спиной и директор, положивший ей на плечо

свою культю, похожую на раздутую перчатку, а также пара в военно-морской форме, он и она — то ли бостон, то ли слоу-фокс.

Нас было семеро, и мы пробрались на край лагерной главной поляны. На краю этого пространства отсвечивала луну девчачья терраса. Ни одна лампочка не горела; уже давно царствовал отбой. Минут десять мы лежали недвижно под кустами чайных роз. Дурманным образом пахли цветы-табаки. Вдруг на верхушке лестницы тихо открылась террасная дверь и проскользнула какая-то неведомая тень.

Вовк Оссиновский встал на одно колено и поднял руку, как перед атакой. Не больше трех минут мы потратили, чтобы войти в дортуар на тридцать юниц. И тут Акси-Вакси растерялся: ну что мне тут делать, ведь это какой-то парадокс, ужасная нелепость — лежать под одним одеялом с девочкой. Уже в разных местах большой спальни таинственно поскрипывали пружины — это укладывались под одеяла счастливые смельчаки. И вдруг я увидел глаза Вольсман — огромные! Похоже на то, что она не спала совсем, а ждала. Хилое ее одеяло было натянуто вровень с подбородком, а под ним были очерчены нежные линии девчонки. В ужасе она смотрела на Акси-Вакси и видела, как ему показалось, его собственный ужас. Выпростала из-под одеяла указательный палец и запечатала им свои губы. Нет, нельзя упускать этот момент, подумал он. Нужно познать ее тело. Всей длиной своего тела почувствовать длину ее тела. Всей мускулистостью живота почувствовать ее живота нежность. Губы мои, сомкнитесь с ее губами! Наши соски, впечатайтесь друг в дружку!

Она оттянула край одеяла, а он его отвернул. Она лежала перед ним в самодельной домашней комбинашке и вся просвечивала сквозь мелкие цветочки. А он был в футбольных трусах и под ними несусветно торчал. Он склонился над ней и некоторое время висел, а потом опустился и разрешил ей повиснуть на нем. Нежность и сладость, несоразмерные возрасту, одолели ими, и они стонали, не понимая, что происходит. Ни единого членораздельного слова не было сказано, но стон открывал все.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы они были одни, но звуки какой-то борьбы стали доходить до них, и она начала стрелять глазами, как испуганная зайчиха.

Стратегия Вовка Оссиновского оказалась неверной. Для тишайшего варианта нужны были равные числа мальчиков и девочек. В данном случае большинство девочек остались без кавалеров. А семеро мальчиков, блуждая в лунной прозрачной тьме, не знали, какую дщерь пионерского лагеря выбрать. Иные

шли как будто с завязанными глазами, как будто на ощупь; Нансен Тареев щептал волшебные имена — где моя Зухра, где Сурия, где Алсу? Иногда возникало что-то подобное начинающимся потасовкам. Тяжеловесный Гарик Ратгер, явно разыскивая Стеллу Вольсман, наскочил на Садовского с его Эсфирью. Он [Гарик] был близорук и очки прятал. А та [Стелла], оказывается, уже была повязана с Оссинским. Ну а Сержик Холмский, найдя свою фабричную пацанку Светку, сидел, накрывшись с ней одеялом, и рассказывал ей книгу «Тайна профессора Бураго». Ну а Муха стоял в дверях будто на шухере, а на самом деле взирая в далекое освещенное окошечко, где извивалась своей спиной неотразимая физручка.

И тут разыгрался в ночи бунт обделенных девиц, то есть двадцати трех, кому не хватило гостей. Председательница совета отряда толстуха Колендра пронеслась с двумя подушками в руках по проходу между коечками.

«Убирайтесь вон, свинтусы!» — вопила она и въезжала подухами по башкам мальчуганов. Крошечные сестренки-двойняшки Дашка и Кашка, похожие на лягушат, оседлали огромного мальчика Ратгера и гнали его на выход. Все остальные пацаны спасались бегством и кувырком вылетали на ступени под ударами подух. И только лишь Вовк тромбоном гудел: «Да чё вы, девахи? Да чё вы, целки, что ли, целки, что ли?»

И только лишь Акси-Вакси никак не мог отцепиться от магнитного тельца своей коханой. Хоть бы кто-нибудь застрелил бы меня в этот момент, думал он, а она лишь шептала ему в соединившееся с губами ухо: «Не губи меня, прошу тебя, не губи».

Тут разрезал ночь вопль помощника вожатого Рената Мухаметзянова: «Атанда! Атанда!»

И все пацаны при виде идущих к террасе танцоров — руководства вместе с их военно-морскими гостями — грянули с лестницы и уползли в кусты. Пробравшись в свою фанеру, они залезли под одеяла — увы, поодиночке — и захрапели, как взвод солдат. Директор лагеря ходил с фонарем по всем домикам, но так и не нашел никаких злоумышленников.

Вот интересно, думал Акси-Вакси, почему из всех дней лагерного срока запоминаются только ослепительно-солнечные? Те дни, когда корабельные сосны, перегретые в такой день, источают смолу и встречают закат золотыми завитушками своей отслоившейся от стволов шелухи? Почему не запоминаются зарядившие на неделю дожди, хлюпающие сандалеты, непросыхающие майки, сопливые носы? Почему после ночного набега на девчачью спальню вываливается из памяти все неуклюжее и постыдное, а остается в памяти незабываемое

прикосновение, нежнейшее и самое сладостное чувство прерванной близости? Может быть, потому, что та ночь была кристально чистой, как будто очистилась над Морквашами стратосфера, как будто все пропиталось запахами чистого леса и парка с его метиолами и табаками?

Уходя на время от нашего персонажа, мы думаем о парадоксах лагерных структур. Советский Союз в те времена был страной сплошных лагерей. Параллельно детским летним прибежищам, направленным на улучшение здоровья младшего поколения, повышение калорийности и витаминизации еды, внедрение спорта вкупе с высококачественным патриотизмом как родины, так и идеологии, в общем, наряду с этим прекрасным смыслом роста и воспитания, ну, в общем, наряду со всем этим существовали внесезонные лагеря смерти, где миллионы рабов умирали в шахтах, рудниках и на лесоповалах; обледенение фигур, бетонные дамбы Коммунизма, статуи Вождя! И все эти лагеря имели в своем названии краткую аббревиатуру ОЛП — отдельный лагерный пункт. Прикрытые почтовым индексом — «п/я», они скрывали несметные страдания отсеченных человеческих масс.

Как ни странно, эти дурацкие хитрости власти достигали своей цели: мало кто вокруг связывал слово «лагерь» со словом «заключенный». Лагерь — это веселые горны, лихие барабаны, красные галстуки, костры и походы. Только лишь к концу войны это слово стало пробираться в советский быт вместе со словом «военнопленный». Влекомые ваньками-стражами в нагольных тулупах, со штыкастыми старомодными ружьями за спиной, с немецкими овчарками, готовыми в любой момент броситься вслед за пытающимся найти волю и смерть, свалить его в снегу или в грязи и рвать без разбора остатки униформы и жалкое, полностью обнищавшее тело бывшего гренадера Третьего рейха; влекомые этими силами советской империи тащились колонны призраков на виду у всех по улицам городов, на восток, мимо тех самых славян, которых они еще недавно волокли колоннами на запад.

Представить себе, что основной состав лагерников — это те же самые славяне, вчерашние граждане социалистического государства, то есть рабы рабовладельческого общества, было для тех, оставшихся на свободе, невозможным.

Вот, например, подросток Акси-Вакси; к своим тринадцати годам он уже знал о тюрьмах и о тех муках, через которые отец там прошел, однако он никак не мог представить себе, что отец его и мать стали лагерниками, работягами многомиллионной армии советских рабов. Слово «лагерь» вызывало у него совсем

другие ассоциации. Лагерь — это площадка, где каждое утро ряды мальчишек смотрят на ряды девчонок, а девчонки усмиряют свои летящие под ветром гривы; где баянист постоянно наигрывает «Дунайские волны»; где на стадионе под влиянием лирических чувств можно побить рекорд Джесси Оуэнса; где можно шагать по серым глыбам высокого берега Волги и разгонять гадюк, и набирать себе полную чаплашку малины и ежевики, и видеть вдали идущую по фарватеру эскадру Волжско-Каспийской военной флотилии, и воображать себя флагманом этой флотилии.

Повсюду в лагерях была развешана пропаганда: «Да здравствует вождь советского народа и главнокомандующий нашими вооруженными силами Иосиф Виссарионович Сталин!», «Да здравствует реконструкция народного хозяйства СССР!», «Пионеры и октябрята, будте достойной сменой в борьбе за дело Ленина-Сталина!». Старший пионервожатый, сизощекий Зайтулла Мусаевич Умаров, иногда зачитывал эти лозунги в жестяной мегафон. Отряды повторяли прочитанное хором. Многие мальчики повторяли лозунги в сопровождении какой-то дурацкой мимики: то язык вывалит какой-нибудь неслух, то начинает гулко щелкать тем же языком внутри полости рта, то начинают считать: «В этой маленькой компаньи кто-то сильно нафунял, раз-два-три, это верно ты», — и тогда свежевыявленному вредителю воздуха ближайшие к нему дают коленкой под зад.

Интересно отметить, что в этих военных и послевоенных лет пионерлагерях ребят гораздо больше интересовали и волновали кафешантанные куплеты времен коротенького нэповского капитализма. Летние пионерлагеря считались вполне уместной сценой для шантанных припевок. Быть может, огромные волжские закаты и планеты в зеленеющем небе воодушевляли юнцов и юниц, звали их на Запад, откуда в голодные годы шли к нам корабли ленд-лиза. Атлантика кружила головы нескольким поколениям красногалстучной пионерии. Официальные патриотические песни недавней войны оставались каким-то нейтральным фоном. По-настоящему их увлекало то, что пробиралось к ним вслед за тревожными закатами, то, что соединяло их с другой, неведомой эпохой.

Вот несколько песенок тех времен:

На корабле матросы ходят хмуро.
Кричит им в рупор старый капитан.
А юнга Билл тоскует по лазури
И проклинает дьявольский туман.
На берегу осталась крошка Мэри,
Она стоит с сосисочным лотком,

И вот в разлуку до конца не верит,
И закрывает глазки локотком.
Вернулся Билл из северной Канады.
Он научился там хлестать вино.
Служа в охотничьем своем отряде,
Он позабыл про девичье окно.
К нам в гавань заходили корабли,
Стальные корабли, владыки мира.
Матросы на вельботах к нам гребли,
Провозглашая доблесть канонира.
Был стол накрыт волшебный, будто сон,
Богат вином и полон смачной снеди.
Там появилась Линда Сильверстон,
И канонир назвал ее Май Лэди.
Вот тут ворвались, опрокинув грилл,
Шесть богачей, свирепых, как атиллы,
Но канонир сражался у перил,
И Линда в этот миг его любила.
Девушку из маленькой таверны
Полюбил суровый капитан,
Девушку с глазами дикой серны,
У которой гибкий нежный стан.
И с тех пор с весенними ветрами
Из далеких и богатых стран
Грузный бриг с богатыми дарами
Приводил суровый капитан.
И она с улыбкой величавой
Принимала ласку и привет,
Но однажды дерзко и лукаво
Бросила безжалостное «Нет!».
В Кейптаунском порту
С какао на борту
«Джульетта» свой чинила такелаж.
Но прежде чем уйти
В далекие пути,
На берег был отпущен экипаж.
Идут, сутулятся
По узким улицам,
И клёши синие колышет бриз.
Они ушли туда,
Где можно без труда
Найти себе матросский парадиз.
Пора рассеять сплин:
Ведь с нами Мэрилин,

Стройнейшая из стройных диких серн!
Она куда ни кинь,
Богиня из богинь!
Вались в любую из ночных таверн!
Течет толпа фланёров,
Показывает норов,
Дымит ночной угар.
И что б ни говорили
О баре «Пикадилли»,
Но это славный бар.
Но ад ли это, рай ли?
Сигары, и коктайли,
И кокаин подчас
Разносит Джонни кроткий,
И денди, и кокотки
С него не сводят глаз.
Но Джонни, он спокоен,
Никто не удостоен.
Невинен алый рот.
В рожденном им пожаре
На Пикадилли, в баре,
Он холоден как лед.
Но тонки льдинки эти,
Однажды на рассвете,
Тоску ночей гоня,
Бессонницей томима,
Усталая от грима,
Сюда явилась я…
В стране далекой Юга,
Там, где не злится вьюга,
Жил-был когда-то
Джон Грей Богатый.
Он был силач, повеса,
Сильнее Геркулеса,
Храбрый, как Дон Жуан.
При свете лунном кружатся пары,
Бьют тамбурины, звенят гитары.
Денег у Джона хватит,
Граф Грей за все заплатит,
Граф Грей играть умеет!
Нет, он не побледнеет!
Граф Грей всегда румян!
Рита и Крошка Нэлли
Пленить его сумели.

Часто в любви он клялся двум доннам,
Часто порой вечерней
С ними он открывал в таверне
Бал до утра бессонный
В ритме неугомонном,
В танго вращая донн.
В бананово-лимонном Сингапуре
В бурю,
Когда под ветром клонится банан,
Вы грезите всю ночь на волчьей шкуре
Под вопли обезьян.
И нежно вспоминая
Иное небо мая,
Глаза твои, и жесты, и мечты…
Вы плачете, что песня не допета,
Что это, это, это
Унеслось в бездну…
Когда в море горит бирюза,
Моряк, бойся дурного поступка…
У нее голубые глаза
И дорожная серая юбка.
(завершение отступления о пионерлагерях)

После войны, возвращаясь из лагерей, загорелый и промытый волжской водой, Акси-Вакси с унынием ощущал тесноту семейного жилья. Появление, вернее, возвращение большого мужского тела, казалось, уменьшило квадратуру и кубатуру. Рост детских тел, и в первую очередь самого нашего героя, тоже способствовал этому процессу. Конечно, в годы войны шли и обратные события: дядю Фелю, как мы знаем, увезли на Дальний Восток, бабушку Евдокию Власьевну в 1942-м после перелома шейки бедра и последовавшей «круппозной пневмонии» проводили туда, где никому не тесно, однако в те времена, когда чуть ли не каждую неделю под все ту же кровлю подселяли эвакуированных, трудно было считать квадратуру и кубатуру. Плюс ко всем этим людям следует, разумеется, присоединить внезапно появившуюся сводную сестру Маечку Шапиро.

Одна сцена, связанная с ней, навсегда укоренилась в памяти Акси-Вакси. Вечер, тлеет вполнакала лампочка над накренившимся круглым столом. Разные люди утвердились каждый за собственным уголком, если можно так сказать о площади круглизны. Акси-Вакси рисует в тетрадке корабли очередного «северного конвоя». Они похожи на большие дома, хотя и с пушками. Однако немного горят. Впрочем, «фрицы» тоже горят, падая с неба в ледяную голубизну. Майка зубрит

анатомию, кости. Бормочет: «Как на лямина крибroза поселился кристом галли, впереди форамен цекум, сзади ос горизонтале…» Ленинградка тетя Ната разложила перед собой свое спасительное вязанье. Рядом с ней и напротив Майки сидит недавно и ненадолго подселенный энкавэдэшник лейтенант Виктор Кторый. Подстелив руководящий орган, он разбирает пролетарское оружие, пистолет «макаров». Вещь почти такая же ударная и хитрая, как изучение скелета. На газете в сальных лужицах лежат разные бойки, пружины, предохранители и четвертинка подсолнечного масла. Собрав все это в обратном порядке и протерев оружие тряпицей, Виктор засовывает шпалер в кобуру. Сам он довольно долго сидит без движения и смотрит на оголенный локоть первокурсницы. Потом встает и заходит за спину девушки Шапиро. Смотрит теперь на ее золотистый затылок. Нежная шея от некоторой подбритости вверх стала еще нежнее. Майка уже задницу отсидела от зубрежки. То и дело меняет изгиб спины. Кторый наблюдает эти движения, отдаленно напоминающие раздевание. Наконец не выдерживает, сгибается и впивается в девичью шею своими красными губенциями, ну и заодно красненьким носопырой, через который, спрятавшись за штору, втягивает он какой-то белый порошок. Майка испускает вопль и пытается вырваться, но он ее не выпускает, держит за плечи — ну что вы ждете от энкавэдэшника, который через день выходит на суточное дежурство с применением «активного следствия»?

«Кторый, сукин сын, отпусти!» — отчаянно визжит наша москвичка.

Тот мычит, не желая расстаться с ее шеей.

Из-за своих перегородочек выскакивают старшая тетка Ксеня и ее дочь, тетя Котя. Первая, ни слова не говоря, начинает хлестать полотенцем портупейную спину. Вторая с партийным чувством делает гаду выговор: «Что же вы, товарищ Кторый, так распоясались?»

Тетя Ната, зажав уши, выкрикивает: «Позор! «Позор!», с каждым повтором этого слова все больше уподобляясь ленинградской сирене.

Акси-Вакси, забежав со спины, тянет позорника за поясной ремень. Его влечет к себе кобура, в которой исчезло командирское оружие. Вот сейчас бы тяпнуть у него пушку и закопать где-нибудь во дворе. Пацаны во дворе говорят, что за потерю табельного оружия командирам полагается расстрел. Вот пусть расстреляют этого Которого, тогда поймет, чем занимался в семье.

Тут Майка, которая не переставала лягаться, угодила

насильнику пяткой в определенное место. Тут тот уже не смог не выпустить ее шею из своего рта и не взвыть на манер своей круглосуточной клиентуры. Зажавшись в согбенной позиции, он отчимчиковал к своему тюфяку, рухнул и сразу заснул.

Кажется, через месяц лейтенант получил какую-то жилплощадь и растворился в толпе трамвайных пассажиров.

К концу войны эвакуированные разъехались по своим освобожденным и разблокированным городам. Квартира № 1 в доме № 55 по Карла Маркса более или менее отстоялась и устоялась. Спальные места у всех утвердились, за исключением раскладушки Акси-Вакси, которая по воле своего хозяина частенько перемещалась по комнате: то вплотную к диванчику Галетки, чтобы поговорить с ней о романах Алексея Толстого, то поближе к радиоточке, чтобы послушать передачу «Клуб знаменитых капитанов», то просто так, головой под стол, то наоборот — головой наружу.

Что касается общей гигиены, то она, в общем-то можно сказать, пребывала на опрятном уровне. Когда были маленькими, купались или в эмалированных тазах, или в цинковых ванночках. Труженица тетка кипятила большие кастрюли воды на двух семейных примусах и двух электроплитках. Кипяток сливался в тазы и ванночки и разводился водой из-под крана, которая считалась в городе едва ли не второй в СССР по качеству чистоты. В эту смешанную воду загонялся, скажем, маленький Акси-Вакси. Тетка начинала мочалкой тереть ему одну ногу. Помыв одну, отступала на шаг: «Ну, Ваксик, скажи, какая нога тебе больше нравится?» Он показывал на несравнимо более чистую ногу. Тетка счастливо смеялась. Похоже было, что она относилась к нему как к собственному сынишке.

Повзрослев, он стал иногда посещать баню. Городская баня № 4 была в получасе ходьбы, за площадью Свободы, на улице Красная. Построенная на дерьмовом цементе в манере конструктивизма с широкими квадратами окон, закрытых непрозрачными стеклянными кирпичиками, она производила весьма сумрачное впечатление. При подходе к этому сумрачному впечатлению иной раз никого не было видно, что означало, что очередь в достаточной степени невелика, чтобы поместиться в зале ожидания и на лестнице четырех этажей. Мерзейшим потом и слежавшейся в складках телес гнильцой попахивало по всем извивам этой внутренней очереди. Потом, впрочем, всякий сочлен очереди привыкал, особенно если книжка была припасена захватывающая, ну, скажем, «Аэлита» или «Гиперболоид инженера Гарина». В другой раз уже на площади Свободы стыдливо торчал хвостик очереди, стоящей на Красной, и это

означало, что простоишь там в два раза больше часов, чем в первом варианте. Зато очереди во внешней части были не столь вонючи. Особенно в прохладную ветреную погоду.

Полный кобздец для очереди наступал тогда, когда в баню пригоняли воинскую команду. Еще издали раздавался мерный чугунный шаг, потом доносилась чуть менее чугунная песня:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица.
Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир на смертный бой
Летит стальная эскадрилья.

С этой песней бухали батальоны всех родов войск, не обязательно ВВС. Но все-таки преобладали летуны из расположенных в центре города спецучилищ. В их строю однажды Акси-Вакси заметил бывшего соседа Бобу Савочко. Даже и в форме тот старался подчеркнуть особенность своих вкусов: пилоточка сбита набок, ворот гимнастерки расстегнут, рукава подкатаны. Не обращая внимания на скопление людей, команда проходила в баню без очереди.

Однажды в конце банного дня, совсем уже измаявшись от желания помыться, мы, наконец, с двумя дворовыми пацанами ворвались в моечный зал и помчались с шайками к источникам воды. Оставалось не больше получаса до закрытия почтенного заведения, а надо было хотя бы дважды с мылом помыть башку, чтобы ликвидировать всякую опаску со стороны ползучих паразитов.

К душевому сектору лучше было не приближаться. Там под шестью сосками собралась толпа здоровенных парней с одинаковыми наколками на всех ягодицах. Там фигурировали кошка с мышкой. При малейшем движении дорогих каждому военнослужащему кругляшей получалось, что кошка хватает мышку, а та, в свою очередь, от нее убегает.

Парни гоготали над чем-то очень сальным, что находилось в центре их круга. Там происходило что-то недоступное для постороннего взгляда, тем более взгляда штатских подростков. Сквозь гогот слышались возгласы: «Дави его, хлопцы! Тяни его на кутак!» Оттуда доносилось какое-то кудахтанье, перемежающееся чувственными возгласами непонятного нам типа.

Под влиянием типичного дворового любопытства мы подошли поближе, однако один из ребят, а именно Валеев, сказал, что надо подальше от этих воинов держаться, а то затащат

в свой круг невинных мальчуганов и употребят. Вообще, ребя, надо поосторожнее держаться в городских банях массового предназначения.

С приездом дяди Фели мы стали посещать горбаню почаще и всей семьей. Тетя Котя и дядя Феля по-комсомольски хохотали, называя это «культпоходом». Надо сказать, что этот поход проходил в стороне от массовой помывки, а как раз напротив бронировался отдельный довольно-таки просторный семейный номер. Таких номеров было, кажется, двенадцать в бане № 4; все одинаковые, с серыми стенами, то ли украшенными, то ли обезображенными повсеместными подтеками и даже с некоторым количеством плесени по углам. В предбаннике там стояли табуретки и торчали крючки для одежды. В моечной половине имелись два лежака, порыжелая ванна и один сосок душа; вот так, в общем, неплохо.

Обычно за билетами в эти «семейные номера» стояла очередь, не столь длинная, как в массовку, но еще более продолжительная. Вперед семейство высылало Акси-Вакси, и он шел туда с Алексеем Толстым. Поскольку двумя самыми любимыми авторами были Лев и Алексей Т., у меня иногда возникало ощущение, что все писатели в нашей стране имеют какое-то отношение к Толстым.

Сначала появлялись Котя и Феля. Не глядя друг на дружку, они деловито проверяли, все ли на месте: мочало для грубого моряка, губка для нежной дамы, куб бельевого мыла и малый слизнячок клубничного, березовый веник и вафельное полотенце со штампом ТФ — все было на месте, но они все это медленно проверяли, чтобы показать, что они идут именно мыться, а вовсе не жаждут остаться вдвоем. Однако каждую минуту им становилось все больше невтерпеж — до дрожи! Не успевала уборщица со шваброй выкатиться из номера, как они устремлялись внутрь и захлопывали оцинкованные двери. В первые минуты еще могла прозвучать лирическая песня в кошачьем исполнении:

Милый друг, наконец-то мы вместе…

Ты плыви, моя лодка, плыви…

Сердцу хочется ласковой песни…

И любезной, большой любви…

Не совсем уверен, что правильно разобрал все слова этой большой лирики — иногда казалось, что вместо «лодки» плывет «пилотка», а «вместе» рифмуется с «местью», — во всяком случае, песня вскоре гасла, и под рев отвернутых кранов разгоралось что-то невероятное.

Через некоторое время подгребала остальная часть семьи

Котельников: тетя Ксеня Ваксонова с Галеткой и Шуршурчиком. Женщины размещались рядом со мной на скамье ожидания, и втроем начинали обсуждать сложный вопрос: кто важней для современной литературы — Лев или Алексей. Шуршурчик с его постоянным напыщенным видом уходил в глубину и там на выбор подходил к калекам Великой Отечественной войны. Доносился его басовитый детский голосок, обращенный к инвалиду: «Товарищ, вы на каком фронте сражались?»

Через несколько десятков минут дверь номера отворилась и оттуда вырвался клубок пара, похожий на угловой персонаж с гравюры XVI века, — мгновенно испарился. Послышался веселый голос дяди Фели: «Заходи, команда!»

Заходим все. Тетя Котя, поглядывая на подростка, заправляет свои грудки в бюстгальтер. Сотрудник Верховного Совета не спешит облачаться в свою военно-морскую одежду. Уподобляясь атлетической фигуре с античной вазы, он передвигался по предбаннику и пружинил мускулатуру. Делал вид, что вовсе не демонстрирует свой до чрезвычайности крупный и до сих пор еще полунапряженный член, то есть, как Акси-Вакси недавно прочел в энциклопедии, фаллос. Это слово в фонетическом смысле представлялось мальчику каким-то мощным волосатиком с задумчивым лицом. В прямом смысле он, фаллос, или фуллюс (в старинной энциклопедии это слово было немножко закапано свечой), представлял из себя мощное оружие вчерашнего воина, что-то вроде береговой артиллерии. Мальчику в такие моменты иногда казалось, что фигура дяди Фели представляет из себя некоторую преувеличенную диспропорцию. Вот посмотрите на мраморного Аполлона: его пупис свисает между стройных бедер, представляя вполне умеренные пропорции. То же самое мы видим в гениальной фигуре Давида из Флоренции. В тысячах других античных или библейских фигур. Акси-Вакси был весьма озадачен этими несоответствиями: если бы у этих героев фаллосы соответствовали размерам дяди Фелиного, то есть феллиниевского калибра, они никогда бы не смогли спрятаться за фиговым листом; что же это значит, товарищи? Вдруг осенило: да ведь наш-то герой предстает перед семьей после часа упорной и вдохновенной работы, он еще не остыл, он весь еще полон мужества, вот пройдет какое-то время, какая-то ночь, и все успокоится, и, когда заведующий отделом информации займет свое место в огромном кабинете, примет вполне скромные античные или библейские размеры и очертания — с мечтой о последующем подъеме, конечно. В каком-то смысле эта последовательность напоминала мальчику стишок из «Кондуита и Швамбрании»:

Ура! Ура! Закричали тут швамбраны все!

И упали: Ту Ба Риба Се!

Но никто из них не умер! Они все спаслись!

Они всех вдруг победили и поднялись ввысь!

Продолжая двигаться по предбаннику, дядя Феля упорядочивал березовый веник. Потом провозглашал в адрес подростка: «Ну, орел, пошли постегаемся!»

Я очень не любил это слово — «орел», оно мне всегда казалось каким-то фальшивым и неестественным в адрес пацана. Вот недавно мы возвращались всей котельниковской семьей из бани, вошли в сад и увидели кучку пацанов во главе со старшим киномехаником Шраней. Они оттопыривались вокруг турника. Иной раз по трое там подвешивались и принимали обезьяньи позы. Дядя Феля им тогда крикнул: «Ну, орлы! Вот орлы! Посмотрите, какое орло!»

Он явно хотел, чтобы его пригласили покувыркаться. Вместо этого вся пацанва спрыгнула с железного лома, ощерилась и со свистом, издевательски заголосила:

Мама, я летчика люблю!

Мама, за летчика пойду!

Летчик делает зарядки

И трендит без пересадки.

Мама, я летчика люблю!

Мама, наш летчик генерал!

Мама, он Котьку доставал!

Он себе устроил жёнку

И поставил на снабженку.

Мама, он «дуглас» оседлал!

Мама, наш летчик Мясопьян,

У него подвеска как наган!

Он герой страны могучей,

Он меня прикроет тучей!

Мама, он Котьку под баян!

«Орлы» кружили вокруг нашей семьи, а особенно вокруг дяди Фели, с похабными жестами и с уханьем, а тот стоял, покачиваясь, заткнув глаза бугорками ладоней и бормотал безадресно и отчаянно: «Какое кощунство! Экое ехидство! Я утону в пузырях клеветы! Котя исчезнет в сливах нечестивости!»

Тетя Котя громко рыдала, неспособная оправдаться. Тетя Ксеня, одолжив у «флигельских» метлу, налетела на хулиганье. Акси-Вакси как обладатель мирового рекорда в спринте готовился к скоростной атаке на подзуживателя Шраню. Пускай он закроет предо мной двери «Вузовца», скоро я получу секретную стипендию ЦК комсомола и тогда буду водить Стеллку Вольсман

в «Электро». В это время во дворе появилась чета Чечельницких с помойными ведерочками на выброс. С большой симпатией они подошли к Феликсу Котельнику и пообещали распорядиться об аресте всех провокаторов и хулиганов.

Это был первый удар по гармонии нашей семьи. Впоследствии тучи стали сгущаться. Увы, так бывает: подонческая кодла может расшевелить мнимых ревнителей морали. Во дворах стали, поджимая губы, говорить о романе Констанции с Мясопьяновым. Вспоминали, как генерал с лампасами подъезжал на «Виллисе» к нашему дому и увозил Констанцию к себе. Какая беспринципная особа, ее муж сражался на тихоокеанском бассейне, а она, вертихвостка, употребляла американское виски.

Дядя Феля крепко страдал: ведь он был моногамом и не представлял себе, что его любимая и законная уединялась со здоровенным мужланом, к тому же еще героем «воздушного океана». Они почти перестали разговаривать друг с другом, а панцирная сетка скрипела в ночи с некоторой остервенелостью. Он часто думал о канве своего будущего поведения. Иногда мелькали мысли о дуэли с Мясопьяновым, но он со стыдом их отвергал: коммунистам неслед даже думать о дворянщине. Однажды он пошел посоветоваться с четой Чечельницких. Дверь ему открыл слуга и тут же выставил на лестничную площадку: приказано не принимать.

Акси-Вакси почти постоянно сопровождал дядю Фелю, потому что боялся, что тот бросится под трамвай. В то же время он глубоко сочувствовал генералу Мясопьянову. Потерять такую женщину, как Констанция Котельник! Это почти все равно, что для д'Артаньяна потерять Констанцию Бонасье! А может быть, в этом деле таится и драма более крупного калибра? Этот славный авиатор и драматург, который по долгу службы приземляется на всех театрах военных действий и везде с горечью вспоминает наш город, где его посетила такая исключительная любовь! Должно быть, на каждом из этих театров он пересаживается с транспортного самолета на боевую «кобру» или «спитфайер» и, словно Лермонтов на Кавказской войне, играет со смертью, бросаясь в гущу «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». Держитесь, Иван Аскольдович, ведь победа не за горами, это говорит вам сын невинно пострадавших родителей, которого вы когда-то покачивали на своем стальном колене! Постой, постой, пацан, что за странные бамбасы ты нафантазировал, ведь война-то давно уже закончилась!

Интересно отметить, что эти «бамбасы» были не так уж далеки от реальных событий в жизни Ивана Аскольдовича. Не так давно генерал был вызван на закрытое заседание

парторганизации штаба ВВС СССР. Там при всем честном народе, то есть при коммунистах родины, была оглашена докладная записка отставного лейтенанта Тихоокеанского флота, ныне заведующего отделом информации ТАССР Феликса Котельника. Он писал: «Родина, мать моя, стальные рыцари коммунизма, сердце мое изнывает от горечи и тоски! Не могу себе представить, что герой моей юности, первый Герой Советского Союза, мог посягнуть на честь моей супруги, вдохновенной комсомолки и преданной коммунистки Констанции Котельник…»

Собрание предложило Мясопьянову высказаться по существу. Тот взгромоздился, седоватый, с горькой линией вдоль щеки.

«Друзья мои, экипажи Второй мировой, — сказал он, и все участники собрания затрепетали от такого некоммунистического обращения; ведь все в этих экипажах любили Мясопьяна и не желали ему беды, все, кроме генерала Заплечненко, который мечтал занять его позицию. — Я знаю, что мне грозит развенчание за аморалку, — продолжал он. — Однако позвольте мне сказать, что мои отношения с Котей Котельник не имели отношения к аморалке. Пилоты и наземный персонал, ребята, они имели отношение только к любви, к любви и любви! Я хочу протянуть руку канониру Феликсу Котельнику как мальчику, влюбленному в Констанцию, урожденную Ваксон! Только зануда и балбес может остаться равнодушным к ее великолепной прелести. Все члены любого поэта, патриота и авантюриста содрогнутся пред этой прелестью. И даже если меня на рассвете комендантский взвод выведет на расстрел, я, глубоко вдыхая последние порывы ветра в моей жизни, буду беспрестанно повторять: «Котя Котельник, Котя Котельник, Котя Котельник, ты — моя звезда!»

Говорят, что его исключили из партии, но зато наградили второй «Золотой Звездой», говорят, что он также получил медаль «Пурпурное сердце» от Конгресса США, Рыцарские подвески от Букингемского дворца и орден Почетного легиона от Пятой республики. Далее нечеткий текст: говорят, что он все-таки был расстрелян комендантским взводом дивизии имени Дзержинского, но, с другой стороны, говорят, что он угнал дюралевый многомоторник времен первой пятилетки и приземлил его вместе со своей семьей, то есть с шестью медвежатами Мясопьяновыми и медведицей Люхтерзак Иоанной Генриховной, на территории неприступной Лапландии, где ему выделили фиорд для проживания жизни и сочинения драм.

Дядя Феля взялся выпивать. Акси-Вакси, Галеточка и Шуршурчик стали за ним приглядывать: нельзя допустить, чтобы такой великолепный человек стал жертвой обыкновенного

алкоголя. Частенько в конце рабочего дня они приходили в Верховный Совет, чтобы сопровождать отца семьи под видом познавательной прогулки. Так, один раз они зашли в краеведческий музей, в котором директорствовал одноклассник и друг Жени Гинз (в 1937 году на очных ставках в НКВД он играл активную роль свидетеля). И вот так получилось, что, когда явилась сюда котельниковская гурьба, с ними энергично столкнулся директор-свидетель. Дядя Феля сделал вид, что не узнал его, хотя когда-то они были вместе инициаторами норм БГТО. Директор, однако, дружески замкнул его локоть на свой замок, чуть-чуть прижался, дохнув приторным ликерчиком, и повлек всю компанию по пустынным залам, в одном из которых стояла огромная, как «Студебеккер», подлинная карета Матушки Екатерины Великой. Акси-Вакси вообразил, какой длины был весь экипаж, то есть вкупе с упряжкой из шести лошадей, — тут и двумя «Студебеккерами» не измеришь!

Гигантизм был, очевидно, коньком казанских коллекционеров. В соседнем с каретным зале была вознесена на подпорках не вполне даже вероятная Царь-рыба, отчасти напоминающая больших волжских белуг, но во много крат их превосходящая. Директор тут конфиденциально поведал Феликсу, что эта особь была найдена на плесе у острова Маркиз почти одновременно с обнаружением царской кареты. В этот момент один из его глаз сверкнул каким-то странным огоньком.

Прощаясь, он спросил с еще большей конфиденциальностью, шепотком: «Как там Женечка, пишет? — И, не дождавшись ответа, проговорил уже громко: — Привет товарищу Динмухамедову!» Уходя, дядя Феля еще долго тер рукав своего кителька, как будто измазался в сладчайшем ликерчике. Акси-Вакси никакой подоплеки в этой встрече не почувствовал, хотя и ему показалось, что он в чем-то измазался.

Между тем, пока они шли по улице Чернышевского к Лобачевскому, чтобы в конце концов достичь Карла Маркса, сложные мысли посещали его сознание. Ну почему два таких отличных человека, как дядя Феля и генерал Мясопьянов, не могут жить в дружбе совместно с тетей Котей? Не решаясь задать такой вопрос, он все-таки осторожно спросил, сколько друзей было у императрицы Екатерины Второй.

В этот момент они приближались к дому. Еще издали они все заметили странного человека. Они заметили на нем немецкие обуцкие обноски и яркие трехсторонние штиблеты, а вслед за этим трехкратные пиджаки и двухсторонние гольф-кепи.

«У императрицы Екатерины Второй были… — и дядя Феля схватил за руку равнодушную руку Акси-Вакси. — Боже мой, да

ведь это же мой племянник из Большой Анти! Кажется, Сережа коки-маки!»

И тот заплясал посреди улицы.

И вот пошли мы всем семейством в баню. И вот сим мифом заплясали в коки-маки! Они пошли уже всем дядинским кругоераком, заплясали перед большим-антинским запрозаком; ну, что бы вы хотели, — танцуйте, как бы вы хотели! Дядюшка Феля и племянничек Серега клялись друг другу похмельем. Феликс Неугомонный клялся тому впотьмах, что Констанция клялась ему во всеуслышание в любви, а вот подвернулся генерал, и разрушилась вся его любовь. Серега, который прошел всю Германию под лозунгом «Мстить!», рассказывал одному, как они врывались в маленький городок и как в женском семействе командовали старшей: «Ду, фрау, воук!», а той, помоложе: «Фрау, стан авэк муа!» И как они обе царапались. Ну а девчонок потащили за собой, вот так-то, вот так-то, вот так, в общем-то! Ну а потом перегоняли его танковую бригаду на Дальний Восток. Там в город Дайрен была введена его танковая бригада. Пошли с офицерами вечером погулять по улице красных фонарей. На каждом доме висели вывески: «Гуй гогогой пыйзду малэнки бутту асторожнааа!» Затем входили в большие магазины, осторожные продавщицы стояли вдоль рядов как привычные, их тягали, тащили, тянули их по одной, закрывали двери; потом открывали и тряпки шифонные затаскивали в рот; ну, чего там втискивали тама, они там бегали, испускали вопли, вот это так все устроено — тащи вперед! Потом выходили с огромными портфелями, с чемоданами, запихивали в танки…

Вот в кабинетах отцы-пространщики привязывали к ногам табели-о-рангах, а ребята бухались, и дрожали, и отвлекались понемногу. Гляжу, на ногах по три пары часов, а на ногах по две пары часов, а на часах на брошюретах — одна сплошная комбинация в духовно-борческих комбинационно-благодеятельных, а ноги у них дрожат в духовно-борческих, и все там у них дрожит, и все там у них дрожит, как будто никогда не ведали они ночных канделябров.

Акси-Вакси не пошел в банный зал и ждал, когда выйдут мужчины. Дядя Феля вытащил оттуда дядю Сережу, и тот потащился вперед, влепляясь в стенки и размазываясь по полу. Отцы-пространщики хватали его за руки и за ноги и втаскивали его в пустую комнату. Там он оттаивал, блевал, что-то неясное созерцал, игогошно что-то блеял, и мы оставили его там: иначе он не дойдет.

Дядю Фелю я еле тащил на себе, пробираясь через площадь Свободы. Он останавливался возле каждой водопроводной трубы-

раздробления и подолгу стоял там, то запевая песню, то затыкаясь встык. Вдруг навстречу нам со свистом прилетела тетя Котя, она схватила дядю Фелю за руку, закинула ее себе на спину и повлекла его назад в свою квартиру. Дядя Феля отпихивался от всех, а потом вдруг запел что-то вдохновенное, что-то патриотическое о любви, отгоняя от себя что-то фосфорическое и вдохновенное о тете Коте.

Наконец все уклонилось, все, что связано с любовью к тете Коте. Дядя Сергей уехал в Большую Атню, а оттуда один раз приехал в лапсердаке, и больше уже ни о чем не увиливая, а также в галошах и в жалком портфеле, а также в многонациональном гольф-кепи, уже дважды перепаханном сапожищами трактористов. Уже дважды в Верховном Совете ТАССР состоялись танцы по случаю Октябрьской революции. Дядя Феля и тетя Котя нежно скользили под звуки танго. Ах, Котька, нашептывал ей на ухо супруг, у меня уже на обеих туфлях нарастают значительные заскорузлости. Ах, Фелька, нашептывала ему супруга, подожди еще малость, и Майка нагрянет на нас с большущим запасом репараций.

Майка писала им из Германии, как получилось, что все так получилось. В 1943 году она вернулась из Казани-Булгар в Москву. В Трехпрудном переулке ее комнату-коммуналку захватили уже какие-то коммуналы, успевшие оформить документы на неслыханные вольности. Так пошла она по Арбату, не зная, куда сунуться, и натолкнулась на объявление Химико-технологического института. Приемный пункт находился за углом. Она повернула за угол и тут же оказалась в химико-технологическом общежитии. Прошло еще несколько месяцев, и в 1944 году она по соседству нашла там объявление: «Срочный набор в Военный институт военных переводчиков. Срок обучения год с половиной».

Сразу после обучения была объявлена капитуляция Германии. Юную девицу отправили в оккупационные силы, а именно в город Штальке, в районе Дрездена, где старший лейтенант Костомаркин получил задание создать комендантский пункт. Младший лейтенант Майя Шапиро была назначена переводчиком при коменданте Костомаркине.

Ну, конечно, все немцы охотно тянулись при виде молодых русских офицеров. Переводчица Шапиро была похожа на голубоглазую немецкую актрису кино. Омич Костомаркин с его двухметровым ростом тоже был похож на немецкого офицера. Вскоре они поженились. И дальше этот омич пошел собирать огромное имущество из числа опустошенных вилл.

Однажды в Казань пришло письмо: «Прибываем втроем —

Майя, Алла и Алевтин Кастомаркин». Все прибыли на вокзал — Тетя Ксеня, тетя Котя, дядя Феля, Акси-Вакси, Галетка, Шуршурчик. Подошел поезд. В узком окне стояли трое: Майка, Алла (с голой попой) и фриц немецкого городка Алевтин Кастомаркин из омичского селения.

За застольем на Карла Маркса Кастомаркин и Феликс Котельник основательно поддали. «Понравилась тебе наша красавица?» — спросил Феликс. «Хо-хо! — воскликнул Кастомаркин. — Она меня так за палец ухватила, что чуть не отгрызла!» «Да ну вас к чертовой матери!» — махнула на них Майка и тут же вспомнила Борю Бухмистрова.

Ну, в общем, ну как тут расположиться? Ну, в общем, ну как тут со всеми не обмишулиться? На бабушкин сундук, ну, с двумя стульями, уложили Майку и Алевтина. В отдаленный сосуд из двух стульев уложили Аллочку и навьючили на нее два всевозможных одеяния. «Коточка, я тебе обещаю, что репарации прибудут вскорости», — обещала тете Майка. Ну, в общем, было, что Алевтин Кастомаркин в ночную мглу несколько раз вскакивал, прыгал в сапоги и бухал через весь общий коридор, тра-та-та!

По прошествии четырех недель Алевтин Кастомаров в одночасье пропал. С тех пор он исчез из Ваксоновской, Котельниковской и Шапировской, и Гинзов жизни насовсем. Алименты он никогда не платил. Через каких-то омичей или томичей Майка получила сведения о том, что огромное поместье было прибыльно доставлено в те края, где оно и возникло как достояние омичских партизан. Маечка и Аллочка остались вдвоем под эгидой либералов; их в течение летней поры перевели в школьное ненастье в поселке Хорошенское-Настье. Там им выделили шесть комнат, которые надо было скрести от коровьих узлов и козьих горушек. Никто с этим нехорошеньким ненастьем никогда не совладал.

Однажды в самом начале 1947 года у заведующего информационным отделом Верховного Совета ТАССР Феликса Зиннуровича Котельника полностью развалились его флотские ботинки. Полгода назад в глубине Междудворья найден был сапожник, бывший директор обувной фабрики Фахыт Тукаевич, который только что отсидел свой срок за расхищение поверхностного кроя. Феликс Котельник взял тогда больничный лист на несколько дней, а Фахыт Тукаевич взялся за изготовление кожимитовых подошв. Он долго жаловался на недостачу суровых ниток. В конце концов он все-таки обеспечил преодоление недостачи, и дядя Феля отправился на работу веселеньким аллюром.

И вот через полгода срока одним махом отвалились кожимитовые подошвы и скособочились каблуки. Конечно, он мог бы обратиться за помощью к зампотылу Волжско-Каспийской военной флотилии контр-адмиралу Миронову, однако гражданским органам категорическим образом воспрещалось обращение за помощью к военным. Дядя Феля посредством помощи со стороны доктора Шалмана снова взял больничный лист и лег на койку, утеху своих надежд, положив себе на лицо первый том Малой советской энциклопедии.

Все семейство собралось вокруг круглого стола в столовой. Все смотрели друг на друга с вопросом: что будем делать? Все смотрели на тетю Ксеню: что будем делать? Та разводила руками: Сорочку[2] закрыли. Да и продать нам нечего на предмет обувки. Тетя Котя возводила кисти рук к потолку. Что делать? Ленд-лизовские поставки были давно закрыты. Комитеты по распределению поставок со стороны граждан атлантических стран тоже были закрыты. И вдруг тетя Ксеня ринулась за печку, к бабушкиному сундуку, на котором еще недавно ночевали германские молодожены.

Она разбросала до самого дна и извлекла оттуда тяжеловесные ботинки с канадской начинкой. Все ботинки были покрыты толстым слоем смазки. Тетя Ксеня начала снимать с них этот слой и оставлять его на цинковой миске. Потом она стала извлекать двубортными чертами и протирать их до мельчайших качеств все эти свойства. Потом принялась отчищать великолепные качества этих сапог. Наконец она положила их набок и стала их тем же образом отчищать и освобождать огромнейшие печати Британской империи на поверхности подошв. Итак, крупнейшие и прочищенные свойства обуви свисали по обе стороны венского стула. Тетка, пожертвовав одним пикейным полотенцем, облицевала воротники.

Мы все вышли из-за перегородки в их спальню. Акси-Вакси внес стул. Дядя Феля оставил ватную бумагу Четырнадцатого съезда ВКП(б). Мы увидели большущие темные глаза Котельника. А он, не веря глазам своим, не поверил ничему. Где они, эти качества ног? Он отшвырнул эту Малую советскую энциклопедию. Он обхватил эти предметы питания. Он нырнул всеми десятью предметами внутрь. Он быстро опоясал все эти запястья. Он тут же в зеркале увидел огромные красавцы гербов, и тут же он вскочил. С тех пор, по крайней мере около двух лет, акси-ваксоновские предметы обуви стали нести офицера в отставке, а также этнически смешанного героя пролетария, заведующего отделом информации Верховного Совета ТАССР, два этих славных и доставленных через моря предмета ленд-лиза.

Часть вторая

Была когда-то славная школьная книга «Кондуит и Швамбрания», написанная советским писателем Львом Кассилем совместно с его младшим братом Осей. Там на картах, напоминающих очертания здоровых и больных зубов, возникала вымышленная страна Швамбрания.

Очень мало чего осталось в памяти от этой книги, однако кое-что зиждилось в ходе военных действий Первой мировой войны и революционных боев. Вот, например, остатки песенки, сочиненной младшим братом Осей:

Ура! Ура! Закричали тут швамбраны все!
И упали — туба, рыба, се!
Но никто из них не умер,
Они все спаслись!
Они все вдруг поднялися
И помчались ввысь!

Позднее, в годы великих сталинских пятилеток, Ося Кассиль угодил в тюрьму — и без возврата. Но книга все-таки уцелела.

Нам было по пятнадцать лет, когда мы влились в стальные ряды Краснознаменной Волжско-Каспийской речной флотилии. На борту сторожевого охотника мы думали одолеть нелегкое морское ремесло и подготовить себя к школе юнг на суровом острове Валаам. В дальнейшем оказалось, что наш отряд надолго застрял в бухте штаб-квартиры в Зеленодольске. Мы слонялись вокруг построения кораблей, щелкали на ветру брезентовыми робами, напевали полублатные песенки какой-то морской шпаны и думали, что всем нам здесь может прийти крышка.

И вдруг разразились неслыханные бои по всему периметру всех вражеских действий. Обо всех этих атаках и оборонах будет рассказано далее, равно как и о наших группах, возникших на тысячные километры боев, и идущих за ними боевых конгломератах.

«Эдакую плеяду юнцов взрастили мы в зоне Чувашских Моркваш!» — думал не без восторга капитан второго ранга Сверчков. Он стоял на верхней палубе катера «Знаменательный». Экипаж судна занимал посты по расписанию: кто сидел у зенитной пушечки, кто стоял у главного калибра на носу, кто на корме возлежал на захваченных персидских коврах возле ящика стремительного сброса глубинных бомб, а часть экипажа на одном из подобных ковров отрабатывала приемы самбо. Временами от одного поста до другого проносились вспышки юмора и освежающего смеха.

Кавторанг внимательно приглядывался к юнцам. Все они достигли возраста, когда, можно сказать, забрасывают детство и соприкасаются с юностью; недокормленное комплотство, перекормленное флотство, уплотненный шоковздор! Вот Марик Ратгер, чьи полупудовые гири не сносились еще во все эпохи WW2, и всякий раз они влекут его мускулы к дальнейшим достижениям, а он берет всякую выдержку и даже приседает попеременно на каждой из ног попеременно — вот он каков! Теперь берем Фитьофа Сагбеева с его промороженным взглядом проникающего голубоглазия, где он располагает шахматные фигуры своей игры, — таков Фитьоф! А где же Сережка Холмцев, наш мастер «морского боя» и еще больший мастер радиотехники, способный прослушивать многоступенчатую клавиатуру европейских и атлантических радиовещаний? Вот он — в наушниках — насвистывает тромбоны on the woodchopers' ball! А вот Валера Садовский, у которого с возмужанием прорезался удивительный баритон! Однажды мы все большой компанией смотрели захваченную в трофеях испанскую мелодраму. Там были субтитры, передающие смысл танцоров и певцов, поющих вперемешку с ослом. И вдруг Садовский стал мощно вторить ослу.

Вовк Осиновский, основной стрелок «Знаменательного», с той поры подружился с Валерой. Они вместе ходили на свидания к Оксане, словно Сирано де Бержерак вместе с юношей, в кого влюблена была Роксана. Спрятавшись во мгле, Садовский пел под видом Сирано. Оксана-Роксана задыхалась во мгле: это поет его любовь!

Садовский, сокрытый в трепетании лунного света, до самого конца наблюдал завершение встречи. Ему хотелось почерпнуть до финала смысл их страстей и стонов. По завершении в тени пионерских террас возникали звуки расшатанных панцирных сеток.

Кавторанг Сверчков — между прочим, родной брат инвалида войны — подмечал, что особый восторг вызывала Оксана Крутоярова — между прочим, родная сестра Ольги Крутояровой — в стихотворном чтении бывшего пионера Акси-Вакси. Этот юнец, у которого нередко на лице появлялись блики неумолимого завершения забега, иной раз позволял себе вольность прочесть что-нибудь вроде:

Окси, Катаваксия,
Вспышки огня!
Карабан Галаксии,
Пламя дня!
Ты приближаешься, моя фигня!

Подходишь, Квакси́я!

Кавторанг Сверчков специально отобрал для себя такой экипаж: он знал, что попрут напролом ради одной только девичьей рожи. У него и у самого совсем еще недавно был на грани сумерек хаотический кошмар и бред, когда всем казалось, что подходит конец, и только тогда присутствие Оксаны их всех спасло.

Теперь, когда в междуречье Волги и Свияги разыгралась междоусобица, когда повсюду вились ищейки мощной державы Юга, готовой прервать упорные попытки Севера удержать снабжение, он знал, что следует ополчиться на тех, кто еще не познал войны.

Итак, они мчались прямым курсом на Юг, если следовать по течению Волги. В рулевой будке за штурвалом, слегка приплясывая, несла свою вахту босоногая Оксана Крутоярова. Лихая ритмика охватывала всю команду и прежде всего породнившихся волгарей, готовых вести свой экипаж в глубину расщепительных столкновений.

К нам цеппелин летел с авансом,
Гудел надменною персоной,
Жевал дорогой персимфанцы,
Плевал слюнявостью особой.

И все ребята, с хохотом вообразив надменное чучело, которых немало посшибали, теперь наращивали обороты. Мы перли, чтобы влиться в кильватерный строй Миронова-младшего и подойти к становищу за островом КС-99. Нам важно было доложить командованию, как проходил недавний ленд-лизовский конвой. Несколько наших сторожевиков, включая и «Знаменатель», отметили, что отряд огромных лихтеров и транспортов «блу карго» благополучно преодолел систему Беломора и дальше прошел по «старой гравитации». Днями эти конвои отстаивались в торговых точках под заранее подготовленным камуфляжем. Шли — в темноте.

Сторожевики выполняли свои индивидуальные задания. Они, и мы в их числе, гнали во весь опор по крутому накату водяного потока. В этот раз вокруг нас не было ни единого судна. «Знаменателю» был отдан приказ подвергать обстрелу остатки недавно прорванной паутины дирижаблей. Мы должны были как можно скорее влиться в становище десятков плавединиц ВКФ, включая наши отряды, а также канонерские лодки и мониторы, которые в настоящее время бдительно несли охрану на всю высоту и ширину воздушного столба, вздымающегося над пространством за известняковыми скалами острова КС-99.

Пока что «Знаменательный» мчал на полных оборотах

посреди волжской пустыни. Вдруг с капитанского мостика последовал приказ вооружиться дальнозоркими биноклями. Мы внимательно стали созерцать единственный воздушный аппарат, который появился на огромной высоте и начал медлительную циркуляцию и снижение.

Через некоторое время можно было узнать в этом аппарате преогромнейший гидроплан. Все юнцы, сгрудившиеся вокруг капитанского мостика, пялились в свои линзы, пока вдруг кто-то, кажется, Холмский, не воскликнул: «Капитан, мне кажется, что это не кто иной, как сама «Святая Корова»!»

Еще один круг. Над стремниной Волги с диким посвистом четырех турбореактивных моторов прошел гидроплан с множеством иллюминаторов. Он прошел над сторожевиком и исчез за горами Верхнего Услона. Через десять минут, совершив огромный поворот, он вышел из-за гор и стал заходить на приводнение. Еще несколько минут, и он сел на Волгу.

Он был теперь в полукилометре от сторожевика и полностью отстранял от себя элементарное несходство с Holy Cow; несходство в сторону, перед нами слегка покачивался Air Flight № One, личный самолет Президента Соединенных Штатов Америки. По трапам его опускались группы отрядов «морских котиков», и вскоре он стал похож на окруженный прихвостнями приморский замок. Открылось днище корабля, и изнутри выдвинулась платформа. Главный пассажир, сопровождаемый Генеральным штабом, вышел на помост — высоченный, энергетический и враскачку Дуайт Солю Солюкс.

Он что-то пробормотал одному из своих офицеров и помахал рукой в нашу сторону. Офицер извлек из парусиновых брюк пару сигнальных флажков. Акси-Вакси и Холмский переглянулись — в порхании флажков угадывалась Международная декларация морской стражи. Два друга тут же доложили своему кавторангу: «Они приглашают нас причалить к платформе. Встреча пройдет в неформальных обстоятельствах».

Катер бойко двинулся в сторону причала и в два счета забросил пару канатов. Несколько морских пехотинцев обеспечили быструю швартовку, и катер левым бортом притерся к «Святой Корове». Экипаж сторожевика спрыгнул на платформу и выстроился вдоль причала: Ратгер Марк, Фитьоф Сагбеев, Валера Садовский, Вовк Осиновский, Акси-Вакси-Наш-Поэт, Сережка Холмский, Большие Уши, Оксана и Люда Крутояровы, кок Сверчков и его брат, командир-кавторанг Сверчков, — все выстроились, в общем, в количестве девяти человек; кое-кто в морских тельниках, в штанах из «чертовой кожи», один или двое в боксерских трусах, две девчонки в волейбольных шортиках, кок в

фартуке и кэп в белом кителе с прежней заслугой в виде звезды «Пурпурное сердце».

Оркестр, выпроставшийся через хвостовую турель — тромбон, корнет, сакс-тенор и туба, — заиграл переработанную в синкопе «Процессию» Генри Пёрселла к опере «Король Артур». Все встали. 75 человек экипажа, включая дежурных членов Генштаба, разобрались по порядку. Поигрывая руками и ногами, все представители были похожи на легкую тренировочную команду, готовую отметить двенадцатичасовой перелет из штата Делавер до поворота российского водного потока прямым ходом — на Юг.

Дуайт Солю Солюкс подозвал капитана Сверчкова к себе, и тут они слегка пошептались друг к другу на ухо. После этого Президент оттянул вниз рукава и штанины военно-полевого костюма:

«Дорогие друзья-союзники и командир сторожевика «Знаменатель» (The Common Denominator), мы очень рады прибыть в назначенный час к месту нашей встречи. Образ вашего маленького корабля за последнее время стал символом борьбы за осуществление политики ленд-лиза в ее южном варианте. Имена вашего юного экипажа стали известны благодаря публикациям в нашей прессе от берега до берега.

Героическая роль «Знаменателя» в ходе борьбы против попыток захвата крепости Зеленый Гай путем массированных атак с дирижаблей, некогда принадлежавших ВВС Муссолини, не говоря уже о тысячных атаках парашютистов и торпедистов, грандиозным образом воодушевила приближающиеся к Волге отряды наших тинейджеров. Конгресс на закрытом заседании поручил мне наградить эту вашу девятку орденами США, и я с огромной честью выполняю это задание!»

В этот момент джазовый квартет заиграл на полном пределе своих возможностей пьесу The Sixteen Tons, а также взыграл и Президент: части его тела пришли в движение, он извлекал из разных карманов девять разных комлектов правительственных наград. И всякий раз юнцы, подростки и юницы, получая награды, выкидывали коленца, прокручивались в па-де-де, и далее все пуще пускались и все резче подпрыгивали, и творили сальто и кульбиты, повороты колесом и делали стойку с обращенными к солнцу ногами.

Надо сказать, что весь собравшийся на платформе люд волей-неволей подражал юнцам и делал вид, что они все танцуют джиттербаг на корпоративной вечеринке правительственной администрации. Девушки из «Святой Коровы», то есть машинистки, стенографистки и радистки, кружились с высокими чинами, однако никто из них не достигал таких высот, которых

достигли две сестренки Крутояровы, кружащие босиком среди младших офицеров и младших сержантов стаффа.

Затем из гидроплана вывезли столики на колесиках с утрамбованными составами пива и шампанского. Как это здорово — вот так раскрутиться без всякой помпы, без всякой огласки перед лицом большевистской комендатуры! Вперед, давай крути! В скором времени апофеозная встреча простых людей и начальников перерастет в спонтанную загибаловку простых ребят и начальников отделов! Сборище за островом 99 готово было преобразиться в гнездилище центровых коммуникаций и прямых направлений ленд-лиза, чтобы постепенно в районе Астрахани открыть южное крыло атлантических федераций.

Углубление Крыла и рост Флотилии зависели друг от друга; позднее мы расскажем, как это все выглядело, пока — преждевременно. К прибытию «Знаменателя» в зону огромной бухты Остров-99 там находилось не менее сотни больших транспортных и боевых судов, принадлежащих как краснознаменной КВФ, так и коммерческой Ганзе.

Крупные охотники прослеживали небо и воду. Канонерки меняли смены, облекали кумполы дежурных стальными касками, освободившихся отправляли на плавклубы. Главный калибр флотилии со стальными двуствольными башнями, которые могли поворачиваться на 360 градусов, по две на каждый борт, а всех этих «речных линкоров» в зоне № 99 числилось не менее полудюжины, увлекали очи идеальной воинской дисциплиной.

Корабли ленд-лиза разгружались и ждали команд под покровом камуфляжных тентов. Почти все они были экипированы зенитными установками, а стало быть, были укомплектованы кадровыми военморами, только в штатских куртках. Иные из плавединиц достигали главной базы на Острове-99, находясь в состоянии послевоенных столкновений. Часть бортов волокли за собой шлейфы дыма и беснование огоньков. Под прикрытием утесов они разгружались от раненых. Их заменяли пожарные бригады. На утесах и в маленьких бухточках после долгих переходов моряки устраивали маленькие пикнички. На трех большущих полуразвалившихся дебаркадерах устроены были так называемые плавклубы с государственными и частными мероприятиями отдыха.

В этот бесконечный июльский вечер в бухте президентствовало ажиотажное настроение. Среди многоступенчатой корабельной массы водрузилась величественная «Святая Корова» с открытыми люками, с опущенными трапами, окруженная посыльными и транспортными малыми средствами. Происходила многозначительная

циркуляция, типичная для мощного центра великой страны. Неподалеку от этого центра стояли три военных гидроплана основного конвоя.

Едва мы вошли в базовую бухту и стали пробираться к основному причалу, как на раздвижной мачте Номера Один появился сигнал разноцветными флажками: «Привет героическому борту «Коммон Деноминэйтор»!» Мы все подбросили то, что у каждого из нас было на головах, — мичманки, береты, а те, у кого ничего не было на головах, просто махали пустыми, но веселыми руками и так прошли мимо к швартовым.

Мы выскочили на доски и почапали к дебаркадеру «Йошкар-Ола», где, по нашим сведениям, находились наши подружки из пресловутого пионерлагеря «Пустые Моркваши». Вдруг увидели на кормовой постройке целую толпу американцев, которые все курили массой, создавая над собой антикомариный дым. Им всем после драных, опустошенных российских просторов хотелось в кино.

Мы прислушались и поняли, что очередь стоит на кинофильм «Серенада Солнечной долины», тот самый, что мы еще во время войны смотрели. Когда Шраня в «Вузовце» крутил, мы к нему каждый по несколько раз ходили на всю эту американщину. Мы стали тогда толковать об этой «Серенаде» и так внедрились, что постепенно стали проходить насквозь через все действие. Собственно говоря, в этом фильме были две человеческие массы: одна одиночная в лице норвежской фигуристки на льду Сони Хени и другая более-менее массовая, а именно в составе биг-бенда под руководством Гленна Миллера в прозрачных очках, то есть в составе 30–35 фигур, — американский джаз, которому предстоит покорить мир.

Мы стали спорить о деталях. Вот, например, парни, на чем играет Гленн, если он вообще на чем-то играет? Кто-то говорит, что он ни на чем не играет, а если и играет, то на целом оркестре, то есть как дирижер. Нет, увы, не каждый тут прав в этом утверждении. Гленн задористо еще играет на тромбоне, вот в чем дело. Они встают разом четверо и играют на тромбонах, а потом Гленн играет несколько минут один.

Между прочим, а как назывался весь этот биг-бенд, кто-то помнит? Все переглянулись, и большинство высказалось, что этот бенд так и назывался «Гленн Миллер Бенд». Черт побери, мне пришлось самому высказаться по этому поводу. Этот бенд назывался в начале фильма — «Веселые крестоносцы»!

Тут стали спорить, как проходят через весь фильм две основные человеческие массы: влюбленные и джазисты. Ну,

влюбленных ведет вперед, разумеется, неповторимая Карен из Норвегии. Скольжение ее тела неповторимо. Она ни разу не пылает ненавистью в адрес наци. Даже о гибели ее отца она говорит между прочим. А вслед за ней идет спортивный американец с баритональным голосом блюза Тэд Пэйн. А вслед за Тэдом следует надменная и влюбленная звезда джаза Вивиан в парижских модах и с американской мимикой.

В общем, это не так уж важно, потому что главное течение человеческой массы бурно заключается в свинге всего коллектива, когда они и их слушатели накачивают свою энергию в раскачках «Чаттануга-чу-чу». Сначала мы слышим этот ритм в джиттербаге отельной толпы, когда она ждет и раскачивается, чтобы ринуться вперед, и вот вся толпа бросилась!

Дальше весь этот чечеточник замирает, чтобы набрать силы к репетиции. Начинается враскачку джазовый вокал одного из саксофонистов. Теперь давайте вспомним, как выглядят все эти ребята, какие на них свитера, — с полярными оленями! — какие куртки, пиджачки и джемперы. Саксофонист в бейсбольной кепке с загнутым назад козырьком обходит играющих музыкантов и спрашивает:

Простите, ребята,
Это что, Чаттануга-чу-чу
Приближается?
Все отвечают:
Yes, yes, it is!
And keep your luggage, please!
Quarter to six!

Приближается бурное трио — два брата и сестра Николас. Она выскакивает с зонтиком, а двое парней с тростиками и в гамашах с тэп-дэнсинг штиблетами. Полеты братьев Николас и сестрицы — о, восторги!

После завершения джазовых репетиций на самом деле и завершается весь наш фильм. Дальнейшие одиночные катания мисс Сони Хени никого особенно не увлекают.

Пока мы стояли с толпой заокеанских моряков, произошла смена аудитории. В кинозал прошествовала еще одна толпа, а мы прошли дальше по дебаркадеру в концертный зальчик, где несколько человек играли на гитарах и аккордеоне те же самые американские ритмы. Жара стояла несусветная, и нам всем казалось вздором в такой июльский жароносный день говорить о декабре, который «кажется маем». Все же, тем не менее, мы продолжали спорить о незначительных деталях. Сколько раз Тэд меняет пересадки до вершины горы? Оказывается, три раза! А сколько раз он трахнулся с кресел в ту ночь, когда они остались

вдвоем? Тоже, оказывается, три раза! Оказывается, Голливуд обожает счет на три.

Вскоре вокруг нас собралась толпа как американцев, так и советских. Впрочем, там были еще и британцы, а также и французы. Вскоре кто-то из моряков вынес объявление, где по-русски и по-английски объявлялось, что группа девичьего танца собирается сегодня исполнить феерию танцев под названием «Там за волнами, бурей полными».

«Ха-ха, — сказал Вовк Оссовский. — Держу пари, что никто из вас не помнит, кто в этой «Серенаде» вытащил у себя из-за пазухи белоснежного зайца!»

Мы вытаращились друг на друга. Почти все вспомнили, что кто-то из музыкантов вытащил зайца, но кто?

В этот момент кто-то хохотнул детским женским смехом за нашими спинами: «Ха-ха! Вот балбесы! Никто из них уже не помнит, что белого зайку вытащил Грифти из своей меховой шубы!»

Меня так ошарашил этот знакомый девичий голос, что я не решался обернуться. Девчонка сзади положила мне локоть на плечо и повторила свое предположение, но уже на английском. Я обернулся. Передо мной стояла мисс Вольсман, тудыть-твою-растудыть, курдель-блям-блям, булео-бураго-грум-грум, в танцевальном трико. Она опиралась слегка на меня при помощи одной из своих рук, а другой из своих рук она похлопывала по задку своего янки-кавалера, как будто сошедшего с экрана этой надвигающейся ночи.

«Ты что здесь делаешь, Акси-Вакси?» — спросила она. «Да как тебе сказать, — с ленцой ответил я. — Мы тут напоролись было на отряд кашмирских йогов и никак не могли от них отстать, пока не повязали их в плен. Ну а ты-то чем тут занята, Вольси-Гольси, кроме безмятежного ленд-лизинга?» Она подняла свой надменный носик и опустила свои прикрытые веками глаза: «Ха-ха, Акси-Вакси. — Она прищелкнула ртом. — Неужели ты не слышал про нашу девчачью группу «Там за волнами, бурей полными»? Ведь мы же обеспечиваем интертэйнмент по всем по нашим глубоко проникающим базам лизинга!»

Ёлки, каким упорным контральто была поставлена эта тема! Здоровенные янки затуманивали от меня других пацанок. Однако все же при исполнении молодежных самодвижений можно было разглядеть и Эсфирь, и Алсу, и Сойхо, и прочих знакомых. А наш экипаж основательно подвигнул янки-свист от наших знакоменьких шансонеток из третьей школы. Между тем лидирующая особа Вольсман все продолжала тараторить о своих подвигах. Те, кто думает, что только они захватывают в плен

беспарашютные десанты кашмирских йогов, немного ошибаются. Девчачьи вспомогательные группы недавно объединились, чтобы захватить окруженную группу из Заревшанской долины, известную как «Зарев-яань Куртага Бенклеми». К счастью, нам удалось превратить нескольких заревшанских девиц в плененных участниц нашего ансамбля. Вот сейчас ты увидишь, как ловко они выступают в наших составах.

Кто-то проорал с эстрады в мегафон: «Всех участниц концерта просим взлететь на эстраду!»

Мисс Вольсман, протиснувшись между здоровенным янки и слегка оголодавшим в военные годы простоватым рюсски, предложила Хэнку познакомиться с Акси.

Я на него уставился. Тот дал своей приятельнице хороший старт пинкарем под круглую попку. Черт побери, почему меня не коснулись такие простецкие манеры? После этого Хэнк-Шменк хлопнул меня меж лопаток и что-то пробурчал. У многих янки в этом становище на поясах свисали пистолеты в кобурах.

«Тя-как-звать?» — спросил он на пенсильванском.

«Смотри!» — сказал я ему и кивнул на сцену.

В этот момент ансамбль из пятнадцати юниц рассыпался на пятнадцать отдельных танцев. Каждая юница выкаблучивала по-своему. Одна махнула через плечо. Другая раскрутила третью и выставила ее на обозрение со своего колена. Четвертая крутила маховик, а пятая наслаждалась кульбитами. Шестая вращалась в очаровательном танце. И тэ дэ и тэ пэ… до тех пор, пока мисс Вольсман не пронеслась из глубины к авансцене, крутя увеличенную гвардейскую ленту и одновременно подбрасывая к потолку гирлянду пластмассовых бутылок. Каскад завершился прыжком на раздутые плечи заревшанской княжны, на коих Стеллка утвердилась, словно агрессивная пантерка.

«Хей, бэби! Ю ар свиит!» — испустил вопль некий Хэнк. Акси-Вакси, поймав вопль пенсильванского рудобойца, ткнул ему концами пальцев между лопаток и, дальше добивая молодцеватого, вдарил ему корнем ладони. Заревшанские княжны в составе шести военнопленных, томными кругами очерчивая сценку, гармонически завершали апофеоз волн.

«Чё те?» — спросил шахтерский американец. Цап — и он схватил меня за запястья десятком пальцев. «Что же, бля, откуда взялись у тебя, охлобыстень, черные радуги?» — спросил я. «Хадми, дабми, — пробормотал он, — вдалечь, неспростати, иверни, выверни, хитрый игрень! Пущай всем играет, кто нам знаком!»

На вывернутом всяческом обуялке, посредством вреди кирпичей, на обнищаловке, посреди сред-за-крабами, помси-

драки, за большие утюхи, куда нам деваться, стерлядки наваристой, тащили раскидухой… Парни растаскали в противнях, все те самые, что готовили к столу. Стояли к раскидистому столу, они кричали — давай, к столу, все жареное!.. Тот, кому не хватало, приволокли три ящика, всем на здоровье, давайте пить, и будем, хоть бы хны…

Мы все валялись, всем на загляденье. Дули пиво. Она лежала у меня на плече, и старались всем до конца всем временам, всем останется до временам. Припердилось три члена американской военной полиции. Им поставили три противня жареной рыбы. Они охотно взялись за три тройных рыбы. Потом уперлись три стерляжьих и вечно по делам. От трех несло, а он все нес и нес, и Стеллка отмахивалась от черт знает от кого, пускай летят. Они стали пить постоянное пиво. И мы лежали, обнявшись дурь с дружкой, и понимали черт знает что, мы гладили друг дружку, и тут кто плашмя свалился на нас и чуть не рассыпал на нас великие скрижали волжских едва ли не взятых с ноги, положил по пятам, и мы чуть шли по пятам чуть ли не мало, таскаем вперед, а я Хэнку дал по дупе, и он уже задрых, и я на нем задрых, и она на двоих задрыхла…

Часов в пять я проснулся и увидел, что «Святую Корову» осторожно, еле слышно вытаскивают на сердцевину залива. Поднималась заря. Три заполненных до основания вспомогательных гидроплана решили стартовать. Один за другим они поднялись и стали кружить и так кружили до тех пор, пока вспомогательные круги не перестали кружить, и только после кругалей учинили учиненные ветром и зарей величие кругов, и сразу после учиненных тьматураканных все откидных назад и во главе с Президентом все откинулись наизнанку.

Вся бухта спала, впадая в детство. Все рячились, задрочились, не впадая в детство. Между тем все храпело, не домогаясь отдыха. Между тем на огромной высоте нарастали и разбросаны были повсюду повсеместные и крючкообразные, и повсюду нацеленные твердопланы.

Это было налетевшее тучьё захваченных в гигантских ангарах муссолиниевских и фашистских взятых на пробу своих и чуждых. Огромнейшие во всю пору уже носили враждебные и несущие влекущие малораспространенные, а также готовые к огнедышащим огням и распространяемым по всем уровням вселенским дыханиям.

Между тем полудюженная эскадра речных линкоров уже готовилась к бою. Они распространились по всему параметру кораблей и раскружили стальные пушки, поднятые почти вертикально. По команде они должны были накачать огонь.

Параллельно двигающиеся канонерские лодки готовились уже открыть огонь с неистребимой скорострельной отвагой. Сторожевики все еще болтались, и эти нехватки никак не могли хватиться разболтавшегося безделья.

Моторки и шлюп-боты военной полиции ныряли по всем ботикам и проливам, пытаясь во все силы поднять на ноги военных моряков. Увы, матросы подымали башки и тут же рушились на палубу, не будучи в силах не размазаться по размазанной палубе. Лишь кое-где американские матросы собирались вокруг зенитных орудий и путались скоординироваться для мишеней.

В далекой координации неопределенной трансфаккации между закорючинами цеппелинами еле заметными шмыгали маленькими точками крошечные межцеппелиновые опустошанты с нацеленными клювами.

Уж еле-еле было кое-как поспешно на разных уровнях неба с журчанием почти несуществующим поспешно-манящим разбросанные промеж дюн и почти в несуществующем разбросе латинских букв. Мы обнимались почти латинскими буквами, почти в объятиях. Она трепетала, почти трепеща почти живыми творениями. Она держала своими губами мой сосок и раздувала звонок незрячий. Давайте раздувать налево и направо великолепные раздуваемые пряди. Давайте пусть ползет по ней, будто ползун незрячий.

По сути дела, я и не ведал ничего, что совершалось со мною. Вдали таращился со мною нечто, что раздувается со мною ошеломительной взрывчаткой.

Готово уже, созрело уже и трахнулось повсеместно распухшими нацеленными шарами, раскаленными нацеленными зарядами повсесменно нацеленными и раскаленными муссолиниевскими пыжами. И тут я вскочил и тряс башкою. И все эти бомбы, взрываемые в глубинах свистопляса, с разной мощью, озаряемой свистоплясом, низвергались вниз и сотрясаемой утюжным свистом, с торчащими рожами, свисающими с крыльев, с отделяемыми взрывопакетами, с зависающими враскачку, с летящими в разные стороны, летящими отдельными чемпионо-членами ног — все это было офферiорно!

Она, моя девочка, отскочила от весла и потеряла сознание чувства-самочувствие. Мы несли ее вместе с Садовским за руки и за ноги, влекли ее болтающиеся руки. Ратгер и Одудовский, стоя по пузо в кровавой воде, забрасывали на палубу «Коммон Деноминэйтора» опустошенных и почти бестолковых женских персоналов, и в частности Оксанки, и Эски, и Элиаски, а рядом, между бортами сторожевиков, вращались раздутые, как будто бы

надутые, рухнувшие с неба, с подкрашенными усиками, с раздутыми, то есть пробитыми черт знает чем, набитыми черт знает чем из муссолиниевщины — и вот окончательная битва разверзлась над нами на всех враскачку, на всех пространствах хакси-вахси.

Всех наших девчонок из самодеятельности мы загнали под палубу, и они там диковато ныли «Коимбра — город студентов!» А мы тем временем снаряжали аббревиатуру и готовили удар по военно-воздушным силам. Мы брали с собой и разгоняли вместе с собою разгон всем прихваченным с собой лихим ребятам. Ребятам, что неслись вместе с нами, отдавались приказы по подъему флагманского стяга, флага адмирала Миронова, готового для свежего горна.

Тяжелые крылья цеппелиновой авиации вливались через западные ворота порта. Увы, у западных ворот громоздились, призывая высокие великолепные лозунги: Ля иллах иль аллах! — и вместе с ним шел град революций и хаотическая вакханалия всесильной тревоги, и вслед за ним шли, разъединяясь, вакханалии бесконечной одержимости.

Лишь только раз мы увидели на флагманском корабле шагающего паренька из нашего класса, который трещал по радио и ограничивал приказы по классу. Он хлестал себя по высоким сапогам длинной плеткой и отдавал приказы первой флагманской кильватерной колонне главных кораблей. Три крупных канонира, засовывая в стальные башни свои тела, уже продолжали раскручивать вокруг своих тел стальные обороты своих орудий, а башни, поднимая свои стволы, готовились к залпам, и вот залпы звучали, и грохот гремел вокруг юнца мини-Миронова, и после залпов с верхнего яруса неба рушились на грязные ярусы и расплывались повсеместно разнузданные и неумелые ответы.

Мощно и сильно шли по периферии бухт шмыгающие канонерки. Только две или три из них получили попадания и шли теперь, полыхая пламенем и грохоча тревогой удара:

Там, где пехотой не пройдешь,
Где бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица.

И так шла юношеская отвага, держась за шканцы и зависая огромными стягами, идущими вперед. Охотники, изо всех сил отбиваясь и гремя всей мощью своих скорострельных орудий, описывали круги вокруг своих правомочных судов.

Планеркой кружили вниз на американские огромные годзиллы, пытаясь нежданным стальным ударом озарить небо, откуда повалятся пропаханные части всяческих лиц, летя и

снижаясь с оглушительным свистом.

Не так легко было примирить Южное крыло ленд-лиза и обнаженную непримиримость висящих над пустынями аулов. Там накапливались верхом на лошадях крупные отряды наблюдателей-магометан. У многих на бешметках висели значки ZZ-Waffen. Многие сидели в седлах наподобие индейских всадников, почти не общаясь на человеческий манер. В тот миг, когда появлялись на излучине реки или вдоль каботажного морского направления караваны судов «блу карго», да еще и в сопровождении вооруженных охотников, один из главенствующих вождей поднимал огромный и длинный палец и указывал вниз. После этого патрульная служба начинала утекать все ниже и ниже и пропадала.

В тот час, когда караван останавливался на якорях или на причалах в захудалых поселках, из множества ущелий вырывались все более дерзновенные улюлюкающие удальцы. Все было похоже прямым путем на нападение на «шелковые караваны». Всадники бросались прямо в седлах и перепрыгивали с седел прямо на палубы. Страшные твари с шашками, с двумя кинжалами, с набором гранат, с пистолетом и с помповым ружьем управлялись как надо на палубах и на трапах. Между тем натренированные лошади поворачивали на луговые поля и начинали задумчиво пастись под многочисленными лозунгами сельскохозяйственного животноводства: «Коневоды абазов, лезгин, кавалеры черкесов и балкарцев, возьмите коня за свое социалистическое животноводство!»

Между тем на Покровке в Москве одно из морских руководящих зданий занялось пожаром. Подводный флот задымил на несколько кварталов. Огромный сводный оркестр по двадцать раз в день обходил кварталы и обмороженными губами дудел-гудел: «До свиданья, мама, не забудь, не грусти, пожелай нам доброго пути!» И только лишь флигель речного и морского флота уцелел.

В этом флигеле нетронутым стоит аппарат Волжско-Каспийской военной флотилии. Этот аппарат рассылает отряды своих кораблей в различные центры автономных республик, особенно в Чувашию, в Мари, в Татарию и далее по приказам идущих вниз по Волге ленд-лизовских караванов, все глубже и глубже, к Астрахани, в Дербент, в Махач-Кала, в Баку, в Красноводск, в Энзели и дальнейшие персидские порты.

Движение американских и британских караванов сопряжено с движением ВКФ. Во флотилии, увы, не хватает личного состава. Мы берем во время волжской навигации пятнадцатилетних ребят и девчат. Отпетые парни и девчата из больших университетских

городов выдвигаются вперед в поисках партизанских отрядов из отпетых магометанских кланов.

В горных кланах возникают строительные ангары, битком наполненные колоссальным количеством муссолиниевских цеппелинов, готовых к периодической разгрузке взрывпакетов. (Бульдожистое личико Дуче готовилось к наводнению всех все немыслимых squdrras adzurras для влечения всех этих неповторимых всеевропейских подвесок для будущих ужинов — и баста!) Все прикрылось за счет возникновения неокавказских партизан. Они готовы к пресечению ленд-лизов. У всех этих бывших советских партизан возникает желание рассечения доставок на Юг, где формируются новые пункты формулировки движения нефти.

Москва, еще вчера центр ленд-лиза, уже сегодня поднимает вопросы о прекращении огня. Крупнейшие персоналии бизнеса продолжают еще говорить о распределении разгрузок, однако они, с американской стороны, говорят о том, что мы продолжаем двигаться вперед и формируем построенные в каре полки, готовые к продвижению на Тегеран.

Президент Салюкс ведет переговоры по различным параметрам и интервалам. Наше движение все еще движется вперед, бормочут они. Большевистское правительство все еще держится за снабжение. Сталинз предлагает сократить вооруженное сопровождение путем предохранения военных флотилий. Сталинз любит поглощать что-то боковое, любит поглощать редис; Сталинз не верит держать оборону на пути возрождения сельдерея и прочих овощей по каналам Москва — Волга; следует продолжать развитие плодовитого тархуна, пастернака, того, что не склонит головы перед комсомольским чертыханием чертополоха. Хотели было к чертям сплавить все соусы каспийско-волжско-военной флотилии.

И вдруг вздыбился величественный флот. А величественный дредноут «Цезарь» хранит ниже ватерлинии все свои чертежи. Пусть Петровка полыхает в огне, но своего мы не отдадим! Сталинзу удалось сохраниться в пучине. Ему удалось сохранить в пучинских кочаватах великолепно-тревожные корабли КВФ. Пусть влекут с самых малых морей превосходные икры своих пузырей. Теперь, стало быть, нам стало благороднее и мореплаваннее! До некоторых пор сохраняется флотилия! Пусть идут вокруг Европы огромные циклопы.

Президент Салюкс и созревший в пределах полей наркомхоз Сталинз много раз созревали в пучине отсутствия. Сталинза далеко не всегда долюбливали поставки по ленд-лизу. Салюкс полагался на неоагрессивный и псевдореволюционный блок

военного ведомства КВФ. Второй утверждал, что мы обеспечим в десяти милях от Каспия грозный навал «безбураза».

Салюкс, подыгрывая КВФ и его вице-адмиралу Миронову, изо всех сил сопротивлялся, стремился вдохновенно обеспечить руководство и удары боевых групп. Сталинз, отрицательно влияя на групповые раздольные распасовки, на обсужданцах предлагал ликвидировать основные группы воен-группо-водов и для начала предлагал приступить к очередным групповодческим расстрелам и растяжению жил.

Вот сейчас пришла пора на выдачу различных этнических групп. Групповодческие объемные партсобрания приносили фактические собрания коммунистам, лишившимся конных отар. Гнать на мотоциклах и в «студебеккерах» раннего призыва. Бить палками старух и детство. Гнали огромную толпу, растянувшуюся вперед до переполненных полустанков. Гнали прямых племяшей-балкарцев, чечено-ингушетских борцов за природу прямых выродков, аварцев, лезгинцев, дуй им в дулю, — никому не сохранять овеческого легиона!

А те, кто готовы к прямой пальбе, уходят в глубочайшие пещеры и там возникают готовые к осатаневшей пальбе, и здесь происходят тренировки джигитов, готовых к дальнейшей помыкаловке сотенных и тысячных бойцов.

Интересно, как происходили изменения магометанского сознания, все сгущающегося к Югу. Сапожный сапог готовой к сопротивлению страны был рассредоточен на клановые группы албанцев, боснийцев, гигантских групп египтянских, турецких подвижников, арабских кочевников в одеяниях туарегов. В этой среде во множестве скрывались специалисты по цеппелинам и взрывчатке, которые быстро трансформировались из фацесты, носителей знаков великой империи, в борцов за конденсацию Юга. Вот так возникала борьба.

Не прошло и больше двух лет после подписания массовых деклараций Севера, как прежний ленд-лиз стал превращаться в движение со смещением на Юг. Великая Каспийско-Волжская военная флотилия, ведомая адмиралом Мироновым, стала нести огромную силу прежнего флота. Великий наркомпрос генералиссимус Сталинз был против флотилии. Ему оставалось пройти еще несколько пядей на Юг, и флотилия должна была разделиться на различные группы воинственных деяний. За утренним завтраком с лобио, чурчхела и сациви Сталинз обсуждал вопрос о близкой ликвидации воинского руководства самостятельных флотилий. В этом же направлении шли шаги по ликвидации группировок прежних северных конвоев. «Сталинз, куда ты гонишь свой народ?!» — кричал ему из Вашингтона — а

то и из «Святой Коровы» — Президент Дуайт Сотелекс.

После тяжелого боя в секторе Остров-99 и тем и другим оставалось только лишь подобрать своих раненых в разгаре лета. Один человек очнулся, но не мог пошевелиться. Он не мог даже языком пошевелить. Лежал, распростерт, заброшенный в кустарник. Удар пришелся целиком по боевому борту. И все, кто был на борту, разбросаны были вокруг в кустах.

Носом он ушел в дюны, кормовая часть торчала наружу, с медленно вращающимся винтом. Временами его трепала дрожь. Два джипа-«Виллиса» в касках с надписью «МР» медленно съехали вниз в обход утеса. У них были короткие карабины на коленях. Временами они прицеливались в разбухшие трупы и выбивали у них уцелевшие золотые фантомы.

«Вы посмотрите, Лью и Хью, вот что стало со знаменитым катером «Коммон Деноминэйтор»! — хохотнул тут командир экспедиции, майор разведки Усурч. — Жаль, что отсюда разбросаны были по белу свету несколько классных чувих!»

Тот, с кем мы вместе очнулись, свалившийся в кустарнике, не мог пошевельнуться. Он не мог вообще-то даже и дернуть ногой. Под ребром была ямка с кровавой дыркой, откуда тщилась выпить кроваво-красной жижи какая-то змеюха-медунья. Он не мог и руки-то поднять, чтобы наложить на ямку с дыркой какой-нибудь хлыст.

Таков был мальчик, который жаждал быть жив, — перевертутень Акси-Вакси, который жаждал еще дышать.

Мне так хотелось еще дышать, подумал он, ничего не желая. Мне так хотелось еще косить языком, ничего еще не желая и не вздымая сути, кто я?

Кто был в молодцовщине этой змеиной, кто попытается здесь встать? Ему казалось, что он встает и тут же проваливается на дно, уже оседает, но вот вздымается, как вздыхает без кислорода, это какой-то свой, без ушей, тот, кто не видит ни шиша, тот, кто гонит без всего, но неживучими глазами он крутит, и кто вытрещивается эбуллион, тот, кто ныряет, полный таинственных дум, вот и все.

О, кто ты был, когда забыл про все? Когда не помнил про беды кустарник? Забыл про хрюку-поросену? Не помнил про блажной кошмарник?

Мне помнится, что я уже начал было что-то слышать, то, что наговорили военные полицейские друг другу… Однако я ничего не мог высказать в их адрес, и те, кто проходили мимо меня, не замечали никакого и ничего, и весь тот труп уже видел без дела и без замечания.

Я закатил глаза и увидел вдруг за спинами военного патруля

приближающийся летающий аппарат. Раздувшийся с тремя пропеллерами эл-пэ подлетал все ближе и ближе, а открытая гондола стрекотала все громче и громче, и все шестеро бойцов, оставляя за собой убийственный след, уже поднимали свое оружие для того, чтобы ударить по военной полиции.

Все восемь человек, кто еще был в «Виллисах», хотели было уже прицелиться в военно-патрульную тихоходную полицию, однако все шестеро зашвыряли джипы кругленькими бомбешками, вызвали убийственные взрывы, и только в последний день последний янки успел в последний момент шарахнуть последней очередью по летающим бульдожникам-муссолини, и все уже повалились на берегу, труп на трупы.

…Мне было трудно встать, и я не пытался встать. Пропадая опять в кустарнике и проваливаясь, я пытался встать, но в этот момент несколько ребят из нашей команды, вышвырнутые из «Коммон Деноминэйтора», обваливаясь с каких-то сыпучих дюн, стеная, и свирища, и охая, как будто мы знали заранее, что им вперед надо было знать что-нибудь наверняка из Редьярда Киплинга, а потому ноя и хряпая: «День, ночь, день, ночь, мы идем по Каспию…»

Я видел стенающего Ретгарда, который тащил на спине норманна малышку, которая сунула ему ножку в уютное подмышечное изделие и вспоминала еще замечательное великолепие прыжков с поворотами сильных взлетов — она одна моя краса! Ретгард кричал через кровавое течение смуты, пока еще можно было переступать, воплощая величие Сталинза: «Вовк, ты видишь вокруг других бойцов? Куда они все разбрелись? Где Сагдеев? Где Акси-Вакси?»

И тут я увидел пару бойцов, волокущих понурые бедра: Садовский и Холмский тащились неведомо куда, опираясь на стройных сестер, Ольгу и Оксану, волокущихся прямо и горделиво, в грязи и в слизи. Что будет с нами, мы не дадимся магометанам! Они тащились мимо нашего сторожевика и старались не смотреть на наших двух братьев Сверчковых, которые ползли наверх, ошеломляясь от страха, хватаясь за все возможное и умирая навзрыд.

«А где же наш храбрый Акси-Вакси? — взвыл, упираясь, упорный Вовк Оссовский. — Акси! Вакси! Где ты ползешь? Где ты ползешь навзрыд?»

Я попытал поднять голос, но бросил все попытки в нарастающей тиши. И ткнулся совсем в мохнатую щель камней, в мохноватую тварь, как будто старающуюся вылизать тебя из-за чего-то своим ужасным томом. И рухнул совсем без всякого ответа. Мои и все наши утаскивались, воздыхаясь и больше не

отвечая ни на что. Кто-то падал в глубокие пади и с ужасом воздыхал с ответным изюмом. Все темнели в дали и распалялись. В темноте закованного неба мелькали еще повисшие лампионы, а между ними промежуточно перебегали висящие огоньки.

Неужто мы проиграли крупнейшую битву нашего времени, подумал я. Кто разгромит всю погрузочную артиллерию ленд-лиза? И вдруг ужасающий рев пронесся над всей Калмыкией. Ему хотелось подорваться и сверху, посыпаться сверху, подрывая одиночные взгляды единого плебейского чувства… и вдруг все на смену шли плодотворным началом. Я долго лежал на зеленом правом боку, а после лежал на желто-зеленом левом. Куда мне отправиться вместе с ним, в сплошной отвал?

Все стемнело, и все отчалило вместе со всеми. Я долго тащился, как будто я был не кто другой, как только лишь вожделенный анархический лиромант. Пускай лучше навалит так много, как будто кто навалился в карман еще навалившейся там узловатости лягушек. И можно было еще посасывать по штучке из тех, кого можно было посасывать. Любители неба покидали его навсегда, и вот, покидая его, поднимались и тут получали немного того, что называлось лошашадным. Они обвисали такими, как были они, и нависали тут на однолошадном, и лошади всех утрясали. А здесь он, вожделея, нависая на однолошажие, тащился, надеясь пробраться.

Потом я шел, потерявши сознание, как будто надеялся на шахматный гамбит. Потом я вовсе не шел никуда, а просто сидел между двумя батогами земли. Я просто сидел, никуда не стремясь. Под зад мне подсиживало одно влажное одеяло, с которым я стал все больше вникать совместно, но отстраненно, кого как. От меня шло кровоточие многоточия, и я, кажется, начинал общаться сидеть совместно с яйцами переплетки.

Вдруг я увидел воплощение того, о чем он жаждал быть изначально. Это был монитористый монитор. Шесть пушек следили в обрыв земли. В каменной позе сидел, весь в бушлате и бескозырке, Мирошка. Он пристально следил за мной, и вместе с ним следили за мной два пацана в телогрейках и без рукавов. Вдруг я осознал, что пацаны перед нами не кто иные, как детства пятого-бэ, и нам сейчас предстоит грандиозное бомбометание. Мирошка перднул с веревкой боченой. Пушки громухнули сатанинским свистом и посвистом. Пушки в течение ряда минут грохотали торжественным гадством. Я смотрел через плечо и понимал, что туши снарядов летят навылет. В жерла пещерных скрижалей взлетали вместе и взрывались от бешеных страданий.

Раскалившись до невероятности, пушки теперь сажали тихо и в упор в открытые пещерные жерла, и оттуда шел дым. Выходя из

весомых невесин, выходили из невинных гадов, и кружили к неуспеху и к жажде успеха, и сыпал вокруг по утраченным шипящим, и вот он раскручивался, эх, был-не-была, входя в дремучую дрянь и исчезая до очередной мути моторной.

А кто это был на родной фелюке, кто исчезал и воспарял до очередной дрёхлятины — кто это был? Мироныч при виде снотворца в упор посмотрел на меня и отмахнулся рукою. Сейчас мы подловим его на пушку! Сейчас все трое встали у борта и нацелились на меня. Желтоватые брызги летели от Мироныча и осеняли просторы. Мощная струя Подлужной слободы подвешивала струи. А Володи Курчатова — кажется, я его узнал — подбирали якорное начинание, и мы все были с учетом всех начинаний.

Когда я исчез в пучине, я выглядел как все начинающие начиналы. Засим я утверждался в могуществе неистовом, с единым паром, тревоги. Влага моя трепетала по траверсу, с поворотом. Они почему-то скрывались и поддавали вдогон перегонный пар. Почему-то они не узнавали меня. Они вообще не видели во мне нецветного субъекта, туды-т твою выцветшую за сутки, еще чего-сь. Висели у меня длиннопушечные нашлепки-колбассоу.

Мощный монитор прошел поблизости от самого персонала, и Вовик изо всей силы пустил в обрис человеческий облик. Я схватил свой успевший всевозможным кулебясом нож и спрятал его в заковырке какого-то фуртельпляса. И полетел вниз, вниз, вниз… все ниже и ниже и цепляясь за мясистое что-то, и соскальзывающее, и дальше подымающееся вверх, вверх, вверх…

Где-то на глыбе несущейся воды я схватил, намотал на нож кучу человеческого нелицеприятного и рванул, чтобы вырвать ткань, — пусть поймут, что такое в этом мятежном котле. Когда я вылетел, подброшенный водой, я все махал ножом. Корма удаляющегося монитора удалялась.

Никто не помнил обо мне. На закате все пошли со мной, и я подрезал упорные чехоморы и сваливал все в подрезную яму. Чего ты хочешь, если сама себе эта кастрюля этого дала тебе без всякой поддачи? Я взял горючий и солючий элемент и пришел вне себя от вонючести и малоблагодатности. Я стал его закапывать в вонь, куда он их всех копал, и благодать благодатная закопалась сама, самообъятная в маленькой ямке со стенками и текущими струями. Там у меня текла стародавней тропою включительная апсхну!

Овцы искали меня, обкладывали поперек простоты. Не заскорузлостью меня обложили, но и не обкладывали простотой. Заскорузлые морданцы обложили меня заскорузлою мглою. Я

лежал на земле, а возложа руки на сердечные тела, мне казалось, что я одерживаю победу. Все сердце мое, казалось, шло за мной по пятам. Шли овцы и звезды победных превратий.

Я открывал глаза в сплошной мерзлоте. Овцы почти уже все разбрелись. Я вставал и шел в необъятный колодезь, куда я вовсю прыгал до дна. Прыгал башкой, то ль головой. Проходил через всякие снегодержатели и ослепительной ослепительности ослепидарности. Я сбрасывал кучей свои благодати небесные, и всей благодати небесные они завалялись сквозь все неудержанцы, почти непросохшие.

Сто раз я просыпался через все мои нагие и обнаглевшие ткани. Сто раз и всякий раз по новой новизне. Наконец я выскакивал при полной новизне почти что голый и негодяй. И вот тогда мы носились друг с другом и необузданно злились, чтобы просохнуть. Все начинало постепенно сохнуть и мирно дремать на веревках и косточках человечьих, и все тогда засохнет на общее благо. Тут появлялись Амир Тимирзяй и Финифть Самоцветская и признавались мне во всем, и они собирались на благодати, и он тащил меня за веревки, и благодать наша тщилась и разевала пасть, пока не ругались наши пасти, а наша высота уходила все выше, а мои великолепные благодати мерцали своей прямизной.

Амир и Финифть не уходили до утра. Я спал не просыпаясь. Он не проснется, пока не проснутся все миры, благие и благодатные. Я третьим входил в трудовое хранилище. Я мог здесь брать подержанную соль и потревоженный шоколад. Содержатель растрепал различную соль при потреблении игрушек. Игрек Скафандрович терял при потреблении греческие папиросы. Хотел бы я бежать отсюда при потреблении чепухи. «Хотел бы, чтоб ты бежал из покрова греческой лавки во время потребления благодати».

Наша лавка была уже приближена бочком к отдаленному параплану. Озеро три с половиной тысячи, и даже больше, и даже ниже. Однажды Амир и Финифть взяли меня с собой на высоту двух тысяч и половины прямых ветром по пустынной державе. Я там увидел низкие сакли, которые вынесли старики, чтобы вылупить стариковские очи. Там почему-то вращались еще до голубизны наши хлестаковские уцелевшие примеры хлестаковщины. Вот каково — угодно ли хватиться на дуэлях? Кое-кто, спотыкаясь и сторонясь, подбирался со стаканами и брынзами под подмышкой, давай, вопи и глотай свое дерьмо!

Никто меня не узнал, но слух ходил сам собой, что Акси-Вакси занес из дремучести самых что ни на есть хлебов и живых ненаглядных, почти неживых. Те самые, что невзначай

удержались от потребления и жизнеподобных хлебов, равно как и жилое квадратуры до сих пор целиком и с попыткой оставшейся из отродья — кто там такие? И ко мне там подходили усталые и согбенные, склоняясь до глубокого поклона, и спрашивали: кто ты будешь там знаменит и будешь ли еще знаменит до недавнего пира, пусть будет пари, и пусть нам ответят, чтобы сказали, как будет справедливо сокровище наверняка. Однажды хроменькая Сильви Вольсман нащупала в моей бороде и склонилась до всего благодушия — браво и браво!

Мы, спускающиеся вниз приседанцы, и те, возникающиеся вверх возниканцы, — мы все не узнавали друг друга и не могли отчислить друг друга и по числу. Все сели на коврики напротив, и Сильвия протянула друг другу чайники с жасмином. Я, кажется, помнил их всех, но никого из них не пятнал. Те, кто помнит благоушанец, будут хороши. Я помнил всех этих глыб, однако не помнил без подлинной озабоченности имена не названных и всё проч. При всей нахлебутности мы не понимали наших имен и — больше того — не знали возблагодарения и весны. Я был уверен, что вскоре мы вернемся к нашим неандертальским именам.

Кто-то кого-то кому-то вещал: «Ты, как тебя звать, будем надеяться, что все к нам вернется сызнова! Нас как будто девять персон, ударенных по макушкам. Давайте надеяться, все вернется снова. Помнишь, как ветер гнал: «Темная ночь, только ветер гудит по степи, только ветер гудит по полям, тихо звезды мерцают…» Мы все еще знаем, что наши девы из школы № 3, балетная труппа «Пустые Моркваши», попали в плен. Они нас жаждут, но там хаджибеки превращают их в гарем. Они их всех растаскивают по углам и тянут их всех по ходу пальбы и стрельбы.

Одна только наша милейшая и восхитительная Вольсман, которую мы почти уже навсегда всякий из нас воспоминает, помнит еще за глаза наши лица и наши шугайские вортемплясы. Вот она только и помнит, в какой еще стране, сохранившейся от сладостной и великолепнейшей фацесты, в финикеанской суперсосущей страсти, есть еще память о клубе девочек из страны социализма…»

Мы смотрели друг на друга и улыбались, хотя ничего еще мы не хотели. Проколебалась одна ширмочка, и из-за нее, как мановение уголка, появилась одна махонькая Стеллочка Вольсман, и все вдруг заулыбались.

Она принесла большие чайники и пиалы с заправленным заваром, и с первым она подошла ко мне: «Мой друг, я помню тебя и предлагаю тебе чашку чаю».

О Боже! Вздохнули все, и все продышались. А нас еще никто не знает, кого здесь как-то зовут.

Она улыбнулась мне и подставила ротик. Я мягко коснулся ее рта. Друзья, давайте пытаться вспомнить друг друга: ведь мы же жахнулись все вокруг от тревожного Вакханала, о да!

Знаешь ли ты, моя любовь, что нам лишь нужно прорезать тучи, приблизиться к Икару и Дедалу и на всем этом порыве пролететь над Садами Семирамиды и возжелать свободы.

Мы пошли по огромной, крутобоко спускающейся, несущей нас всех в открытую долину и шли так небрежно и мягко и так-просяк разрумяненно и нежно, а некоторые подпрыгивали слегка и взлетали, и все оказались отнюдь не хуже друг друга — вот это все одни свои, — мы так и дотащимся до окончательных бесноватостей — они все никогда не забудут одиноких случайностей, — и вот наконец на открытой каменной скале оказался привязанным за десять концов наш летучий на десяти моторах некий аппарат, который нас всех перенесет через Каспий текучий.

Мы все, пока погрузились, упаковывали свое по углам, все соприкосновенное, готовое бамбенц, пока не осталась одна веревка, на которой еще держался ковер-самолет. И вот мы поднялись, и, подхваченный ветром фракийским, взмыл неподатливый парус, что ждал постоянного ветра — всегда.

Он дул всегда, налегая на посвист, и просвистал прямой выход в пустыню Карар. Верхушки дюн еще озарялись западным солнцем, пока не утихли постоянные колебания. Мы шли в темноте, на пониженной высоте и рассказывая каждый всякому разные утолщения типичных сказок. Мы шли по курсу всяких линий и не просили никого о мелких ухищрениях спецкурса. Лежали, распахнувшись, под огромным небом, где шел пограничный патруль, и никого не вовлекая. Иногда казалось, что снизу между ребятами, кто был нам неведом, вдруг вздувалось что-то кургузное, будто бы готовое к прорыву. Мы перекатывались от кочки до кочки и старались вовремя подмечать, что ноги у кого-нибудь вовремя сваливаются вниз.

И так над светящимися дюнами нас вдруг понесло, потому что от почвенностей мы как будто ушли, и теперь между постоянных бросаний и между терзаний поселковых почв мы то свисали поблизости над крышей клуба со свисающими ногами, а то вдруг собиралось все в комок, увязывалось в яблоко и катилось прочь.

Наконец мы приземлились в спокойствии на холме. Все дальше над пустыней освещалось восходным солнцем. Большое советское солнце сияло посреди солнцесияний и звучало как нестерпимое торжество до конца: «Каждый всяческий советский человек поблизости от границы Персияны готов будет выполнять

бесконечную жуть постоянной советской борьбы! Сталинз».

Мы скатали ковер до конца, а потом закатали искомое, скрытое в яме. В наших мешках угнездились мелкие варианты оружия. Кто-то здоровенный, очень сильно знакомый, близкий по имени, но незнакомый, тащил на плече основательный мешок, казалось бы, готовый к установке в двух кабельтовых на изготовку как раз над холмами по-над мешковидной тюрьмоподобной еще более издевательской в качестве расстерянности перед тем, как наши бывшие парни постучат в двери.

Ну, давайте, ребята, стучите в двери или звоните. Подождите, тут, кажется, есть телефонная лужа, которая просит, чтобы ее задули. В этот бордель, кажется, никто еще не входил, кроме американцев. Да, в общем, и среди советских еще никто не входил, пока никто еще не получил собственного удостоверения.

Два длинных мальчика и один круглоголовый и кудрявый из нашей команды взялись за дело. Никто из нас не знал, что надо будет делать. Маленькая крошка Вальсон поцеловала меня в подбородок и прошептала тихонько: «Ты мой маленький Акси-Вакси!» И это был первый и единственный фамильярный штрих.

«Вот ты, — сказал кто-то кому-то. — Ты, долгопятый, залезь под саксаул и жди очередного удара. Пусть разыграют они чего-то железного и жестокого! Пусть расплетут узлы!»

Маленький минометик жадненько возжелал очередного рвения, но мальчик тогдашний воевал в саксауле.

Наши ряшки были завязаны до глаз очередностями хамди-гарди. Мы колобасили просто так, как будто мы представляли собой своеобразие всенародия, как будто мы лишь хамим для прохода в глинобитное, как всегда. Не было ни одного самопристойного оружия, ни одного обалденно-обоюдоострого, ничего обоюдопристойного, способного выпустить сразу достаточную скорость автоматизма.

Открылась дверь, и за ней, открывшейся, не было ничего. Мы то приплясывали иногда, как будто сами знавали причастие постоянного мелкотравчатого хлопоробства.

За дверью опять никого не оказалось, и вдруг оказалось двое. Здоровые мымры вздувного типа с большими Шалашниковыми на груди. Опухшие морды подняли автоматы и шмальнули вперед. Никто ни в кого не попал. Мымрастые брыла спокойненько отступили в глубину, и вдруг все взвыли на тоненьких голосишках. Оказалось, что все мы прилегли за кучками негодяйства, а за ним все еще можно было прятаться, поскольку и дранка, и суперпланка готовы были прикрыть боковые поверхности суперджеков.

Оказалось, что супертрагедия готова была распространиться,

и всякий это знал, и оба уже прицеливались в пустую дверь. Ой-ёй, никого еще не было ничего, а все-таки была еще щель чистоты, куда, как они заметили, нацеливалась мини-минометка.

В последний миг стражники заметили содрогательное движение, мгновение ошеломляющего мига. В последний миг они в момент заметили, что ствол раскалился от отчаяния. Свист, и удар, и раскат. Вопль сумасшедших охранников наших, которые никак не могли понять, что умирают от дрожи.

Вопли эти продолжались долго. Они ползали по полу чайханы, стонали и дергались. Вылетевшие из рук у них винтовки Драгунского свисали в тот миг стволом вниз с потолка и враскачку с люстры завода имени Яна Дрды. Вдруг кто-то вызвал на втором этаже неумелую блевотину, и вслед за этим чудовищное пение: «На рейде морском, сайят-ханум, вошла, бля, тишина…»

Она такая, ниссам-ханум-баязы, тащила своего любовника за воротник рубашенции, и тот забарахтался в своем пении, довольно-таки зассанном и засранном.

В тот миг мы внеслись в несколько мгновений и разнеслись по комнатам, чтобы встретить ребят и девчат. Девчата увидели тут нашу горную обнищаловку и сразу же узнали нас. Они кричали, вопили и стонали: «Девчонки, смотрите, какие они стали веселые, гордые и толковые!» Мы только не понимали ничего, но вскоре наши родные имена стали возвращаться в расщелины ушей.

Длинный был наш, который был длинным, который вошел, держа за хвост, держа через щетку свою минометицу. Как тут же от всего кордевалета возникло дрожащее пение: «Да ведь это же наш Марик Ратгер, тудуть его налево, или иначе — прямо по улице Лобачевского, а дальше налево, и все семейство затрепещет перед Мариком, вот каковским!»

Марик наш дергался ртом и дрожал, невзирая ни на что, а просто лишь вдруг стал вопить над кузбуцким селом: «Ребята, это я, Марик!»

И все вдруг стали просыпаться от векового похмелья — Акси-Макси, Серега Холмски, Фитьоф Аскаров, Вовк Оддудовский, Валера Садовский и младский инвалид Сверчков, — одних лишь не было — ни старшего офицера Сверчкова, ни двух студенческих студенток, ни Ольги нет, ни Оксаны…

И вдруг Сесиль Вольская ворвалась одна с большой связкой ключей и стала быстро распахивать все двери, и все наши девчонки ворвались тут со всеми своими именами, и они вот так ликовали, пока не обрыдались. Оказывается, в капитальном здании обиходного дома у каждой из наших чувих гнездились

свои. Никому не пристало в этом доме пускать посторонних, а пристало лишь каждой служанке иметь своего персоналия: один — директор милиции, другой — директор службы столовых и ресторанов, третий — председатель ленинского университета миллионов, четвертый — управляющий потенциальной стрижкой овец, пятый — управляющий погрузочными средствами среды, шестой — уполномоченный средствами национальной доставки средств госбезопасности, седьмой — утекал немаловажным путем пограничной заставы — и все они заходили по мере нашего пребывания. То раздираемые нашими френчами, то такие, что заходили сюда в сеткообразных «бобочках», и каждый устраивал отельный обед, на котором каждая личная российская обслуживающая персона, именуемая наядой, могла обеспечить каждому гостю различные сферы обслуги, от чтения наизусть владимира ильича и завершая опахалами из павлиньего бока, который создавал удивительные опахала, надоступные даже нашим девам из молодого, а вернее юношеского, общества молодежи в институте познавания народных стран.

Что дальше здесь происходило в течение дня? Время от времени один из владельцев девичьего мира заходил в тень и в трепете тени, в которой вдруг словно чудеснейший попугай мечтал положить ей голову на бедра и нежно отличиться вместе с чтением теоретической стези, а в то же время и насладиться павлиньим блаженством этецетера… И в это же время входила пара мичманов краснофлотской флотилии, которые только что освоились от своих страннейших последователей… Кто были эти таковые? И неужели кто-то из гибких юнцов еще напоминал гибких и пряных по свежевым посылам плоти… ведь трудно было представить себе, что это всего лишь друзья Назиатт, что они могли быть превращены в заброшенные или забытые остракисты, или, наоборот, открыто и налицо забытые всеми гомосексуалистами…

Публикация М.А. Аксеновой и А.В. Аксенова

notes

Примечания

1

Бронированный военный корабль с башней для орудий, предназначаемый главным образом для обстрела береговых батарей.

2

Вещевой рынок в Казани.